

Annotation

Никакие учебники, справочники, тома энциклопедий не расскажут об Африке так живо и ярко, как это сделает очевидец.

Раскройте книгу Джона Хантера и вместе с автором вы пройдете по лесным дебрям, будете охотиться на диких слонов, кабанов, львов, носорогов, узнаете много о замечательной природе Африки, жизни и быте коренных жителей африканского континента.

Хантер родился в конце XIX века в Шотландии, юношей он покинул родину и с тех пор жил в Африке, путешествуя по ее саваннам и великим лесам, защищая африканское население от опасных хищников. Хантер искренне любит природу, животных, он настоящий друг Африки и африканцев, о которых пишет с симпатией и уважением.

-
- [Джон ХАНТЕР](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)

- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
-

Джон ХАНТЕР
ОХОТНИК

Предисловие

Весьма вероятно, что вам, дорогой читатель, не довелось бродить с ружьем по бескрайним равнинам Африки или по ее непроходимым джунглям, не приходилось видеть огромные стада диких слонов, стаи львов, разрывающих застреленную вами же антилопу, или столкнуться носом к носу с угрюмым обитателем колючих зарослей — носорогом.

Об этих удивительных встречах вы прочтете в книге Джона Хантера.

Уроженец Шотландии, Джон Хантер совсем молодым человеком отправился в далекую Африку. Его тянула туда врожденная страсть к охоте и жажда увидеть края, населенные бесчисленным множеством самых разнообразных диких зверей и птиц.

В Африке Хантер нашел то, о чем мечтал. В своей книге он пишет: «Когда я впервые приехал в Кению, все пространство, которое мог охватить глаз человека, было усеяно дичью. Я охотился за львами там, где сейчас стоят города, и бил слонов с паровозов первой железной дороги».

Поселившись в Африке, Хантер не купил себе ферму, не поступил на службу в городе. Он остался верен своему призванию, сделавшись охотником-профессионалом.

О своих приключениях, о столкновениях с различными зверями — львами, слонами, носорогами — Хантер рассказывает живо и интересно. Особенно подкупает в его рассказах то, что в них нет никакого вымысла. Верись каждому слову, и невольно самому становится жутко, когда читаешь, как разъяренный слон или буйвол бросается на охотника, как следопыт крадется в густых зарослях по следу раненного им

зверя. Охотник выслеживает зверя, а тот в свою очередь затаился где-то в кустах и караулит преследователя.

Такая охота не просто развлечение, это трудное и очень опасное дело. Оно требует от человека смелости, выдержки, находчивости и превосходного умения владеть огнестрельным оружием. Недаром же автор книги мимоходом бросает такую фразу: «...оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что в большинстве случаев при охоте на крупного зверя последний имел столько же шансов убить меня, сколько я его».

Охотился Хантер не ради развлечения. Это была его любимая профессия, его заработок; им он кормил себя и свою семью. В течение многих лет Хантер занимался истреблением опасных и просто вредных животных, которые опустошали посевы местных жителей, а некоторые убивали самих людей.

Слоны-разбойники, львы-людоеды, свирепые носороги и буйволы — Хантеру приходилось бороться с ними ежедневно, ежечасно, рискуя собственной жизнью.

В этом книга Хантера по содержанию очень походит на другую, столь же увлекательную книгу индийского охотника Джона Корбетта «Кумаонские людоеды», изданную Государственным издательством географической литературы в 1957 году.

Джон Хантер охотился не только сам. Много лет он служил в качестве проводника-охотника в экспедициях, которые организовывали различные местные фирмы для приезжих богатых иностранцев.

Описывая эти экспедиции, Хантер рисует самые различные типы приезжавших спортсменов-охотников. Перед нами проходит вереница живых людей: тут и истинные спортсмены, готовые к любой неожиданности и серьезному риску, связанному с охотой на крупного

зверя, и хвастливые трусы, которых один только вид зверя приводит в трепет, и просто праздношатающиеся богатые молодчики...

Путешествуя по бескрайним равнинам и делям Африки, Хантер знакомился с местными племенами. Много интересного рассказывает он о туземцах, об их образе жизни, обычаях, нравах. Как правило, все они прекрасные охотники и зоркие следопыты. Хантер часто удивляется их отваге, когда, например, мужчины, вооружившись копьями или луками, отправляются на охоту за львами. Поразительно терпение этих людей, их презрительное отношение к боли от ран, нанесенных им разъяренным зверем.

А как бывали благодарны туземцы, когда Хантер убивал слона или носорога, опустошавшего их скудные поля.

Прожив много лет среди туземных племен, населявших Африку, автор книги отзывается о них с большой теплотой и любовью. «У меня возникло такое чувство, будто я принадлежу этой стране и этому народу», — пишет он в одном месте.

В последние годы Хантер работал в должности инспектора по охране дичи в районе Макинду, в основном в заповеднике, расположенном в этой местности.

Приехав в конце прошлого века в Африку, Хантер прожил там долгие годы. На его глазах природа этой страны изменилась до неузнаваемости. «... Я видел, как джунгли превращались в пахотную землю, а племена туземцев становились заводскими рабочими. И я внес какую-то долю в эти преобразования, уничтожая опасных зверей в районах, которые предстояло освоить... Я убил более тысячи четырехсот слонов. Без гордости я говорю об этих рекордных цифрах. Такую задачу надо было выполнить, и я оказался тем, на кого ее возложили. Но как это ни покажется странным

кабинетному другу животных, я должен сказать, что очень люблю зверей. Много лет я изучал их повадки не только для того, чтобы убивать, но также из искреннего интереса к ним».

Все это правда. Верно и то, что автор книги не просто «заядлый охотник»; каждая строчка, где он описывает диких животных, дышит любовью к ним и большим знанием их повадок и жизни.

Хантер талантливый натуралист; повествуя о своих охотничьих приключениях, он раскрывает перед читателем многообразную картину природы Африки.

«Я один из последних охотников старых времен. События, свидетелем которых я был, вновь пережить невозможно. Как дичь, так и местные племена в том виде, как я их знал, исчезли. Уже никто и никогда не увидит огромные стада слонов, никто не услышит воинственных криков копейщиков племени масаи, когда они прочесывают кусты, чтобы уничтожить львов, нападавших на их скот; мало кто может сказать, что он был там, где никогда не ступала нога белого человека. Старой Африки нет, и я был свидетелем ее конца».

Хантер понимает, что этот процесс неизбежен. Как охотник-профессионал он и сам принимал в нем участие, истребляя диких зверей там, где они мешали развитию земледелия. Но, понимая все это, Хантер в то же время призывает к тому, чтобы люди бессмысленно не уничтожали диких животных, а наоборот — там, где возможно, всячески охраняли их. И весь жизненный путь автора этой книги является тому ярким примером. Вначале охотник за слоновой костью, за шкурами леопардов и львов, Хантер к концу своей деятельности становится ревностным хранителем природных богатств Африки, той самой Африки, которая стала его второй родиной.

Книга Хантера зовет читателя к тому, чтобы и он внимательно, по-хозяйски оглядывался вокруг. Ведь не

только природа Африки, но и наша родная природа требует от всех нас, чтобы мы с любовью охраняли и берегли ее.

Г. Скребицкий

Глава первая

Слон-разбойник

Однажды вечером два местных жителя, возвращаясь в деревню, заметили силуэт огромного, похожего на черную глыбу животного, неподвижно стоявшего в тени хижины. Криками они пытались испугать его. Внезапно черная глыба вышла из тени и бросилась на людей. Только теперь они увидели, что это огромный слон-самец.

Спасая свою жизнь, люди побежали в разные стороны. На одном из них был красный плащ, ставший для него смертным приговором, — слон погнался именно за ним. Жители деревни, спрятавшись в хижинах, прислушивались к погоне. Они ничем не могли помочь. Раздался страшный крик — слон настиг человека. Огромный зверь придавил его одной ногой и хоботом разорвал на части.

Я в это время сопровождал двух канадских охотников-спортсменов в Абердарском лесу, когда от вождя той деревни, где произошло убийство, прибыли посыльные.

Меня хорошо знали в Кении, где я провел много лет, сопровождая охотников-спортсменов. Иногда по просьбе властей я уничтожал опасных животных.

Вождь деревни сообщил мне, что этот слон ходил в одиночку и был настоящим разбойником. Он уничтожал посеы и несколько месяцев держал в страхе население всего района. Если не застрелить его, он наверняка рано или поздно совершит еще не одно убийство.

С охотниками-спортсменами, братьями Алленом и Дунканом Макмартинами, которых я сопровождал, у меня был подписан контракт. В течение многих недель

мы искали в кустарнике бонго^[1] — редко встречающийся вид африканской антилопы. Я понимал, что если начну охоту на слона-разбойника, это уменьшит шансы братьев-охотников на добычу хорошего трофея. И все же они, не колеблясь, предложили мне заняться слоном. Мне приходилось иметь дело с охотниками-спортсменами, которые не проявили бы такого благородства.

Я пригласил Саситу — туземца из племени Вакамба, который много лет носил мое запасное ружье во время охоты на крупного зверя. Вместе с посыльными мы тут же отправились в селение.

В деревне нас встретил вождь по имени Нгири. Мы с ним старые друзья, однако сейчас было не до воспоминаний — всю деревню охватила паника. Жители боялись выйти на шамбы — так называются кукурузные поля. Многие вообще не решались выходить из хижин, как будто плетеные жилища могли защитить их от слона-разбойника. Нгири рассказал мне, что слон переходит от деревни к деревне, уничтожая по пути посевы кукурузы. Если его не убить, жители деревни будут обречены на голод.

Вместе с Саситой мы отправились осмотреть тело убитого. Следы несчастного мы обнаружили на окраине деревушки, где он впервые заметил слона. По ним мы прошли в глубь кустарника. Это была печальная картина: человек бежал зигзагами, петлял, стараясь оторваться от преследователя. Я очень хорошо представил себе, что он чувствовал — меня самого не раз преследовал слон. Это как ночной кошмар. Шипы колючих деревьев мешают бежать, лозы ползучих растений хватают за ноги, а слон в погоне за тобой все сокрушает на своем пути и преследует тебя, подобно фокстерьеру, устремившемуся за крысой. Каждую секунду ожидаешь, что змееподобный хобот обхватит

шею, а оглянуться нельзя, так как смотришь на кусты, сквозь которые надо прорваться.

Останки жертвы мы нашли, но красного плаща, который носил убитый, нигде не было видно. Слон, наверное, унес его с собой.

Мне не раз приходилось слышать, что слоны нападают на людей, одетых в красное; по-видимому, этот цвет особенно возбуждает или раздражает их.

Я готов был тотчас же идти по следу разбойника, но Нгири посоветовал подождать: слон наверняка опустошит сегодня вечером какую-нибудь деревню и посыльные еще ночью принесут об этом известие. Тогда утром можно будет выступить по свежему следу, сократив на сутки, а может быть и больше, утомительное тропление^[2]. Нгири был прав. Оставалось ждать и надеяться, что разбойник ограничится опустошением шамбы и никого больше не убьет.

За несколько часов до рассвета из горной деревушки, расположенной в пяти милях^[3] от нас, прибыл посыльный! Оказалось, что слон вечером вошел в деревню, но вместо того, чтобы идти прямо на поля, стал ходить взад и вперед около хижин. Затем он остановился перед одной из хижин и простоял очень долго, оставив большую кучу помета в каких-нибудь шести футах^[4] от двери. Можно себе представить самочувствие несчастных обитателей хижины, спрятавшихся под ненадежной тростниковой крышей, пока слон-разбойник стоял рядом в ночной темноте — огромный и страшный. Через некоторое время, показавшееся им целой вечностью, слон направился на шамбы. В безмолвном отчаянии прислушивались люди к тому, как слон уничтожал урожай — плоды тяжелых трудов на полях, орошенных потом.

Насытившись, слон ушел в кустарник, чтобы переварить пищу и отоспаться.

С рассветом Сасита и я направились в деревню. Преодолев крутой подъем, мы оказались на высоте в девять тысяч футов. Дышать стало трудно. В деревне мы обнаружили следы слона, начинавшиеся от пролома в живой изгороди из колючего кустарника, окружавшего кукурузное поле. Дальше следы уходили в глубину великого Абердарского леса.

После яркого света равнины лес показался нам большим призрачным зданием с зеленой крышей и колоннами из могучих стволов деревьев. Вокруг царила жуткая тишина. Густая листва заглушала звук. Мы бесшумно продвигались среди стволов огромных деревьев. К счастью, здесь не было густых зарослей, и я мог видеть ярдов^[5] на двадцать вперед.

Неожиданно едкий запах слоновьего помета ударил в нос, и я увидел целую кучу отвратительной массы, облепленной мириадами лесных мошек. Сасита ногами разворошил кучу и указал на зерна не переваренной кукурузы. Помет был свежий. Слон опередил нас всего лишь на несколько часов пути.

Я надеялся на встречу со слоном в этой части леса, но разбойник оказался хитрым зверем и выбрал место для дневного отдыха в самой чаще. Следы привели нас к густым зарослям бамбука, росшего вперемежку с высоким растением, похожим на лесную крапиву. Это было место, мало подходящее для охоты. Наше появление взбудоражило множество обезьян видов колиби и сайкс. Они прыжками исчезали в деревьях, и я молил бога, чтобы слон не услышал поднятого ими шума.

Каждый раз, когда из своего укрытия выскакивала красноногая куропатка или миниатюрная африканская антилопа дукер, я вздрагивал и хватался за ружье. Все это отличалось от обычной спортивной охоты, когда имеешь возможность найти стадо в редком кустарнике

и убить на выбор любого слона. Не будь я связан обещанием, данным вождю Нгири, я бы вернулся обратно, чтобы подкараулить этого слона в более удобном месте.

Вскоре бамбуковые заросли расступились, и мы оказались на том месте, где местные жители рубили лес. Я выругался про себя, увидев, как слон бросился в сторону, почуяв ненавистный запах человека. Он помчался через бамбуковую рощу, все сокрушая на своем пути. Слон обычно не боится человека, находясь около его жилья или на шамбах, но в лесу даже ночью запах человека внушает ему панический страх.

Время близилось к пяти часам, и солнце начинало садиться. Мы были на ногах с рассвета. Слон теперь наверняка был встревожен и мог пробежать много миль, не останавливаясь. Разумный человек прекратил бы преследование и вернулся в лагерь, но я редко отличался благоразумием, когда дело касалось охоты, и знаком предложил Сасите продолжать преследование. Идти с каждым шагом становилось все труднее. Поверхность почвы была покрыта подгнившей растительностью, и мои ботинки проваливались сквозь нее, издавая звук, который насторожил бы даже непуганого слона.

Через час такого преследования Сасита издал низкий свист, похожий на крик птицы (охотничий сигнал «внимание!»). Мы остановились. Я услышал, как слон двигался через бамбуковые заросли слева от нас. Он шел против ветра, стараясь учуять наш запах. Затем все затихло. Очевидно, слон остановился, чтобы прислушаться. Положение изменилось: уже не мы подкрадывались к слону, а слон подкрадывался к нам.

Я снова подумал о том, что, пожалуй, следует повернуть обратно, но мне не хотелось нарушать слово, данное старому Нгири.

Сквозь стволы бамбука можно было уже различить неясную, похожую на тень, фигуру. Я замер и медленно поднял ружье. Но из-за густых зарослей нельзя было понять, где голова, где хвост зверя, не видно было даже блеска клыков. Я задержал дыхание и едва не задохся, боясь произвести малейший звук. Страшно хотелось выстрелить, но я боялся ранить разбойника. Стоило ему двинуться в ту или иную сторону, и я бы знал куда стрелять.

Вдруг легкий ветерок пронесся через бамбуковые заросли. Слон учуял наш запах и мгновенно исчез.

Я почувствовал легкий приступ тошноты. Выстрелом можно было убить слона. Но если бы я его только ранил, он мог убить нас обоих. Раненый слон страшен, и я предпочитаю не стрелять, если не уверен, что наверняка убью его.

Продолжать преследование было бессмысленно. Наступал вечер, а до лагеря было много миль. Мы медленно пустились в тяжелый и долгий обратный путь. В деревне все были горько разочарованы моей неудачей. Почти никто ничего не говорил. Ужинали мы при абсолютном молчании.

После того как я поел и закурил трубку, можно было смотреть на прошедшую охоту более спокойно. Неудачи в охоте тоже имеют свою прелесть. Ведь если бы охота была каждый раз удачной, интерес к ней пропал бы совершенно. Жаль только — местные жители, чьи шамбы разбойник разорит этой ночью, не смогут судить о данном предмете так же беспристрастно.

Я лежал, прислушиваясь к призывным крикам хайракса — любопытного зверя, похожего на большую морскую свинку, и к ровному гулу деревенских барабанов. Жители деревни, подбадривая себя, поглощали невероятное количество домашнего пива. Неплохо было бы присоединиться к ним, но мне надо было сохранить ясную голову для следующего дня

охоты. Скоро наступила тишина, изредка нарушаемая болтовней потревоженных обезьян или щебетом сонной птицы. Наконец, я заснул.

Утром густой туман повис над лесом. На траве лежала тяжелая роса. Холодный воздух пронизывал до костей. Пока я пил горячий чай, в лагерь прибежал полуодетый посыльный. Ночью слон-разбойник уничтожил урожай на поле, находящемся в трех милях от лагеря. Слон был достаточно хитер, чтобы не совершать набега на одно и то же место.

Мы с Саситой тотчас же отправились в деревню, на которую был совершен набег. Когда мы прибыли, несколько человек этой деревни предложили пойти вместе с нами в качестве проводников. Мы скоро обнаружили следы слона, один вид которых вызывал у меня ненависть.

Мы пошли по берегу горной речки, заросшему папоротником. Кое-где слон вырывал клыками растения и ел их корни. Некоторые папоротники, видимо, обладают лечебными свойствами, которые поддерживают здоровье этих огромных животных. Мы решили, что слон находится очень близко, так как взрытая земля хранила влажность. Ветер был устойчивым и благоприятным для охоты. Медленно продвигаясь через заросли, мы слышали треск ломаемого бамбука. Слон находился впереди нас. Он не мог нас слышать из-за шума, который сам производил. Мы были уверены, что если ветер не изменит направление, со слоном-разбойником будет покончено.

Вот его хобот появился над стволами и подтянул сочную верхушку. Подкрадываясь к слону, мы смотрели сквозь стволы, и в то же время следили за тем, куда ставить ногу. Сасита не отставал от меня. Он все время проверял направление ветра с помощью небольшого гриба-дождевика. Если встряхнуть этот гриб, из него посыплется мельчайшие, похожие на дым, споры, по

движению которых можно определить малейшее дуновение ветра. По мере того как мы пробирались в глубь рощи, ветерок затихал, и споры дождевика неподвижно повисали в воздухе, окутывая руку Саситы. Тут я и увидел слона на расстоянии менее пятнадцати ярдов.

Я слышал, как он жевал побеги бамбука, хоботом поднимая их ко рту. Между нами было сплетение бамбуковых стволов, через которые я не решался стрелять. Пуля могла уйти в сторону, ударившись о крепкий бамбуковый ствол. Кроме того, надо было определить: стрелять или подождать несколько минут, пока слон немного передвинется и даст мне возможность бить в плечо. Решать нужно было быстро, поскольку мы находились так близко, что наш запах мог дойти до него и без ветра.

Слон действительно увидел нас, но на этот раз он не убежал, как накануне. Без колебания он развернулся и бросился вперед. Огромные уши были плотно прижаты к голове, а хобот к груди. Он ревел от ярости, издавая серию горловых звуков «урр», — не знаю, как лучше передать этот звук. Я навел правый ствол в центр его черепа чуть выше линии глаз. На какое-то мгновение после выстрела слон, казалось, повис в воздухе. Затем с треском и грохотом рухнул, издавая пронзительные крики и низкие булькающие звуки. Из второго ствола я выстрелил в середину шеи. В то же мгновение вся туша расслабилась, а задние ноги вытянулись.

Наши добровольные проводники поступили весьма мудро, исчезнув, когда началась стрельба. Сейчас они начали появляться, как будто вырастая из-под земли. Они собрались вокруг убитого слона и смотрели на него с такой радостью, что были не в состоянии произнести ни одного слова. Им, по-видимому, казалось, что все это

слишком хорошо, чтобы быть правдой. Теперь, наконец, можно спокойно работать на полях.

Я присел на ногу разбойника, чтобы набить трубку. Всем хотелось как-то выразить мне свою благодарность. Однако все, что эти бедняки могли сделать, — предложить мне холодной воды. Некоторые из секций стволов бамбука имели маленькие отверстия, пробурованные насекомыми. Мои друзья, выбрав такие секции, срезали их и принесли мне. Каждая такая секция содержала несколько глотков чистой холодной воды.

Выкурив трубку, я осмотрел убитого слона. Клыки его были в очень плохом состоянии. Они весили всего-навсего 40 фунтов каждый. Обычно вес клыков слона-самца втрое превышает этот вес. Лесная растительность, вероятно, бедна кальцием. Поэтому слон, живущий в лесу, никогда не обладает такими клыками, как слон — обитатель кустарников.

У основания правого клыка я нашел старую дыру и ножом выковырнул мушкетную пулю, выпущенную много лет назад арабским охотником, добывавшим слоновую кость. Пуля засела в нервном центре клыка и, должно быть, причиняла животному невероятную боль. От постоянной боли старый слон-самец взбесился и стал разбойником. По всей вероятности, араб, стрелявший по этому слону, до сих пор наслаждался жизнью, не думая о тех страданиях, которые он причинил как людям, так и зверю.

Мы направились к лагерю. Все были в прекрасном настроении. Проводники, шедшие впереди, ножами прорубали для нас путь сквозь заросли. Всю дорогу они кричали и смеялись. Как не похож был этот шум на мертвую тишину, в которой мы крались по тому же пути несколько часов назад! Когда мы вышли на открытую местность, я увидел, что все склоны гор усеяны черными точками. Это были люди, услышавшие

выстрелы моего ружья и торопившиеся нас встретить. Проводники выкрикнули несколько гортанных звуков, пронесшихся по всей долине. Голоса местных жителей разносятся на удивительно большое расстояние. Я видел, как люди остановились, а затем помчались в деревню с доброй вестью.

В лагере мне и Сасите была устроена торжественная встреча. Даже старики и больные выползли из хижин, чтобы поблагодарить нас. Друг-охотник не подвел их. Я послал сообщить вождю Нгири, что со слонем-разбойником покончено, и сел ужинать.

Вечером, покуривая трубку возле костра, я вспоминал годы, проведенные в Африке. Когда я впервые приехал в Кению, все пространство, которое мог охватить глаз человека, было усеяно дичью. Я охотился за львами там, где сейчас стоят города, и бил слонов с паровозов первой железной дороги. На моих глазах лесные дебри превращались в пахотную землю, а туземцы становились заводскими рабочими. И я внес какую-то долю в эти преобразования, уничтожая опасных зверей в районах, которые предстояло освоить. Я убил рекордное в мире число носорогов и, возможно, рекордное число львов, хотя в те времена мы не считали убитых животных. Слонов я убил более тысячи четырехсот. Без гордости я говорю об этих цифрах. Такую задачу надо было выполнить, и Хантер оказался тем, на кого ее возложили. Но как это ни покажется странным кабинетному другу животных, должен сказать, что я очень люблю зверей. Много лет я изучал их повадки не только для того, чтобы убивать животных, но из искреннего интереса к ним.

Правда, я всегда проявлял интерес к спортивной охоте, всегда питал большую страсть к огнестрельному оружию, предпочитая треск нарезного оружия или гром дробовика искусству лучшего оркестра. Не могу сказать, что охота не доставляла мне удовольствия.

Однако могу с уверенностью сказать, что в большинстве случаев при охоте на крупного зверя последний имел столько же шансов убить меня, сколько я его.

Я один из последних охотников старых времен. События, свидетелем которых я был, вновь пережить невозможно. И дичь, и местные племена в том виде, как я их знал, исчезли. Уже никто никогда не увидит огромные стада слонов, никто не услышит воинственных криков копейщиков племени масаи, когда они прочесывали кусты, чтобы уничтожить львов, нападавших на их скот; мало кто может сказать, что он был там, где никогда не ступала нога белого человека. Старой Африки нет, и я был свидетелем ее конца.

Данная книга некоторым образом является повествованием о последних днях Великой охоты на крупных зверей. Нигде в мире не было дичи, которая могла бы сравниться с африканской. Нигде в мире животные не были столь крупными, столь сильными и столь многочисленными. Теперь, когда все это уже почти ушло в прошлое, возможно, некоторые пожелают услышать о величайшей эре Охоты в истории земли.

Глава вторая

Джон Хантер из Шотландии

Я родился возле Ширингтона на юге Шотландии за тридцать лет до начала столетия. У моего отца была одна из лучших ферм в этой части страны: триста акров^[6] хорошей пахотной земли и три квадратных мили пастбищ. Согласно семейным преданиям, наша фамилия — Хантер^[7] происходит от названия профессии нашего дальнего предка. И в самом деле, любовь к охоте была присуща всем членам нашей семьи. Мой отец постоянно охотился в болотах, окружавших залив Солвей Фирт, а мой старший брат считался одним из лучших знатоков флоры и фауны Шотландии. Моя мать была единственным членом семьи, не участвовавшим в спортивной охоте: все ее время было занято домашним хозяйством.

Однако если для других членов семьи охота была лишь отдыхом, то для меня она была воздухом, без которого я не мог жить. Младенцем я, ковыляя, подходил к отцу и подбирал стреляные гильзы. Мне нравился запах горелого пороха.

Став старше, я проводил все дни на огромном болоте, носившем название Лохар-Мосс, где в изобилии водилась черная дичь: утки, выводки черноголовых чаек, гнезда которых попадались так часто, что трудно было сделать шаг и не наступить на яйца. В течение долгого времени изучал я тропинки, проходившие через болото. Когда я возвращался, моя одежда обычно была в весьма плачевном состоянии, так как тысячи кружившихся птиц пачкали меня своим пометом, а иногда я проваливался по грудь в болотную тину. Это приводило мою бедную маму в отчаяние, но я

наслаждался каждой минутой таких прогулок. Даже сегодня я мог бы с завязанными глазами пройти по тем тропинкам.

Когда мне было восемь лет, я в отсутствие отца взял его ружье и пошел на охоту. Это было старое ружье фирмы «Перде». По-моему, дробовое ружье фирмы «Перде» — самое лучшее из всех когда-либо изготовленных человеком. В настоящее время в Кении «Перде» с двумя парами подобранных и пристрелянных стволов и футляром ценится в тысячу гиней. И оно стоит таких денег, ибо никакое ружье не может сравниться с этим по точности боя. Отец купил подержанное «Перде» у своего друга, который в свою очередь купил его еще у кого-то. Только одному богу известно, сколько из него сделано выстрелов, но затвор действовал ничуть не хуже, чем в тот день, когда ружье только что вышло из мастерской, а сбалансировано оно было так, что стрелять из него доставляло удовольствие.

Когда я первый раз вышел с этим ружьем, я чуть не прострелил себе ногу. Подкрадываясь к куропатке, я настолько увлекся, что не заметил, как нажал спуск. Когда отец узнал о случившемся, он был страшно расстроен, но тем не менее не запретил мне брать ружье. Вскоре я научился пользоваться этим прекрасным оружием по всем правилам и каждый вечер в своей комнате начищал и смазывал его, пока стволы не начинали блестеть матовым блеском. Что касается старой инкрустации на казенной части, то она почти не стерлась, несмотря на постоянную полировку.

Охотясь с этим ружьем в низинах, я стрелял диких гусей, уток и белошеких казарок. Я научился подкрадываться к стае, когда птицы с шумом жадно заглатывали мелкие ракушки, в изобилии рассыпанные в мокром песке. Когда шум вдруг обрывался, я знал, что птицы поднимали головы и оглядывались. В этот

момент я замирал на месте. Ночью, лежа в кровати, я прислушивался к гоготанию диких гусей, пролетавших над фермой навстречу штормовому ветру. Эти звуки ласкали мой слух гораздо больше, чем звуки волынки. Затем я засыпал, и мне снился новый день и новая охота.

Не забывал я и рыбную ловлю; много времени проводил на речке Лохар — ловил на мух рыбу, пользуясь бамбуковой удочкой. Частенько с наступлением темноты я возвращался к речке с факелом и копьем для охоты на лосося. При достаточном проворстве ослепленного светом лосося можно заколоть быстрым ударом копья. Это требовало не малого искусства, потому что копье, казалось, изгибалось в воде, и приходилось делать поправку на угол преломления.

Я вырослел, и кое-кто из жителей деревни начал приобщать меня к древнему и весьма почетному виду спорта, который обычно называется браконьерством. Это прекрасное занятие требует большого искусства. На юге Шотландии было немало браконьеров, но мне кажется, я могу, не хвалясь, сказать, что ни один из них не мог сравниться со мной, так как все время, когда я не занимался охотой с ружьем и ужением рыбы, я тратил на то, чтобы научиться ставить силки или сети. Немало темных ночей я провел, ползая в кустарнике, обвязав шею тонкой шелковой сеткой, как будто это было кашне, и прислушиваясь к шагам сторожа, гулко отдающимся по мерзлой земле. Сторожа были вооружены ружьями, которыми они пользовались без колебания, часто оценивая жизнь фазана или кролика выше жизни человека. Такие условия делали этот вид спорта еще более увлекательным. Я часто думаю, что приобретенный в юношеские годы опыт оказал мне хорошую услугу много лет спустя, когда я стал охотиться на крупного зверя.

Ходил я всегда с собакой. Она-то и предупреждала меня о приближении сторожа. Однажды мы вместе лежали на животе, когда два сторожа на расстоянии десяти футов от нас гадали, где бы я мог спрятаться. Это было хорошее время, и мне часто кажется, что я получал не меньше удовольствия от кролика, добытого за спиной сторожа, нежели в более позднее время от убитого мной слона с клыками весом в двести фунтов.

Зачастую, возвращаясь поздней ночью, я видел в окнах нашего дома свет. Это означало, что родители ждут меня. Добычу я прятал в погребе за бочками, а затем бесшумно взбирался в свою комнату по черной лестнице (я изучил все скрипучие половицы и научился не ступать на них). После этого я раздевался и нырял в постель. Позже родители поднимались в мою комнату. Увидев, что я крепко сплю, мать удивленно говорила: «Где он только пропадал?». Я подозревал, что отец прекрасно знал, где я мог пропадать, но он никогда меня не выдавал.

Так я и рос, проявляя мало любви к земледелию и еще меньше уважения к солидным людям Ширингтона. Они в большинстве случаев были плохими стрелками и, конечно, не умели поставить силок для кроликов или для ловли лосося забросить мушку в реку на тридцать футов.

Темным облачком на моем горизонте была школа. У меня вошло в привычку опаздывать на занятия, поскольку я не мог пройти мимо болота, не посмотрев, как поживают птицы. Школьный учитель был зверем по своему характеру, довольно щедрый на березовую и бамбуковую розгу и бамбуковую палку. Больше всего он любил колотить провинившегося по голове, сначала с одной стороны, а потом с другой, пока уши ученика не чернели и он не падал, теряя сознание. Несколько учеников из моего класса выросли глухими в результате такого обращения.

Я был крупным парнем, и хотя наш учитель частенько бил меня бамбуковой палкой, он не смел бить меня рукой. Но однажды, когда мне было четырнадцать лет, я пришел в школу после одной из вылазок, весь измазанный грязью. Этому учитель стерпеть не мог. Он бросился на меня с кулаками и стал колотить по голове, пока из ушей не потекла кровь. Мне показалось, что он просто сошел с ума. Схватив грифельную доску, я изо всех сил ударил его. У меня были неплохие мускулы: я постоянно лазил по деревьям за птичьими яйцами и ходил на охоту с тяжелым ружьем. Учитель зашатался, сделал несколько шагов назад и, чтобы не упасть, схватился за парту. Я решил, что лучше уйти из школы до конца дня, и вернулся в свое любимое болото Лохар-Мосс, где мог побыть в одиночестве.

Придя домой, я узнал, что учитель уже был там вместе с местным священником. Родители были страшно расстроены, но, когда я рассказал им все, отец не стал наказывать меня, а мать посоветовала побольше уделять внимания книгам и поменьше ружью. С тех пор учитель боялся меня. Поэтому так получилось, что в школе я проводил очень мало времени, предпочитая удить рыбу или охотиться.

Мои родители всегда считали, что я пойду по стопам отца и стану фермером. Но я не питал никакой любви к земледелию или к чему-либо, кроме охоты. Все же я считал, что фермеру лучше, чем клерку, который на целый день заперт в конторе, и не возражал родителям. Но когда мне исполнилось восемнадцать лет, я попал в серьезную беду. Девушки в Шотландии мало изменились со времен поэта Роберта Бернса и не скупались на знаки внимания. Я считал себя весьма опытным в этих делах, а в действительности был всего-навсего мальчишкой и серьезно влюбился в женщину старше меня по возрасту. Я думаю, что увлечение прошло бы, если бы не вмешался сюда местный

священник. Он пришел к моим родителям и перечислил мои прегрешения. Меня вызвали на семейный совет и просили порвать с этой дамой. Я отказался подчиниться решению семейного совета и поклялся жениться на ней. Священник ушел, грозя мне муками ада, а родители остались в полной растерянности, не зная, что делать и куда обратиться.

Восстановив против себя священника и будучи на довольно плохом счету у всех (кроме тех, кто был благодарен мне за дичь, которую я дарил им в тяжелое зимнее время), я был отверженным среди жителей нашего местечка. Родители смертельно боялись, что я исполню свою угрозу и женюсь на той самой женщине.

Однажды вечером, когда я угрюмо сидел в своей комнате, ко мне зашел отец.

— Джон, мы вот тут всей семьей поговорили о тебе, — сказал он, присаживаясь на кровать и глядя на свои руки. — Мы решили, что тебе было бы неплохо поехать в какое-нибудь путешествие... ну, скажем, в Африку. Кузен наших родственников живет в Кении близ города Найроби. У него ферма. Если ты согласен, я куплю тебе полфермы.

Я знал, о каких родственниках идет речь. Это замкнутые, скупые до скаредности люди. Если у них между пальцев проскользнет фартинг, они кричат: «Спасите!». Если этот кузен был сколько-нибудь похож на них, то мне предстояла в Африке нелегкая жизнь. Но я не думал ни о чем — в Африке водились слоны и носороги, это была та страна, где мне следовало жить. Я готов был уехать в ту же ночь и сказал об этом отцу.

Уходя из моей комнаты, отец задержался у порога.

— Сынок, можешь взять мой Перде, — сказал он.

Я понял, что отец простил меня.

Через несколько недель я сел на судно, отправлявшееся в Момбасу — порт на восточном побережье Африки. Со мной было охотничье ружье

Перде и винтовка маузер калибра 275^[8]. Это было тяжелое оружие, привезенное моим дядей с англо-бурской войны. В Шотландии, где самая крупная дичь — барсук, эта винтовка казалась чудовищно большой.

Прощаясь, отец сказал мне:

— Джон, эта поездка или сделает из тебя человека, или сломит тебя. Ты не хочешь жить нашей скучной жизнью и жаждешь приключений. Ты их получишь. Но если ты вернешься из Африки с поджатым хвостом, я не потерплю твоего бахвальства. Это будет означать, что ты вернешься битым, сынок. И тогда тебе придется остепениться, заняться честным трудом и работать, как все люди.

Я мало думал об этом. Я представлял себе, что возвращусь в один прекрасный день богатым, с большим количеством слоновой кости и десятком рекордов по охоте на крупного зверя. «Я покажу, — думал я, — этим людям, что за парня они прогнали». Особенно много я думал о том, как зайду к своим старым друзьям: священнику и школьному учителю.

После трехмесячного путешествия я прибыл в Момбасу. Неопытному шотландскому парню, каким был я, показалось, что его подняли и опустили в сказочную страну «Тысячи и одной ночи». Впервые в жизни я увидел настоящие пальмы, ходил по африканским базарам, где были вывешены для продажи шкуры леопардов, встречался с полураздетыми туземцами, прибывшими из джунглей Экваториальной Африки. В море выходили арабские суда с треугольными парусами, направляясь через Индийский океан в Бомбей.

Большая часть города состояла из белостенных домов с соломенными или камышовыми крышами. Ближе к причалам стояли древние здания, многие из которых были построены в те времена, когда Момбаса

была большим могущественным городом. У этих зданий были красивые двери из тика и огромные окна, защищенные железными решетками. В середине зимы здесь была такая жара, что я просто обливался потом в одежде из домотканой материи.

Долго задерживаться в Момбасе не стоило, так как мне предстояло ехать в Найроби. Вечером я сел в поезд. Первую часть пути поезд проходил через тропические джунгли. На станциях местные жители продавали бананы, апельсины и грейпфруты, только что снятые с дерева. Мне это казалось почти чудом — я всегда считал такие фрукты предметом роскоши.

Когда я проснулся утром, поезд достиг предгорий. По обе стороны полотна паслись стада диких животных: мечта охотника, ставшая былью. Я чуть не сошел с ума от волнения, наблюдая, как неизвестные животные спокойно поднимают головы, чтобы посмотреть на проходящий поезд. Я узнал только длинношеих жирафов, между тем здесь паслись десятки различных видов газелей и антилоп. Через несколько лет я знал все виды диких африканских животных не хуже, чем уток и гусей на болоте Лохар-Мосс.

В Найроби поезд прибыл в полдень. В то время этот город в основном состоял из жалких лачуг и лишь кое-где строились настоящие дома. Слышно было, как пассажиры подзывали местных носильщиков. Чувство страшного одиночества овладело мной.

Через некоторое время в конце платформы показался великан. Волосы у него торчали во все стороны, подбородок утопал в грязной бороде. На бедре, как у американских ковбоев, висело два огромных револьвера, а за пояс был заткнут нож. Я в ужасе уставился на чудовище, надеясь, что в этой стране их не так уж много.

Великан подошел ко мне и проревел:

— Не ты ли Джон Хантер?

Я подтвердил это упавшим голосом.

— Я твой кузен! — рявкнул он, присовокупив ругательство.

Впоследствии я узнал, что он редко говорит без ругани.

— Грузи свои вещи!

Мы поехали на его ферму, расположенную примерно милях в двадцати от станции. Всю дорогу кузен непрерывно говорил и ругался, попивая ром из бутылки, стоящей рядом на сиденье. От его речей меня бросало в жар. Когда-то он был шкипером парусника, который плавал вдоль африканского побережья. Судя по тому, что он говорил, это судно мало чем отличалось от пиратского. Он нагнал на меня страх рассказами о том, как протягивали виновных под килем, как их пороли. Вскоре мне пришлось убедиться, что на деле он не менее жесток, чем на словах. По дороге нам встретилось несколько местных женщин, которые шли через поля, болтая и смеясь, как все женщины.

— Сказано этим чертовым туземцам — не ступать на мою землю! — крикнул кузен.

Не теряя времени, он выхватил один из своих огромных револьверов и открыл по несчастным огонь. Женщины с криком бросились врассыпную. Одна из них споткнулась и упала. Кузен громко хохотал, наблюдая, как пули поднимали возле нее столбики пыли. Пострадал ли кто-нибудь из них

— не знаю, им удалось убежать.

Дом моего кузена — обычная плетеная, обмазанная глиной хижина — состоял из одной комнаты. После моего приезда комнату разделили на две половины ситцевой занавеской, висевшей на веревочке, протянутой от одной стены к другой. Ситец был дешевый и тонкий, назывался он «американ», так как производили его в Соединенных Штатах.

Кузен представил мне свою жену — пугливую, худенькую женщину, которая, вероятно, была когда-то довольно миловидной. Она несмело приветствовала меня. Каждый раз, когда кузен с ней заговаривал, она нервно вздрагивала — это было вполне объяснимо, так как почти каждое его слово сопровождалось ударом.

Я прилег на походную койку. Никогда еще я не чувствовал себя столь несчастным.

На следующее утро кузен повел меня показывать свою плантацию. Она была в самом запущенном состоянии. Я достаточно был знаком с земледелием, чтобы понять, насколько неправильно ведется хозяйство. Кузен не родился фермером и было совершенно непонятно, почему он им стал. Я старался объяснить ему, как кладут удобрения в почву и как нужно рыть оросительные каналы. Но он не обращал ни малейшего внимания на слова такого молокососа, как я. Награждать пинками и ударами работавших на его плантациях местных юношей доставляло ему удовольствие. Когда наступало время выводить коров, он избивал несчастных животных сыромятным кнутом так, что они ревели от боли, как люди.

На плантации я провел три месяца. За это время я так ничего и не узнал об Африке, но научился говорить на языке суахили. В Британской Восточной Африке живут десятки племен, и суахили у них своего рода универсальный язык. Куда бы вы ни попали, наверняка найдется несколько человек из местного населения, которые понимают суахили. Что касается ведения хозяйства, я ничему не мог научить своего кузена, ферма приходила в упадок буквально на глазах. Каждый вечер я слышал, как он ругал свою несчастную маленькую жену, а ругань, как правило, сопровождалась побоями. Я же был всего-навсего мальчиком и ничего не мог поделать.

Помня слова отца о возвращении с поджатым хвостом, я представлял себе горькую унижительную картину, как я ползу домой, умоляя семью пустить меня и покорно принося извинения викарию и школьному учителю. Как будут злорадствовать эти псы! Вот и конец радужных мечтаний и честолюбивых стремлений. Но жить такой жизнью я тоже не мог. В конце концов мои плоть и кровь возмутились и, собрав свои немногочисленные вещи, я возвратился в Найроби.

Небольшая сумма денег, которыми я располагал, находилась в Индийском банке. Я отправился туда взять деньги на обратный билет. Услышав мою картавую шотландскую речь, кассир банка, сидевший за решетчатым окошком, с любопытством оглядел меня.

— Из какой части Шотландии ты прибыл, дружок? — спросил он.

В его речи я тоже уловил небольшую картавость.

— Из Ширингтона, в семи милях от Дэмфриса, — ответил я.

— Так ты должен знать моего брата — майора Круикшанкса из Айрширского имперского полка.

В самом деле, я когда-то был приписан как территориальный солдат к Айрширскому полку и находился в подчинении майора Шруикшанкса. Мы были с ним хорошо знакомы.

Когда кассир банка услышал об этом, он потребовал, чтобы я присел и рассказал о своих злоключениях. Узнав, что я готов вернуться домой, он не захотел и слышать об этом.

— Да разве шотландец может пропасть, дружок! — сказал он. На железной дороге служит мой друг, он устроит тебя охранником. Это поможет тебе пережить трудное время, пока не найдешь более подходящего занятия.

Неделю спустя я уже служил на той самой железной дороге Момбаса — Найроби, по которой я первый раз

проехал три месяца назад. Меня одели в прекрасную форму цвета хаки с портупеями, перекрещивавшимися на груди. Правда, это казалось мне пустяками, которым не стоило придавать никакого значения. Я никогда не надевал форму, если в поезде не следовало официальное лицо. Самое главное — я имел прекрасные возможности для охоты. Иногда у железнодорожных путей появлялся лев, а ранним утром или вечером можно было встретить леопарда. В ящике, где обычно хранилась пища, я возил с собой старую винтовку. Если попадался хороший экземпляр, я высовывался из окна вагона и стрелял. После этого я дергал кран тормоза, останавливал поезд и вместе с местными юношами выскакивал и снимал шкуру с убитого зверя. В те времена никто особенно не спешил. Наш машинист был хорошим парнем. Наблюдая за путями впереди поезда, он, увидев зверя, подавал мне сигнал свистком. Три свистка означали, что он увидел леопарда, а два — льва. Один свисток означал, что он просто останавливается, чтобы взять новых пассажиров.

Однажды машинист дал целый залп свистков. Я выглянул в окно и увидел в кустах стадо слонов. До этого мне никогда не приходилось их видеть в естественных условиях. Я схватил винтовку и соскочил с поезда. Машинист поспешно остановил меня.

— Мне только хотелось, чтобы ты на них посмотрел, а не стрелял, — сказал он. Вдруг они бросятся на нас.

— Не бойся, мы перестреляем их, как кроликов, — пообещал я.

Вместе мы стали подкрадываться к стаду. У меня еще хватило ума, чтобы идти к ним против ветра: слоны не подозревали, что мы находимся поблизости. По мере того как мы подкрадывались, стадо тоже двигалось и оказалось между нами и поездом. Слоны разбрелись по всему кустарнику, окружив нас со всех сторон.

Машинист был человеком нервным и умолял меня ни в коем случае не стрелять.

— Мы окажемся в их гуще, когда они побегут. Давай-ка выберемся отсюда.

Мне не хотелось уходить, не сделав ни одного выстрела. Я еще ничего не знал об охоте на слонов и не подозревал, что пулей калибра 275 можно убить слона наповал, попав лишь в определенное место. Я навел винтовку и, целясь в плечо слона-самца с прекрасной парой бивней, нажал спуск.

В следующее мгновение мне показалось, что все силы ада вырвались на свободу. Слоны с ревом бежали в разные стороны. Земля сотрясалась под ударами их ног. Некоторые пробежали настолько близко от нас, что до них, казалось, можно было дотронуться рукой. Когда облако пыли улеглось, я увидел, что машинист стоит на коленях и молится. Слон-самец, в которого я стрелял, не был убит. Я попросил машиниста пойти со мной по его следу.

— Если господь бог в своей бесконечной милости допустит мое спасение, я больше никогда не покину поезд, — заявил он.

Однако мой выстрел имел гораздо более серьезные последствия, чем я думал. При возвращении из Момбасы я обнаружил убитого слона недалеко от железнодорожных путей. Остановив поезд, я взял клыки. За слоновую кость я выручил по пяти рупий за фунт, всего 37 фунтов стерлингов за оба клыка. Это было больше, чем я заработал за два месяца службы.

Я понял, что охотой можно зарабатывать на жизнь, и зарабатывать неплохо. Раньше мне это не приходило в голову.

В Шотландии охота всего-навсего вид отдыха, и в основном для очень богатых людей, которые могут позволить себе роскошь выращивать фазанов и арендовать охотничьи угодья с куропатками.

Зарабатывать на жизнь при помощи ружья! Мне казалось, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И все же в Найроби было немало людей, которые занимались этим. Работая в железнодорожной охране, я имел возможность встречаться с самыми разнообразными людьми. Я познакомился с некоторыми знаменитыми охотниками-профессионалами того времени. Это были самые колоритные люди, которых я когда-либо видел.

Среди них был Аллан Блэк, который украсил свою шляпу кисточками хвостов четырнадцати убитых им львов-людоедов.

Был и некто Билли Джадд — один из самых известных охотников, промышлявших слоновую кость в Африке. Позже он был убит разъяренным слоном-самцом.

Фриц Шинделар постоянно носил белоснежные верховые бриджи. О нем ходил слух, что в его жилах текла королевская кровь. Фриц когда-то служил офицером в Венгерском лейб-гусарском полку и охотился, только верхом. Пуская лошадь галопом рядом со львом, он стрелял в хищника из карабина. В конце концов Фриц был убит львом, стащившим его с седла.

Мне пришлось познакомиться и со стариком «Карамоджо Белл», который охотился на слонов с легкой винтовкой калибра 256 ^[9]. Он настолько хорошо знал уязвимые места огромных слонов, что ему не требовалось более тяжелого ружья. Знал я и американца Лесли Симпсона, который считался лучшим охотником на львов. За один год он убил 365 львов.

Для меня это были настоящие герои, и я мечтал походить на них.

Глава третья

Охотник-профессионал в Африке

Свою карьеру профессионального охотника я начал с охоты на львов. В Момбасе львиные шкуры продавались по фунту стерлингов каждая, шкуры леопардов были почти в той же цене. В районе Тсаво, расположенном примерно в 200 милях к юго-востоку от Найроби, водилось очень много львов. Они убивали скот, а иногда и заблудившегося жителя. Несколько лет назад, когда прокладывали железную дорогу, львы убивали так много рабочих, что пришлось остановить строительство, пока львы-людоеды не были уничтожены.

Охота на львов — опасное занятие. На многих памятниках кладбища в Найроби имеется краткая надпись: «Убит львом». Вооружившись старой маузеровской винтовкой, я приступил к охоте, почти ничего не зная об этих животных, об их жизни и повадках.

А знать это было необходимо.

Лев — представитель семейства кошачьих, а кошки крайне любопытны. Львы очень темпераментны, в высшей степени неуравновешенны и подвержены сильному влиянию погоды. В период дождей львы становятся нервными, энергичными. Дожди обостряют их чутье, а сухая погода делает ленивыми и безразличными. Охотятся львы в основном ночью. Темнота, как мне кажется, вообще возбуждает их: чем темнее ночь, тем вероятнее появление львов.

Львы довольно общительные животные и обычно собираются группами. Хотя они и не испытывают

особого удовольствия, находясь в обществе, как например, собаки, но и одиночества не любят. Группу львов принято называть «прайд». Мне приходилось видеть до восемнадцати львов в прайде, от величественного старого самца до новорожденных львят, забавно игравших хвостами своих матерей. В период течки лев удаляется с самкой на несколько дней, затем вновь присоединяется к прайду. В прайде может быть несколько львов-самцов, причем у каждого из них имеется свой гарем. Однако, как правило, во главе прайда стоит самец, которому подчиняются все.

Нельзя сказать, что львы охотятся стаями, но в их охоте есть определенная организация. Убивают чаще всего львицы или молодые активные самцы. Старый лев-патриарх часто остается в стороне, как бы руководя охотой, и вступает в дело в самом крайнем случае. Во время охоты львы подают друг другу сигналы глухим ворчанием, которое отличается странными чревовещательными свойствами. Откуда идет звук — определить невозможно. Ревут львы очень редко. За всю жизнь мне только раз пришлось услышать рев льва. В самую темную ночь львы видят прекрасно. Мне кажется, что во время охоты они больше полагаются на свое зрение, чем на обоняние. Ворчанием они обращают жертву в бегство, загоняя ее в определенное место, где дожидаются другие львы. Конечно, если они видят добычу прямо перед собой, они подкрадываются и бросаются на нее, как это свойственно кошкам.

Прайд львов охотится не каждую ночь. После охоты львы наедаются до отвала; в следующую ночь возвращаются к туше и доедают ее до конца, в эту же ночь они чаще всего отлеживаются, чтобы переварить пищу и отдохнуть. На третью ночь они опять выходят на охоту.

Обнаружить льва в районе Тсаво не представляло никаких трудностей. Местные жители очень охотно

оказывали мне помощь в этом. В дождливый сезон львы иногда уходят за пределы обитаемой ими территории и бродят на большом расстоянии. В это время они чаще ходят в одиночку.

Если лев появляется в районе, где нет диких животных, он убивает домашний скот местных жителей. Ночью местные жители держат скот в краалях — загонах из колючего кустарника. Обычно лев не заходит туда, он подходит к краалю с подветренной стороны, чтобы напугать животных своим запахом; если животные тотчас же не обращаются в бегство, зверь мочится на землю; едкий запах мочи приводит животных в неистовство, от страха они вырываются из крааля и рассеиваются в кустарнике, где лев, не торопясь, убивает их. Я не сомневаюсь, что лев таким же способом нападает на стадо диких животных.

Когда я узнавал, что лев убил домашних животных, мы с кем-либо из местных юношей приходили туда, где зверь совершил разбой, и шли по следу. В песчаной местности, заросшей кустарником, идти по следу льва не трудно: днем он обычно отлеживается в чаще, не очень далеко от места нападения. При нашем приближении лев злобно рычал, и по рычанию мы определяли его местонахождение. Тогда мой помощник бросал в заросли камни, отчего зверь рычал еще громче и яростнее. Наконец, он бросался на нас с такой быстротой, что едва хватало времени выстрелить.

В природе редко можно встретить более ужасное зрелище, чем вид нападающего льва. Зверь приближается со скоростью сорока миль в час, причем он набирает эту скорость с первого же прыжка. Если льву, подкрадывающемуся к антилопе, удастся подойти на пятьдесят ярдов, — антилопу можно считать погибшей. Хотя у антилопы резвые ноги, лев догоняет ее за десять прыжков. Охотник, стоящий на расстоянии тридцати ярдов от нападающего льва, должен бить

наверняка. Взрослый лев весит около 450 фунтов, и если он настигает охотника на полной скорости, то сбивает его так же легко, как человек подбрасывает гриб носком сапога.

Когда мой помощник кидал камни в льва, чтобы заставить его броситься на нас, я уже стоял с ружьем наготове. Увидев прыгнувшего льва, я немедленно стрелял в рыже-коричневую массу, летящую со скоростью артиллерийского снаряда. Мне часто приходила в голову мысль, что тренировка в раннем возрасте с дробовым ружьем во время охоты на водоплавающую птицу, пролетавшую над болотом Лохар-Мосс, очень помогла мне овладеть искусством охоты на львов. Если выстрел точен, то лев делает сальто-мортале и падает в десяти футах от ног охотника. В случае промаха можно считать, что охотнику очень повезло, если он успеет сделать второй выстрел. Иначе зверь настигнет его и начнет рвать клыками и терзать когтями.

И все же охотник, уверенный в себе и в своем оружии, может охотиться на львов, не слишком подвергая свою жизнь опасности. Это занятие становится весьма опасным, если приходится думать о недостатках своего спутника. Первое время я вошел в компанию с опытным охотником, который считался великим мастером охоты на львов. Он пользовался очень простым способом — «ружьём-ловушкой». Этот способ заключается в том, что ружье привязывают к дереву, а от спуска протянута веревочка к приманке. Когда лев подходит и начинает есть приманку, он дергает за веревочку, и происходит выстрел.

Когда мне пришлось первый раз идти с этим охотником к его ловушкам, оказалось, что выстрел из одного ружья только ранил льва. Мы обнаружили обрывки волос и следы крови: лев ушел. Мой спутник пожал плечами и собрался идти к следующей ловушке.

Я придерживался мнения, что не следует обрекать раненого зверя на медленную смерть в кустарнике, и предложил идти по его следу. Мой партнер считал, что это связано с ненужным риском, но я настаивал, и мы пошли по кровавым следам. По виду крови я определил, что зверь близко. Мой спутник решил залезть на дерево, чтобы просмотреть кусты.

Я был рад избавиться от него, поскольку он проявлял столько нервозности, что я не знал, как поведет он себя в следующий момент. Я не люблю иметь дело с нервным человеком, держащим ружье за моей спиной, поэтому охотно согласился с его предложением, а сам пошел по следу.

Продвигаясь в зарослях, я внезапно увидел льва, притаившегося в высокой траве в нескольких ярдах от меня. Он смотрел на меня в упор. Лучшей цели нельзя было желать. Я стал медленно поднимать ружье, как вдруг раздался выстрел из ружья моего партнера, сидящего на дереве. Лев взревел от боли и бросился на меня. Целиться было некогда, и я выстрелил, не целясь. Лев упал мертвый почти у самых моих ног.

Мой друг, сидевший на дереве, крикнул:

— Ты жив, Джон?

— Жив, черт бы тебя побрал! — крикнул я в ответ.

Когда мы осмотрели льва, оказалось, что мой друг выстрелом оторвал у него хвост, заставив броситься на меня. К тому же шкура была испорчена. К счастью, у нас была совершенно негодная шкура старого запаршивевшего льва. Мы отрезали хвост от этой шкуры и пришили к шкуре убитого льва. Все было сделано так искусно, что шкура была продана в Момбасе без всяких осложнений.

После этого случая я решил вернуться к охоте с помощником-туземцем: на охоте без помощника не обойтись. Даже снять шкуру льва могут только два

человека: один держит убитого льва, раздвинув его ноги, а другой делает надрез на шкуре.

Обычно мы с помощником ехали на поезде до одной из станций, а оттуда шли пешком в кустарники, имея при себе нарезное ружье, патроны, охотничий нож и флягу с водой. Мы шли по зарослям, пока не подходили к донге — неглубокому оврагу, обычно поросшему высокой травой, — хорошему укрытию для львов. В самое жаркое время дня львы часто отлеживаются в донгах. Я стоял с ружьем наготове у одного края донги, а помощник подходил с другого и бросал камни. Если раздавалось рычание, он продолжал бросать камни, пока не поднимал льва. Убив льва, мы вытаскивали его из оврага и подвешивали задними лапами к ветке дерева, прежде чем начинать охоту на следующего. Мне никогда не приходилось убивать более четырех львов за одну охоту. Сырая шкура весит сорок фунтов, и две шкуры представляют собой довольно большой груз для одного человека.

Основной опасностью в этом виде охоты было то, что никогда не угадаешь, сколько львов может выскочить из укрытия, когда помощник забрасывает донгу камнями. Однажды, идя по краю донги, я услышал храпение льва, спавшего в высокой траве. Я бросил камень и вспугнул его. Однако вместо одного льва на меня бросились два. Времени на размышление не было. Я выстрелил в одного и увидел, как он упал. Второй сделал страшный прыжок и пронесся у меня над головой, сбив при этом мою шляпу. Эти львы не напали на меня. Камни лишь вспугнули их и они пытались обратиться в бегство, но случилось так, что я оказался на их пути.

Через несколько месяцев такой охоты я вообразил себя мастером-следопытом. Как это свойственно молодым людям, я стал излишне самоуверенным.

Каждый охотник, по-моему, проходит три стадии. Сначала он нервничает и не уверен в себе. Затем, по мере того, как он овладевает основами охоты в кустарниках, становится самоуверенным и считает себя неуязвимым. Позже он познает, что охота в кустах связана с большим риском и что риск — часто следствие глупости.

В то время я находился во второй стадии и чуть не погиб при переходе в третью. В семи милях от Тсаво находилась гора Кьюлу, где команда подрывников устроила лагерь и занималась добычей камня для строительства железной дороги. Между Тсаво и горой Кьюлу простиралась полоса диких кустарников, через которые не проходила ни одна дорога и ни одна тропа. Считали, что в этих кустарниках водится очень много львов. Я решил выйти из Тсаво и дойти до горы, пробиваясь через кустарники и охотясь по дороге.

Семь миль в моем представлении было небольшим расстоянием, и я вышел рано утром, предполагая, что приду к горе Кьюлу в полдень. При мне не было компаса, и я даже не позаботился взять с собой коробку спичек и фляжку с водой — взял лишь винтовку-маузер и набил карманы патронами. Больше у меня ничего не было. Мой помощник ушел к своим родственникам, и я был в одиночестве.

Первые несколько часов я прошел благополучно. Густая листва колючих деревьев, словно зонтом, закрывала солнце, и идти было легко. Повсюду виднелись следы носорогов и львов. Все шло хорошо. Вдруг я увидел перед собой следы человеческих ног.

«Вот это да, — подумал я про себя. — Что же это такое?» Я был уверен, что, кроме меня, никого в кустарнике не было.

Изучив следы, я пришел к выводу, что это были мои собственные следы. Оказалось, что я петлял.

Я был довольно нахальным самоуверенным парнем, но при виде собственных следов потерял всякую веру в себя. Это может показаться пустым делом, но должен сказать, что когда охотник идет в кусты в одиночку, без помощника, — он испытывает довольно неприятное ощущение. Впервые в жизни я почувствовал, что не владею собой, и понял, насколько я зависел от своего помощника, ибо местные жители имеют собственный компас в голове и никогда не теряют направления.

Я присел и задумался. Сначала я хотел забраться на дерево, чтобы определить местонахождение по солнцу, но пробраться через четырехдюймовые шипы было невозможно. Можно было идти обратно по собственным следам к Тсаво, но на это потребовалось бы много времени. Провести ночь в кустах мне совсем не хотелось. Я решил рискнуть и пройти к югу.

Когда наступила ночь, я был еще в кустах, понимая, что заблудился окончательно. Я с трудом пробирался вперед, не смея остановиться, так как боялся, что без воды в этих бесплодных кустарниках не проживу и одного дня. Вдруг из чащи выбежали испуганные носороги. Они пробежали мимо меня со скоростью экспресса. То, что они не задели меня, было чудом. Когда наступил рассвет, я чуть не падал от изнеможения, а выхода из кустарника не было видно.

Через несколько часов я опять наткнулся на свои следы. По собственным следам не было смысла возвращаться, поскольку я бы не дожился до того момента, когда мне удастся распутать свои следы. Я шел и шел, пробиваясь через бесконечные заросли. Нередко я натыкался на носорога, стоявшего у колючего дерева. Если носорог убегал, я его не трогал. Если же он бросался на меня, я стрелял, так как был слишком слаб, чтобы бежать и увертываться от него. Я оставлял их мертвыми, не трогая ни рогов, ни шкур,

несмотря на то, что рога носорога ценились выше, чем слоновая кость: фунт стерлингов за фунт.

Снова наступила ночь, а я все еще блуждал в полубредовом состоянии по кустарнику. Увидев что-либо в темноте, я стрелял. Когда вновь наступил рассвет, я совсем потерял голову. Помнится, что ветки колючих деревьев били меня по лицу, когда я, шатаясь, пробивался сквозь кусты. Я уже совершенно не понимал, что делается вокруг, и умер бы в тот же день, если бы случайно не наткнулся на водопой носорогов — вонючую яму липкой жижи и грязи, полную помета. Я припал к этой яме и пил, пока не напился досыта. Прележав у водопоя пару часов, я почувствовал себя лучше и возобновил свой путь. Но мое положение не изменилось. К утру я дошел до отчаяния от голода и чуть ли не до бешенства от жажды. Я чувствовал, что теряю разум, и едва держался на ногах, пробираясь через бесконечные кустарники. У меня кончились патроны, когда я вдруг столкнулся с носорогом. Мне пришлось уступить дорогу. Чтобы обойти животное при моей слабости, я потерял чуть ли не час времени. Это очень задержало мое продвижение.

Вдруг сквозь кустарники замерцало что-то, похожее на серебристую волну. Оказалось, что это телеграфные провода, которые шли от железной дороги к горе Кьюлу. Я стал пробиваться сквозь кустарник по направлению к проводам, все еще опасаясь, что это плод моего бредового воображения. Дойдя до телеграфных столбов, я упал на колени и зарыдал. Я был спасен. Мне оставалось лишь идти по телеграфным проводам к горе Кьюлу, чтобы выйти к лагерю.

Восстановив свои силы после этой прогулки, я остался в Найроби. Я уже имел неплохую репутацию охотника-профессионала, и меня часто приглашали на танцы. На одном из таких вечеров я познакомился с мисс Хильдой Бэнбури, дочерью владельца

музыкального магазина в Найроби. Хильда показалась мне самой милой и нежной из всех девушек, с которыми я встречался. Казалось, что и я не был ей противен. Я был самым счастливым человеком, когда она ответила мне «да» на мое предложение стать госпожой Хантер.

Взяв на себя ответственность за судьбу этой замечательной девушки, я решил перевернуть новую страницу в своей жизни и раз навсегда покончить с профессией охотника, связанной с риском и неуверенностью. В Шотландии умер один из моих родственников, оставив мне в наследство небольшое состояние. Я решил заняться извозным делом. Найроби стал быстро расти, и там появился большой спрос на товары. Вложив свои деньги в мулы, лошадей и повозки, я занялся перевозкой грузов для переселенцев. Однако, не смотря на то, что я много работал, делец из меня вышел плохой. Через год я обанкротился и потерял все деньги до последнего пенса.

Когда я сказал Хильде об этой беде, она, несмотря на то, что ожидала ребенка, восприняла это сообщение очень спокойно.

— Джон, — сказала она весело, — я ожидала этого. Ведь ты же не родился дельцом. Теперь, когда мы потеряли деньги, ты можешь вновь заняться профессиональной охотой. Ты же всегда хотел быть охотником-профессионалом. Не так ли?

Когда в тебя верят так, как верила в меня жена, что остается делать? Я пошел к своему другу — профессиональному охотнику, американцу Лесли Симпсону. Когда Лесли услышал, что я хотел бы сопровождать партию охотников-спортсменов и что мне сейчас требуется работа, он потерял свой подбородок.

— В город, — сказал он, — прибыли два американца. Это охотники-спортсмены, которые ищут проводника через равнину Серенгети. В глубине этого района огромный потухший вулкан, называемый Нгоронгоро.

Говорят, что в кратере вулкана столько дичи и зверей, сколько ни один охотник не встречал за всю жизнь. Насколько мне известно, ни один настоящий сафари ^[10] никогда еще не пересекал равнину Серенгети. Правда, несколько охотников, промышляющих слоновой костью, бывали там. Более того, некий странный человек по имени капитан Херст будто бы имеет там дом. Я уже говорил американцам, что не знаю, кто бы мог их туда провести, но если ты хочешь, то можешь взяться за это дело.

Я поблагодарил Лесли и поспешил домой, чтобы сказать Хильде о том, что я вновь начинаю карьеру профессионального охотника и гида.

Глава четвертая

Сафари через равнины Серенгети

На следующий день я встретился со своими американскими клиентами в номере гостиницы, где они проживали. Это были рослые добродушные ребята, удачливые бизнесмены из западной части Соединенных Штатов.

— Кептен, нам бы хотелось, чтобы вы нас провели в нетронутую местность, где звери еще не выбиты, — объяснял один, в то время как другой кивал головой, подтверждая свое согласие. — Мы приехали сюда поохотиться и не боимся трудностей, лишь бы получить первосортные трофеи.

Если не считать Лесли Симпсона, это были первые американцы, с которыми мне пришлось встретиться. Их манера говорить в нос резала слух, хотя мой картавый шотландский говор, вероятно, был для них не менее странным. Жаргон, на котором они говорили, был совершенно бесподобен. После часовой беседы я уже говорил, ну! еще бы! да это замечательная идея! Вернувшись домой, я обратился к Хильде:

— Кажется, все о'кей.

Она глянула на меня с удивлением, а я не мог понять — почему.

Мои клиенты горели желанием поскорее прибыть в Нгоронгоро. Я им честно сказал, что ничего не знаю об этом месте, но если судить по слухам, то в кратере вулкана диких животных водилось больше, чем во всей остальной Африке. Я беспокоился, как мы пройдем в сухой сезон Серенгети — бескрайнюю, полупустынную равнину, простирающуюся на сотни миль через Южную

Кению. Я не имел понятия, где расположены колодцы, где какие животные водятся, чтобы, охотясь на них, добывать пищу для носильщиков. Я предупредил американцев, что дорога в крытых фургонах, запряженных волами, будет тяжелой, а возможно и опасной. Однако мои предостережения лишь раззадорили их.

Я был очень доволен их энтузиазмом, но, сознавая трудности проведения сафари через такую местность, обратился к Лесли Симпсону за советом. Он сделал замечательное предложение.

— Я знаю одного старого охотника-голландца по имени Фурье, — сказал он. — Этот охотник в некотором роде находится под подозрением. Он в прошлом браконьер, промышлявший слоновой костью. Кроме того, Фурье занимался перегоном скота. Но он один из немногих людей, которые прошли через эту местность. Фурье сейчас в Найроби, и я думаю, он согласится провести вас в Нгоронгоро.

Фурье оказался худощавым человеком с умным взглядом. По возрасту он годился мне в дедушки. В молодости на него напал носорог и так распорол мышцы бедра, что он ходил прихрамывая. Как многие старые охотники за слоновой костью, он нажил и потерял несколько состояний, каждый раз вкладывая деньги, добытые в результате удачной охоты, в еще большие по масштабу сафари. Пока ему сопутствовало счастье, доходы от экспедиций росли. Однако несколько неудачных сафари поглотили все его деньги. Тогда Фурье стал заниматься перегоном скота. Он перегонял стада, минуя государственные охранные посты, в районы, где на скот стояли высокие цены. Несмотря на несколько неустойчивые моральные взгляды, этот старый охотник был одним из лучших следопытов, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться. Поскольку Фурье переживал период

неудач, он охотно согласился провести нас к кратеру всего лишь за несколько фунтов.

Все снаряжение мы закупили в городе Аруше, расположенном в 200 милях к югу от Найроби на пути к равнине Серенгети. Первой нашей заботой были носильщики. В этом отношении мы могли надеяться только на туземцев из племени ва-аруша. Люди этого племени занимаются земледелием. Вся основная работа лежит на женщинах.

К счастью, Лесли Симпсон отпустил со мной одного из своих помощников, который должен был стать во главе носильщиков. Звали его Андоло. Он считался одним из лучших набивальщиков чучел в Африке. Этому делу его обучили за несколько лет до описываемых событий члены экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории в Нью-Йорке. Я рассчитывал, что Андоло окажет нам значительную помощь в сохранении наших трофеев, а также в роли старшины непривычных к дисциплине носильщиков.

Современному охотнику-профессионалу нелегко представить себе все трудности, связанные с организацией старомодных пеших сафари. Теперь сафари отправляются на тяжелых, приспособленных к бездорожью грузовиках. В такую машину можно взять с собой большое количество снаряжения и ехать по сто миль в день; пройти же в день двадцать миль пешком — тяжелая задача. Но самым ценным свойством грузовиков является полное отсутствие темперамента. Грузовик не может, подобно носильщику, сбежать из-за того, что он соскучился по жене или же ему надоело переносить трудности. Если раньше вам не приходилось сталкиваться с настроением нескольких десятков носильщиков, то вряд ли вы сможете в полной мере оценить надежность грузовика.

Наш сафари состоял тогда из 150 носильщиков. Все, что могло потребоваться во время трехмесячного путешествия, носильщики должны были нести на головах. Почти треть носильщиков несла продовольствие. Но и при этих условиях нам приходилось делать остановки и охотиться для пополнения запасов свежего мяса, чтобы не израсходовать остальные запасы продовольствия. На первый взгляд охота в Африке может показаться простым делом, однако она требует много времени — надо выследить животное и подкрасться к нему. Все это замедляет движение. Можно оказаться в местности, где очень мало или совсем нет воды. Нести воду в большом количестве невозможно, поэтому мы могли рассчитывать только на колодцы.

Все снаряжение было разделено на отдельные партии по шестьдесят фунтов — вес, принятый для носильщика, переносящего груз на голове.

Что касается продовольствия, я сделал большой запас консервов. Консервы очень удобны, несмотря на их большой вес. Помимо палаток, походных коек, москитных сеток, кухонной посуды, ружей и патронов, нам пришлось взять с собой несколько сот фунтов соли для сохранения трофеев.

Фурье предложил для поднятия настроения носильщиков перед выступлением из Аруши устроить для них пиршество. Поскольку у племени ва-аруша мало скота, да к тому же они плохие охотники, им редко приходится есть мясо, и мясная пища является для них самым излюбленным лакомством. Мы купили жирного бычка, и носильщики приготовились к банкету. Они пригласили на пир всех своих знакомых и родственников. Поскольку каждый носильщик состоит хотя бы в дальнем родстве со всеми остальными, на ужин прибыло все племя.

За много часов до пира представители племени бесконечным потоком стали стекаться со всех сторон к нашему лагерю. У мужчин вокруг пояса были повязки из засаленного ситца. Все они носили священные амулеты (приобретенные у местного шамана), которые должны были охранять их во время пути. Женщины в основном были голыми. Они обмазали тело жиром и украсили себя большим количеством лесных цветов. Обычная туземная женщина, на мой взгляд, мало привлекательна, особенно если она бреет голову, чтобы на черепе выделялись волнообразные шишки. Однако некоторые из девушек были довольно красивы.

В ожидании раздачи мяса люди постепенно возбуждались и шумно разговаривали. В безудержном веселье они непрерывно и с невероятной быстротой перекидывались колкостями. Каждую остроту встречал взрыв безудержного смеха. Девушки помоложе от удовольствия катались по земле.

Один из американцев сказал мне:

— Я полагаю, что у нас не будет никаких хлопот с этими добродушными ребятами.

Я был такого же мнения. Однако Фурье, казалось, в чем-то сомневался. На другое утро его опасения полностью оправдались. Прохладные часы раннего утра — лучшее время для выступления, но и через несколько часов после восхода солнца наши носильщики все еще сидели вокруг лагерных костров, доедая свой завтрак. Мы выступили с большим запозданием. Длинная линия мрачных носильщиков вытянулась на полмили. Нам повезло — удалось достать несколько ослов для несения наиболее тяжелых грузов. Эти терпеливые животные принесли нам большую пользу. Из-за неровной местности мы не взяли колесных повозок, запряженных волами, которые значительно облегчили бы нам путь.

В первый день мы прошли всего несколько миль, чтобы подготовить носильщиков к долгому пути, который нам предстояло пройти. Кроме того, в первые дни обычно возникает бесчисленное количество непредвиденных трудностей, которые мешают продвигаться с намеченной скоростью. Ночью кое-кто из носильщиков дезертировал. Надо всегда рассчитывать на то, что кто-то сбежит, пока находишься вблизи родной деревни носильщиков. Мы учли это, наняв большее количество носильщиков, и поэтому могли спокойно выступить без убежавших.

По мере продвижения в глубь территории в нашем сафари установился довольно твердый порядок. Носильщики многое усвоили в отношении своих обязанностей. Мне с большим трудом удалось найти в Аруше подходящего повара для носильщиков — приятного на вид паренька. Однажды вечером войдя в палатку повара, я увидел, как он снимает жир с жареного мяса антилопы и натирает им свое тело. Увидев выражение моего лица, он стал счищать жир со своего тела и класть обратно в мясо.

Как бы я хотел, чтобы люди, которые пишут об Африке, будто вся страна — тропическая долина с тенистыми деревьями и журчащими ручьями, сопровождали нас по этой голой бесплодной пустыне! Абсолютно плоскую равнину обдували сильные потоки горячего ветра. Пот пропитывал нашу одежду и мгновенно высыхал, отчего на блузах проступала соль. Изредка мы подходили к ямам стоячей воды, но отвратительная жижа издавала мерзкий запах. Наши носильщики требовали мяса, а дичь встречалась все реже. Недавно здесь была вспышка чумы рогатого скота. Уцелевшие стада представляли собой жалкое зрелище — тощие животные из одних костей и кожи. Равнины были усеяны скелетами. Мы засыпали,

прислушиваясь к вою горячего ветра, пронесившегося над печальной, бесплодной пустыней.

Несколько раз во время бесконечных переходов мы наблюдали необыкновенное явление — мираж пустыни. Ветер стихал, набегали тепловые волны, и казалось, что они несутся по бесплодной равнине, подобно бесконечно покачивающейся цепи. За пределами этих волн степь как будто медленно превращалась в водную гладь.

Я подумал: какую ловушку смерть готовит человеку, заблудившемуся в пустыне? Несчастный, пошатываясь, будет брести все дальше и дальше, надеясь приблизиться к огромному озеру, наполненному прохладной свежей водой, которая отступает перед ним так же, как конец радуги уходит от ребенка, мечтающего получить сказочный горшок с золотом. Иллюзия воды была полной, за исключением того, что сквозь воду временами мелькали звери. В свете миража такие мелкие звери, как шакалы, выглядели непомерно крупными, а самые заурядные газели, казалось, несли рекордные по величине рога.

Мои спутники держались замечательно, спокойно преодолевая все трудности долгого пути. Эти трудности даже как будто доставляли им большое удовольствие. Они топали день за днем, перебрасываясь шуткой друг с другом или со мной, а если нам случалось натолкнуться на газель Гранта с хорошими рогами, они были довольны. Газели Гранта были нашими первыми трофеями, и я радовался, что американцы удовлетворены. Хотя газели не уступали по размерам тем, которых мне приходилось видеть, Фурье, взглянув на них, улыбнулся и сказал:

— Подождите, доберемся до кратера, тогда и не такое увидите!

Мы уже прошли более ста миль, а Нгоронгоро еще не было видно. Я начал беспокоиться. Носильщики

постоянно высказывали недовольство по поводу того, что было недостаточно мяса и воды, грозили повернуть домой. Местность становилась все более трудной. Фурье разделял мое мнение, что носильщики вот-вот взбунтуются.

Он сказал мне:

— Завтра мы дойдем до источника Нгарука Спрингс. Там мы можем несколько дней отдохнуть, а затем продолжить путь к кратеру.

В моем представлении источник Нгарука Спрингс был обычной грязной ямой с вонючей водой, ничем не отличающейся от воды, которую нам пришлось пить из степных колодцев. Но выбора у нас не было и мы продолжали путь.

Во второй половине следующего дня, когда мы тащились через казавшуюся бесконечной пустыню, Фурье остановил нас и показал что-то впереди. Я едва мог поверить своим глазам: на краю грязной коричневой степи виднелось пятно чистейшего изумруда, как будто какой-то великан, взяв кисть, сделал легкий мазок зелени в этой точке.

— Это Нгарука Спрингс, — сказал Фурье. — Здесь мы найдем свежую воду, фиговые деревья и устроим лагерь в тени.

Наши измученные носильщики закричали от радости, увидев оазис. Вьючные ослы, почувствовав близость воды, понеслись вперед с такой отчаянной скоростью, что нам едва удавалось их сдерживать. Весь сафари перешел на неуклюжую рысцу.

Тень, до которой мы добрались, как будто отсекала от нас палящий зной — воздух был удивительно прохладен. У корней высоких деревьев, сверкая в пестрой тени их листьев, протекал прозрачный, как слеза, ручей. Мы жадно пили, умывали свои обожженные лица, затем улеглись на берегу, пожирая

взглядом драгоценную влагу. Глядеть на воду и касаться ее доставляло величайшее удовольствие.

Сотни зеленых голубей питались фигами. Наши охотники целый час охотились на них, пока мы разбивали лагерь. Эти голуби летают очень быстро и поэтому представляют собой трудную мишень даже для искусного стрелка. Позже мы столкнулись в этом ручье с бегемотами. Вода была мелкой, и едва покрывала их широкие спины. Как туда попали эти животные, я до сих пор не могу себе представить. Одного я застрелил на мясо для носильщиков. За удивительно короткое время от мяса не осталось ни кусочка.

У ручья мы провели десять дней, отдохнув и устранив кое-какие неполадки, возникшие при переходе через степь. Затем мы с сожалением оставили этот райский уголок и отправились к кратеру Нгоронгоро.

После тяжелого и продолжительного пути перед нами выросли высокие, покрытые деревьями склоны потухшего вулкана. Нгоронгоро возвышался на девять тысяч футов над равниной. Вершина его была скрыта в тумане. К вечеру мы добрались до предгорий южного склона и разбили лагерь у небольшого ручья.

Мы пришли в волшебную страну огромных тропических деревьев, которые образовали над нашими головами целую крышу из ветвей. Ярко раскрашенные птицы мелькали между огромными стволами. Мне особенно запомнились красивые турако^[11]. Туловища их были темно-синие, а крылья — малиновые. Стаи обезьян, весело болтая, мелькали среди ветвей. На земле было много следов носорогов, слонов и львов.

Вечером, усевшись у костра, мы услышали утробное рыкание львов. Ослы стали кричать от страха и дергать веревку. Мы с Фурье поставили их в круг, освещенный костром, и привязали покрепче. Фурье объяснил мне,

что львы в редких случаях нападают на привязанное животное — обычно они пытаются заставить его пуститься в бегство и в темноте расправляются с ним. Я полагаю, что этих львов скорее мучило любопытство, чем голод. Львы вообще чрезвычайно любопытны. Они, как правило, живут в определенном районе площадью в несколько квадратных миль, считая этот район своей собственностью. Когда там появляются люди, львы приходят посмотреть на них. Ложась спать, я слышал, как львы топтались вокруг лагеря. Временами даже слышно было их глубокое дыхание. Но они не делали никаких попыток напасть на ослов, стоявших у костра. В конце концов, удовлетворив свое любопытство, они ушли.

Наши охотники-спортсмены настаивали на том, чтобы спать с револьверами, привязанными к запястью. Американцы вообще очень любят это оружие. Лично я никогда не мог оценить его. Еще не сделан такой пистолет, который мог бы остановить нападающего слона, носорога или даже льва. Кроме того, пистолетом невозможно взять точный прицел, поскольку рука, наводящая его, так или иначе дрожит. Придать устойчивость оружию может только приклад, упирающийся в плечо. Однако мне приходилось видеть, как некоторые американцы благодаря длительной практике добились замечательных результатов в стрельбе из этих интересных игрушек.

На рассвете следующего дня мы начали подъем к кратеру, продвигаясь по тропинкам, протоптанным зверями. Звери — отличные топографы, и их тропы представляют собой путь, наиболее удобный для подъема. Несмотря на это, наши носильщики шумно дышали, поднимаясь по крутому склону сквозь заросли бамбука и кусты мимозы. Мы достигли края древнего вулкана лишь к вечеру.

Каждый из нашей экспедиции, поднявшись наверх, останавливался как вкопанный, глядя вниз на огромный кратер, достигавший пятнадцати миль в диаметре. Все, что мне приходилось слышать о кратере Нгоронгоро, не могло сравниться с тем, что я увидел. Зеленые поля были усеяны огромными стадами животных, как будто высыпанными из исполинской перечницы. Кратер буквально кишел ими. Трава, выщипанная тысячами животных, выглядела как хорошо подстриженный газон. Стада вдали казались белой или желтовато-коричневой массой. Там были зебры, жирафы, водяные, камышовые и кустарниковые олени, газели Томпсона, газели Гранта, страусы, еланды, топи, стейнбоки, нмпала, уайлдбист, дукер, ориби [\[12\]](#).

Так, вероятно, выглядели все африканские степи до появления белого человека. Этот изолированный кратер являлся последним оплотом диких африканских животных.

Американцы вели себя как дети, вдруг впущенные в кондитерскую лавку. Они стреляли, пока их ружья не накалились до такой степени, что стали обжигать руки. Не хватало суток для того, чтобы удовлетворить их ненасытный аппетит на шкуры и рога. Они заболели чесоткой стрельбы. Позже мне пришлось заметить, что это характерная черта, свойственная многим американцам, впервые столкнувшимся с изобилием африканской дичи после ограничений на отстрел диких животных в их собственной стране.

После того как улегся первоначальный энтузиазм, они решили добыть рекордный трофей. Должен признаться, что меня уже тошнило от одного вида справочника Роуланда Уорда «Рекордные трофеи крупных зверей», неизменно появлявшегося за завтраком. Особенно выдающимися считались экземпляры импалы. Чтобы обнаружить экземпляры с

рекордными рогами, мы несколько дней изучали животных в бинокль. Наконец, было обнаружено прекрасное животное с рогами, которые, казалось, были значительно длиннее тридцати дюймов^[13]. Рядом с ним стоял другой первоклассный самец, но немного меньше первого. Один из клиентов, тщательно прицелившись, выстрелил, но, к сожалению, попал в меньшую по размерам антилопу. Вышла настоящая трагедия. Мы измеряли рога во всевозможных направлениях, но более 28 дюймов не получалось. Это отличный трофей, но все же меньше рекордного. Я считал, что таково охотничье счастье, и ничего нельзя поделать. Но мои охотники-спортсмены были люди более решительные. Когда мы вернулись в лагерь, они очень долго совещались, а затем обратились ко мне с предложением:

— Кептен, ведь вы можете паром так обработать ружейный приклад, чтобы по-новому его изогнуть, изменив форму?

Я сказал, что это возможно.

— Тогда о'кей. Давайте обработаем эти рога паром и вытянем кончики, чтобы сделать их рекордными.

Я не знал, что из этой затеи получится: новый мировой рекорд или просто клей, но категорически отказался проводить подобный эксперимент.

Часто, выходя ранним утром охотиться, мы видели льва, лежащего в тени акации. Львы, жившие в кратере, были замечательными животными. Я полагаю, что никакие африканские львы не могут сравниться с ними ни по размерам, ни по красоте гривы. Поскольку здесь был идеальный климат и достаточное количество пищи, не удивительно, что они вырастали до таких огромных размеров. Американцы загорелись желанием добыть несколько экземпляров этих замечательных львов. Я не в меньшей степени разделял их желание. Но

вскоре обнаружилось, что охота на львов в открытой местности кратера значительно сложнее, чем в донгах.

В нынешние времена спортсмен может подъехать к прайду львов на автомобиле и в безопасности фотографировать их, так как эти крупные представители семейства кошачьих совершенно не боятся автомобиля. Охота же на львов пешком в открытой местности — совершенно иное дело. Львы обладают замечательным зрением. Стоило им заметить нас, как они уже ни на миг не спускали глаз с наших фигур. Если мы ложились на живот и пытались подползти, лев, подобно собаке, садился на задние лапы, чтобы следить за нами. Если мы пытались кружить около него, нам удавалось приблизиться на несколько ярдов, но инициатива была у льва: как только мы приближались на расстояние выстрела, он поднимался и убегал. После того, как лев поднялся, приблизиться к нему невозможно, поскольку львы умеют искусно скрываться. Мне приходилось видеть, как огромные львы припадали к земле и прятались в траве, которая, по-моему, едва бы скрыла зайца.

Обсудив с Фурье вопрос о том, как лучше подкрадываться к львам, мы решили, что проще всего было бы одеть одного из наших охотников-спортсменов в шкуру страуса и дать ему подойти к льву, держась против ветра. Нам казалось, что это отличный план. Я застрелил страуса и велел Андоло снять с него шкуру. Андоло уже наполовину выполнил свою задачу, когда ко мне подошел Фурье.

— Я только что вспомнил, — заметил он, — что страус — любимое лакомство львов.

Подумав, я решил воспользоваться другим способом.

Мы пытались взять льва на приманку. Или Фурье или я убивал антилопу и волочили животное поблизости от зарослей, где, как мне казалось, лев мог

отлеживаться днем. Мы вспарывали живот антилопы, выпускали газы для того, чтобы усилить запах, и клали тушу с наветренной стороны от зарослей. Выставив несколько таких приманок вечером, мы возвращались к ним утром, чтобы посмотреть, не были ли там львы.

Определить, какие животные подходили к тушам, было нетрудно: лев всегда грызет хрящевые кончики ребер — это для него самые лакомые кусочки; он мочится поблизости и сильно царапает поверхность земли задними лапами, оставляя глубокие, ясные отпечатки когтей. Леопард ведет себя подобным же образом, только не оставляет никаких следов от когтей. Гиена оставляет куски раздробленных костей, а следы ее можно определить по когтям, которые похожи на собачьи.

Мы внимательно искали на приманке волосы из гривы льва, чтобы по ним определить цвет его шерсти. Лев с черной гривой считается наиболее ценным трофеем. Некоторые львы, обитавшие в кратере, имели гривы, которые спускались до лап.

К сожалению, мы не достигли никаких результатов, так как в этом районе столько хищников, что львам лишь в редких случаях удавалось приблизиться к приманкам. Ночью гиены и шакалы чуть ли не начисто обдирали туши еще до того, как львы там появлялись. Днем на тушах сидели хищные птицы в таком количестве, что ничего нельзя было различить, кроме массы черных перьев и ободранных шей. Иногда гиена делала длинный прыжок в эту массу, пытаясь пробить брешь своим весом. Нередко мы видели, как рядом с хищными птицами питались и леопарды. Я замечал, что, когда леопард насыщается, он хватает одну из хищных птиц и уносит ее с собой на десерт.

Если у приманки побывало несколько хищников, лев уже не чувствует к ней недоверия: тьяканье шакалов и дикое завывание гиен привлекают львов. Однако если

хищников так много, что мясо исчезает до появления льва, выставление приманок ни к чему не приводит. Мы пытались накрывать приманку ветвями колючих кустов. Но сколько бы мы ни накладывали веток с острыми шипами, хищники всегда каким-то образом снимали их.

После всех неудач мы стали внимательно изучать повадки львов, обитавших в кратере, чтобы все-таки дать возможность нашим охотникам добыть необходимый трофей. После наблюдения за зверями в течение нескольких дней Фурье сказал мне:

— Кажется, львы охотятся ночью, а на рассвете возвращаются в камыши. Почему бы не посадить наших американцев в засаду в камышах, чтобы они застрелили львов при их возвращении?

Этот план оказался удачным. В течение нескольких дней мы убили четырех замечательных львов. Трое из них были с черными гривами, а один с огромной гривой платино-оранжевого цвета. Последний, по моему, был самым ценным экземпляром, который мне когда-либо пришлось видеть.

Я без колебаний признаю, что многим обязан Фурье во время этого сафари. Сообразительность старого бура не уступала его меткости. Однажды, когда наши клиенты убили льва, я сказал этим ребятам, чтобы они привязали шкуру к спине осла и доставили в лагерь. Пока привязывали огромную сырую шкуру, осел не обращал никакого внимания, но как только его отпустили, он буквально взбесился и, брыкаясь, начал бегать по равнине. После нескольких прыжков осел отделался от своего груза, а затем изо всех сил побежал через кратер. Я решил, что мы его потеряли, но через несколько дней обнаружил его в табунке зебр. Казалось, он прекрасно ужился со своими новыми собратьями. Наши помощники пытались поймать его, но, когда зебры бросились бежать, осел побежал вместе с ними. Фурье предложил стреножить ослов и

выпустить их на волю. Беглец, увидев себе подобных, немедленно присоединился к ним.

Фурье очень выручил меня во время охоты на слонов и носорогов на поросших лесом склонах кратера. Я не ожидал, что в кратере Нгоронгоро обнаружится столь крупный зверь, и взял с собой небольшой запас патронов с пулями в никелевых оболочках. Обычные мягкие пули не обладали достаточной силой, чтобы пробить толстый череп слона или носорога. Фурье решил эту проблему очень просто: он вынул из патронов пули с мягкими головками и поставил их так, что твердые никелевые основания пуль становились головками; это придавало пулям необходимую пробивную силу.

До сих пор нам не приходилось встречаться с капитаном Херстом, одиноким англичанином, имевшим небольшое ранчо в кратере. Но однажды из Аруши прибыл посыльный от районного комиссара. Несмотря на жару и недостаток воды, он бежал всю дорогу, неся свое сообщение в расщепленном кончике палки. В донесении сообщалось, что капитан Херст умер. Его слуги, не зная, что мы находимся поблизости, сообщили об этом в Арушу, спрашивая, как поступить. Комиссар просил меня расследовать обстоятельства смерти капитана Херста и доставить в Арушу его имущество.

Мы направились в ранчо капитана. Старший по дому доложил мне, что хозяин был убит слоном десять дней назад. Капитан Херст ранил животное в плечо. Слон-самец бросился наутек в густые заросли, а Херст, пытаясь перехватить его, обошел кусты с другой стороны и встретился со слоном. Прежде чем капитан успел вскинуть ружье, слон схватил его своим хоботом.

Юноша сказал:

— Слон схватил буана^[14] Херста, понес его к ближайшему дереву и стал бить о ствол. Буана

закричал, и слон ударил его еще раз; буана крикнул второй раз — слон ударил еще сильнее. После этого буана перестал кричать — слон бросил его и ушел.

Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа.

Капитан Херст жил в небольшой, крытой тростником хижине у самого края кратера. Он мог по вечерам сидеть на крыльце и наблюдать редчайших диких животных — картина, едва ли доступная другим смертным. К тому же климат в Нгоронгоро отличный. Несмотря на то, что гора находится всего лишь в нескольких сотнях миль от экватора, большая высота кратера делает это место прохладным и приятным. Оно недоступно ни холоду зимы, ни жаре лета. Здесь вечная весна. Кругом в изобилии водится дичь. У самых дверей хижины — родник холодной воды. В лесах полно всяких плодов. В таком окружении человек может жить счастливо, как в эдеме. Осмотревшись, я пришел к выводу, что был бы рад провести остаток моей жизни в Нгоронгоро.

У капитана было мало имущества. Он имел небольшое стадо страусов, которых держал в загоне из колючего кустарника. По-видимому, он собирался торговать страусовыми перьями. Я открыл ворота загона, чтобы выпустить птиц на свободу, но они не уходили. В конце концов мне пришлось сжечь загон, чтобы выгнать их. Едва пламя утихло, как глупые птицы возвратились и стали на горячий пепел. Какова была их дальнейшая судьба — я не знаю.

Более трудную проблему представляла замечательная свора австралийских гончих, которую капитан Херст держал для охоты на львов. Эти огромные собаки были похожи на крупных борзых. Вид у них в тот момент был жалкий, — слуги Херста со времени его смерти уделяли им очень мало внимания. Я приказал накормить свору. Несчастные собаки, по-

видимому, поняли мои добрые намерения и повсюду ходили за мной по пятам.

Наши клиенты не хотели возвращаться в Арушу с имуществом капитана Херста. Они хотели продолжать свое путешествие на восток через равнину Серенгети до Табора, где можно было сесть на поезд и добраться до побережья. Естественно, что их желания мы обязаны были выполнить в первую очередь. Поэтому мы с Фурье решили: следовать за американцами до Табора; после их отъезда Фурье останется в Таборе, чтобы препарировать и отправить трофеи, а я вернусь с носильщиками к кратеру Нгоронгоро для того, чтобы взять имущество Херста и направиться в Арушу.

Путешествие вниз по восточному склону кратера и через равнину Серенгети до Табора прошло без приключений. Здесь я простился с нашими клиентами и отправился с носильщиками в обратный путь к Нгоронгоро. Андоло остался помогать Фурье готовить трофеи к отправке.

Вернувшись к кратеру Нгоронгоро, я остановился на несколько дней в хижине Херста, готовясь к длительному путешествию.

Несколько дней спустя мы вышли в Арушу. В имуществе капитана Херста были бидоны для молока. В то время в Восточной Африке бидоны считались довольно ценным товаром. Мы навьючили эти бидоны на ослов и пустились в путь. Когда вышли на равнину Серенгети, наступил такой сильный зной, что носильщики упросили меня делать привал днем, а двигаться ночью. Я согласился, хотя меня одолевали сомнения. Мы отдыхали в жаркое время суток, а вечером снова выступали.

Через несколько миль пути собаки начали лаять. Сначала я не мог понять причины их поведения. Затем со всех сторон слышалось ворчание львов. Звери почуяли присутствие ослов и окружили сафари,

выжидая момента для нападения. Я скомандовал собрать ослов вместе и образовать вокруг них кольцо. Несмотря на это, львы не отставали, они намеренно обошли нас с наветренной стороны, чтобы дать ослам почувствовать свой запах.

Как только запах львов дошел до ослов, несчастные животные буквально взбесились от страха. Носильщики цепко держали животных за головы, однако ослы становились на дыбы и брыкались. Удары копыт наносились точно. По мере того, как львы приближались к каравану, удерживать обезумевших животных становилось невозможно. Кругом царил беспорядок: ослы кричали, львы ревели, носильщики старались перекричать друг друга, а жестяные молочные бидоны, ударяясь друг о друга, издавали звуки гонга. Я стал стрелять в львов, но в ответ услышал только яростный рев. Удерживать ослов было уже невозможно. Я скомандовал носильщикам отпустить проклятых животных. В одно мгновение они исчезли в темноте, причем от навьюченных на них бидонов раздавался такой гром, как будто рядом находился котельный завод. Если бы я не удержал собак, то и они бы пустились вслед за ослами.

Я знал, что с ослами будет покончено — они будут съедены, но ничего не мог предпринять. Я сказал носильщикам, что мы сделаем привал на остаток ночи. После этого я сел и закурил трубку. Затем выкопал в песке ямку и улегся, подложив под голову свой шлем. Я проспал до утренней зари.

Когда рассвело, я пошел по следу ослов и вскоре наткнулся на следы десяти львов — одного самца и девяти самок. К моему удивлению, следы львов вели совершенно в ином направлении. Через несколько минут я увидел наших ослов, стоявших тесной кучкой на открытой равнине. Никаких признаков львов не было.

Идя обратно по следу ослов, я обнаружил, что ночью напуганные животные бросились в самый центр прайда. Навьюченные на ослах бидоны гремели столь оглушительно, что львы разбежались, не зная, что за животные напали на них. Полагаю, что это единственный случай в истории, когда ослы одержали победу над прайом львов.

Наш сафари прибыл в Арушу без каких-либо происшествий. Я отправил имущество капитана Херста его брату, проживавшему в Найроби. Несколько дней спустя мне пришлось лично встретиться с этим джентльменом. Он рассказал мне, что после смерти брата получил в наследство юридический документ, дающий ему право на аренду кратера Нгоронгоро в течение 99 лет.

— Мне это место ни к чему, — заявил он. — Я с радостью уступлю вам его в аренду за 45 рупий в год.

Я посоветовался с женой по поводу этого предложения. Мы с ней решили, что, поскольку кратер находится в столь малодоступной местности, он мог бы пригодиться нам лишь в том случае, если бы мы хотели похоронить себя там на всю жизнь. Кто мог подумать, что в один прекрасный день до кратера Нгоронгоро будет всего лишь два дня пути на автомобиле, и он станет одной из достопримечательностей Африки! В то время недвижимость, казалось, ничего не стоила. Никому в голову не приходило, что когда-нибудь африканские степи покроются фермами, а городки станут расти, как поганки после дождя. Нам казалось, что все богатство заключается в слоновой кости и звериных шкурах. Поэтому я сказал господину Херсту, что не могу принять его предложение.

После этого похода я прочно завоевал звание профессионального охотника. Ценой тяжелого опыта мне пришлось познать истину, высказанную старым охотником-профессионалом:

— Не в диких зверях заключены трудности этой профессии, а в... клиентах.

Глава пятая

Храбрые клиенты и клиенты иного рода

Большую часть из 20 лет, прожитых в Африке, я провел, снаряжая и сопровождая охотничьи сафари в любую точку огромной территории: от Бельгийского Конго до Южной Абиссинии. Мне пришлось сопровождать принца Шваренбергского с принцессой, барона и баронессу Ротшильд, представителей европейской знати, индийских раджей и магараджей, множество американских миллионеров. Кроме того, я часто сопровождал спортсменов-охотников, имевших весьма скромные средства и копивших долгие годы деньги, чтобы поехать в Африку поохотиться на крупных зверей.

Как многие охотники-профессионалы, я обычно состоял на службе у одной из крупных фирм в Найроби. Большую часть времени я работал у фирмы «Сафари-Лэнд Инкорпорейтед» — компании, действовавшей с начала века и устраивавшей сафари для Редклифа Дагмора, Мартина Джонсона, Ага Хана, а в последние годы и для американской кинокомпании «Метро Голдин и Майер», снимавшей фильм «Копи царя Соломона»^[15]. Фирма «Сафари-Лэнд» держала на службе нескольких профессиональных охотников. В двадцатых годах — в период экономического подъема, как только профессиональный охотник возвращался из одного сафари, он должен был тут же отправляться с другим.

Я никогда не знал заранее, кто будет моим следующим клиентом — человек, который пожелает разбить лагерь в нескольких милях от Найроби, чтобы хвастаться потом, как он участвовал в охотничьем

сафари в дикой Африке, или же заядлый охотник, готовый рисковать жизнью ради хороших трофеев. Каковы бы ни были желания моих клиентов, я всегда делал все возможное — будь то добыча рекордного трофея или же легкое турне по местности, в которой водится дичь.

Охотник-профессионал должен сочетать в себе мастерство следопыта-индейца, хладнокровие солдата и знание правил хорошего тона.

— Мой друг, — сказал мне один удачливый охотник-профессионал, — запомните: охота составляет лишь десять процентов ваших обязанностей, 90 процентов заключаются в умении развлекать клиентов.

Должен сказать, что я не был одарен качествами прожигателя жизни, поэтому фирма «Сафари-Лэнд» всегда старалась посылать меня для сопровождения охотников-спортсменов, действительно заинтересованных в добыче трофеев. Однако при большом наплыве охотников-любителей это не всегда удавалось. Тогда мне приходилось приспособливаться к вкусам моих клиентов и учиться удовлетворять их капризы, что я и пытался делать.

Среди моих первых клиентов был французский граф с женой, который хотел добыть несколько африканских трофеев, чтобы украсить свой замок. В то время среди европейской знати было модно хвастаться охотой на крупную африканскую дичь. Мы же, профессиональные охотники, от этих причуд только выгадывали.

С помощью фирмы «Сафари-Лэнд» я организовал для французского графа и его жены роскошный сафари: обеспечил их большими удобными палатками, состоявшими из нескольких «комнат» с будуарами и ваннами. Супругов обслуживали восемь местных жителей. Я взял с собой запасы, которых хватило бы для небольшой гостиницы. Прежде чем выступить, граф дал мне ясно понять, что единственным видом

довольствия, которым он интересовался, было виски. Поэтому наши запасы виски превышали запасы патронов, что очень пригодилось в пути. Можно было обойтись без патронов, но остаться без виски было опасно: граф мог умереть на моих руках.

Через несколько дней после выступления из Найроби я заметил замечательного льва с черной гривой и показал его своим клиентам. Едва графиня увидела льва, как завизжала и потребовала, чтобы мы немедленно вернулись в Найроби. Граф трясушимися руками поднял ружье и с опасением спросил:

— А вдруг я выстрелю и не убью его. Что тогда?

— Он может броситься на нас, но тогда я его уложу выстрелом из моего ружья, — объяснил я графу.

— Виски, — сказал он и возвратился в лагерь.

На этом и кончилась охота графа на львов. Но в тот же вечер супруги пригласили меня выпить вместе с ними.

— Мне пришла в голову прекрасная мысль, — заявил граф. — Ведь вы охотник, не так ли? Так вы и охотьтесь. Я же останусь здесь, а вы мне доставите несколько хороших трофеев, чтобы я мог показать их своим друзьям.

Я согласился, что это прекрасное предложение, которое позволит нам сэкономить время и доставит меньше хлопот. Я добыл им несколько отличных трофеев. Графиня в охотничьей одежде с винтовкой в руке позировала перед фотоаппаратом, все время допытываясь:

— Охотник, как я выгляжу?

Я мало разбирался в подобных вопросах, но всегда заявлял, что она выглядит прекрасно, и мой ответ, казалось, доставлял ей удовольствие. Графиня потребовала, чтобы ее муж также позировал над убитыми животными, но он лишь в редких случаях был в состоянии высидеть, пока щелкнет затвор аппарата.

В течение своей жизни я неоднократно наблюдал довольно любопытное явление: некоторые люди, попадая в заросли кустарников, теряют голову. Они забывают обычные условности, считая, что полностью оторвались от цивилизации и обязанностей, связанных с ней. Женщины чаще, чем мужчины, поддаются этому странному состоянию. Я знаю хорошо воспитанную леди, поведение которой шокировало даже местных жителей, людей с весьма свободными взглядами на вещи. У некоторых женщин это выражается в увлечениях. Как правило, объектом этих ухаживаний становится охотник-профессионал, представляющий собой весьма яркую фигуру: он деловит, храбр и колоритен.

В Кении долго помнили скандальную историю, получившую широкую гласность, — леди безрассудно привязалась к профессиональному охотнику.

Эта трагедия произошла в конце прошлого или в начале нынешнего столетия. Охотник обладал безукоризненной репутацией. Его знали во всем мире. Однажды ему пришлось сопровождать в сафари богатого человека и его привлекательную жену.

Когда сафари вернулся в Найроби, мужа не было. Охотник заявил, что клиент застрелился из револьвера в состоянии исступления. Однако охотнику не удалось заставить замолчать местных юношей — пошел слух, что богач был подло убит. Власти послали полицейского следователя для расследования этой истории. Офицер пошел по следу сафари, откопал труп и обнаружил, что человек застрелен в затылок из нарезного ружья крупного калибра. Тем временем охотник-профессионал покинул страну вместе с женой убитого. Насколько мне известно, о них больше никто ничего не слышал. Полагаю, что американский писатель Эрнст Хемингуэй именно этот случай положил в основу своего рассказа «Короткая и счастливая жизнь Френсиса Макомбера».

После этой истории фирмы стали внимательно следить за поведением охотников-профессионалов по отношению к их клиентам. Любой подозрительный поступок, который мог послужить поводом для скандала, считался достаточным основанием для того, чтобы лишить охотника патента на охоту и тем погубить его на всю жизнь. Хотя такое внимательное наблюдение, без сомнения, является полезным, но иногда оно ставит охотника-профессионала в весьма затруднительное положение.

Мне однажды пришлось сопровождать немецкого барона и его очень красивую жену. Он безумно ревновал ее. При баронессе постоянно находился нанятый мужем отставной майор немецкой армии. Надо сказать, что майор не даром получал свои деньги: он не выпускал баронессу из виду. Это был вполне надежный, но неуклюжий человек. Когда он шел, то так топал ногами, что пугал всех зверей. Это раздражало баронессу, которая серьезно увлекалась охотой. Если она приказывала майору удалиться, он отказывался уходить, постоянно бросая на нас подозрительные взгляды. Сам барон редко ходил в кустарник. Баронессу и меня всегда сопровождал майор. В результате охота редко бывала удачной. Однажды во второй половине дня я сообщил баронессе, что недалеко от лагеря находится донга, в которой могли водиться львы. За ужином она рассказала мужу о донге, добавив:

— По мнению охотника, заросли там столь густые, что если пойдут трое, охота может оказаться опасной.

В этот момент баронесса ударила меня ногой под столом.

Я кивнул головой и сказал:

— Да, я сомневаюсь, что троим удастся там поохотиться.

Я вообще не умел лгать. Майор вытаращил на нас глаза и твердо заявил, что будет нас сопровождать,

независимо от густоты зарослей.

На следующее утро мы отправились к донге. Львов там не оказалось, но мы обнаружили прекрасный экземпляр дикого африканского кабана. Майор стоял на одной стороне оврага, а баронесса — на другой. Я вошел в донгу, чтобы выгнать зверя. Едва я успел сделать несколько шагов, как вдруг услышал крик баронессы:

— Хантер, скорее сюда!

Опасаясь, что на баронессу напал лев, я бросился к ней, сдвинув предохранитель ружья. Прорвавшись сквозь мелкий кустарник, я увидел почти совершенно раздетую баронессу. На какое-то короткое мгновение я подумал, что баронесса сошла с ума. Тут я заметил, что она в отчаянии сбрасывает муравьев, которые напоззли на нее. Надо сказать, что африканские муравьи — ужасные насекомые, длиной в полдюйма и с челюстями, похожими на кусачки. Однажды мне пришлось подвергнуться нападению этих насекомых, и я так же сбросил с себя всю одежду, чтобы добраться до них. Никто не в состоянии терпеть их ужасные укусы.

Потребовалось несколько минут, чтобы очистить тело баронессы от муравьев. После этого мне пришлось почесать ее кожу тыльной стороной ножа, чтобы извлечь головки насекомых. Дело в том, что муравьи скорее дадут разорвать себя на части, чем ослабят свои сжатые челюсти. Дама едва успела одеться, как сквозь кусты прорвался майор.

— Что тут происходит! — закричал он.

— Мы с Джоном воевали с муравьями, — небрежно бросила баронесса.

Майор неприязненно посмотрел на нас, но ничего не мог возразить. Позже я сел на землю — меня трясло, как в лихорадке. Стоило майору появиться на несколько минут раньше, он бы доложил об этом барону, и я бы навсегда потерял патент на охоту. При таких

обстоятельствах никто бы не поверил ни даме, ни мне. Таковы опасности, которые приходится переживать охотнику в африканской степи во время охоты с клиентами.

Однако я не хочу этим рассказом создать впечатление, что обязанность профессионального охотника заключается только в том, чтобы избегать всякого рода приключений с красивыми женщинами. Большая часть его работы весьма прозаична. Организация и снаряжение сафари, отправляющегося на два-три месяца в неизвестность, отнимает гораздо больше внимания и времени.

Крупный сафари — весьма большое и сложное предприятие. Некоторые клиенты отправляются в путь с целым городком палаток, с электрогенератором для освещения; в каждой палатке имеется ванная, туалетная и ледник «электролюкс». Чтобы легковые и грузовые машины были постоянно на ходу, приходится брать с собой чуть ли не походную авторемонтную мастерскую. В таком сафари меню богато и разнообразно. Подаются обеды из 6-7 блюд с винами, которые не посрамили бы лучшие гостиницы Парижа или Лондона. Эти роскошные сафари, как правило, сопровождают два, а то и три профессиональных охотника. Один ведает снабжением и грузовиками, другой развлекает клиентов, а третий занимается охотой.

Естественно, что клиенты, которые гонятся за роскошью крупных сафари, редко проявляют большой интерес к охоте. Мне пришлось сопровождать индийского раджу, который отказался выйти из спортивного автомобиля, чтобы выстрелить по носорогу, имевшему рог чуть ли не самый рекордный в мире по величине. Раджа боялся замочить отвороты своих брюк в высокой траве и настоял на том, чтобы

подъехать к животному на автомобиле. Носорог испугался и убежал.

Вскоре после охоты с этим раджей я имел честь сопровождать командера Глена Кидстона — английского охотника-спортсмена, пожелавшего добраться до северной границы, чтобы поохотиться на орикса

— крупную антилопу с острыми прямыми рогами. Мы взяли с собой лишь самое необходимое снаряжение. В пустынной местности у самой границы Абиссинии была такая нестерпимая жара, что носороги рыли в песке ямы, в которых отлеживались днем, пережидая зной. Эта местность постоянно посещалась работоторговцами и бандитами. До нас доносились шаги вооруженных отрядов, проходивших мимо нашего лагеря.

Вода здесь была драгоценнее золота. Местные жители рыли колодцы и считали, что их труд хорошо вознагражден, если за час тяжелой работы они получали несколько глотков грязной жижи. Во время одного из привалов разбойники украли наши водяные мешки. Пока мы добрались до следующего водопоя, нам пришлось пробить банки с бобами и выпить застоявшуюся жидкость.

В награду за наши мучения командеру Глену Кидстону удалось добыть редчайшего в мире орикса, а также крупного, являвшегося рекордным для Кении куду^[16].

В то время я получал пятьдесят фунтов стерлингов в месяц. После возвращения из этого сафари мое жалованье было постепенно доведено до 200 фунтов. Это тогда считалось высшим окладом для профессионального охотника.

Мне всегда нравилось сопровождать охотников-спортсменов, желавших добыть хорошие трофеи. Я сопутствовал Дороти Маккарти, когда ей удалось убить

рекордного хартбиста^[17]. С моей помощью майор Брюс добыл газель Томпсона с рогами длиной в 163/4 дюйма. Мне самому пришлось убить чалую антилопу с рогами всего лишь на полдюйма короче рекордных. У меня имеется голова рекордной газели суни, которую я убил в лесу Ньери.

Должен заметить, что в последние годы страсть к охоте за трофеями достигла такого предела, что стала бессмысленной. Мне кажется, что глупо проводить недели или даже месяцы в надежде добыть животное с рогами на четверть или на полдюйма больше мирового рекорда, лишь бы увидеть свое имя в справочнике Ролланда Уорда «Рекордные трофеи крупных зверей».

Рекордные экземпляры — чаще всего животные-уроды с признаками явного вырождения. Рекордные рога носорога обычно длинные и тонкие, как изящные длинные вязальные спицы. С моей точки зрения, это не стоящий трофей. Лично я предпочитаю настоящие естественные рога — толстые, мощные и достаточной длины. Такой трофей дает гораздо лучшее представление о животном и его силе, а уроды скорее представляют интерес для зоолога. Вряд ли им место среди трофеев охотников-спортсменов!

Некоторые спортсмены в своем стремлении заполучить мировые рекордные экземпляры заходят очень далеко. Вспоминаю одного охотника, добывшего огромную шкуру леопарда длиной более десяти футов. Я своим глазам не мог поверить, когда увидел эту чудовищную по размерам шкуру; даже восьмифутовый леопард встречается чрезвычайно редко. Позже, в отсутствие этого охотника, мне удалось более внимательно рассмотреть шкуру. Оказалось, что его туземные помощники довольно ловко вшили в среднюю часть шкуры четырехфутовую полосу от другого леопарда. При этом они настолько искусно подобрали

узор и с таким мастерством вшили полосу, что я не мог обнаружить подделку, пока не перевернул шкуру и не осмотрел обратную сторону.

Вскоре я научился довольно точно распознавать характер клиентов еще до выхода с ними на охоту. Первое время я просто приводил клиента к хорошему трофею, а он доделывал остальное. Очень скоро я убедился, что в большинстве случаев это плохо кончается: некоторые клиенты в панике убегали, другие проявляли излишнюю смелость, а многие просто стреляли в животное, не беспокоясь о том, в какое место попадет пуля. В результате мне приходилось добивать раненого носорога или слона. Это научило меня стараться в самом начале распознать характер клиентов и соответствующим образом организовывать охоту. Клиенты, проявляющие страх перед крупным зверем, особых хлопот профессиональному охотнику не доставляют. Однажды мне пришлось сопровождать швейцарского миллионера, на которого произвели потрясающее впечатление замечательные 150-фунтовые слоновые клыки, висевшие в зале железнодорожной станции в Найроби.

— Найдите мне именно такого слона, — заявил он.

Я объяснил ему, что он опоздал лет на тридцать, поскольку слоны с такими крупными клыками в наше время встречаются редко. Однако после нескольких дней пребывания в кустарниках мы натолкнулись на слона-самца с замечательными клыками, ничуть не уступавшими по размерам тем, которые висели на станции в Найроби. Осторожно подкрадываясь, мы, наконец, подобрались к слону на расстояние выстрела. Швейцарец выстрелил. Пуля отколола кусочек правого клыка. Слон повернулся и пустился в бегство. Клиент, вообразив, что слон бросился на него, побежал в противоположном направлении. Когда я, наконец, нагнал охотника, он был слишком напуган, чтобы идти

по следу слона. Несмотря на это, он продолжал бормотать:

— Клыки! Я должен их добыть!

В конце концов мне самому пришлось идти по следу и добить слона. Клиент был так доволен, что подарил мне роскошный автомобиль. Во мне осталось достаточно шотландского духа, чтобы находить большое удовольствие даже от подобного рода сафари.

Случалось, что другие клиенты были смелы до безрассудства. Во время охоты на львов с двумя канадцами мы однажды утром пошли с ними проверить приманки. Одна из приманок оказалась непо тревоженной. Пока мы осматривали ее, ветер переменял направление и донес наш запах на поляну с высокой травой, находившуюся в нескольких ярдах от нас. Вдруг из травы поднялись три льва с густыми гривами — они поедали добычу на небольшом расстоянии от нашей приманки.

Мы оказались между львами и рекой, берег которой был покрыт густым кустарником. Львы промчались мимо нас, желая скрыться в поросли. Прежде чем я мог сделать какое-либо движение, оба канадца выскочили из машины и побежали вслед за львами. Охотники и львы бежали наперегонки по открытой местности, которая вела к реке, причем львы подгоняли себя ударами собственных хвостов на бегу. Затем один лев повернул влево и большими прыжками помчался по равнине. В один миг охотники остановились и, вскинув магазинные нарезные ружья, выстрелили по двум львам. Оба льва перекувырнулись через по ловы, как подстреленные зайцы. Для этих молодых людей охота была чем-то вроде футбола.

Пренебрежительное отношение клиентов к опасности всегда доставляло мне много беспокойства, поскольку никогда нельзя предвидеть заранее, на что способен дикий зверь. Профессиональный охотник

знает повадки животного и может в девяти случаях из десяти правильно угадать, как поступит то или иное животное. Однако десятое животное может повести себя совершенно иначе, и именно оно несет главную опасность. В одном случае животное может проявить совершенно неожиданное коварство, в другом случае оно может быть удивительно терпимо к людям. Носорог обычно считается одним из самых свирепых африканских животных. Но однажды мне пришлось наблюдать, как носорог намеренно не заporол совершенно беззащитного человека.

Я сопровождал раджу, который не делал шага без личного секретаря и врача. Врач возил с собой целую клинику, причем большинство лекарств являлись сильно действующими, поскольку раджа постоянно боялся заболеть от тягот африканской жизни.

В кустах доктор становился мастером на все руки. Он тащил тяжелый киноаппарат, который должен был заснять подвиг раджи, карманы его раздувались от пузырьков с лекарствами, пакетов лекарственных трав и всякого рода пилюль.

Однажды мы охотились на буйвола. Раджа и я шли впереди, а доктор с секретарем — сзади. Мы натолкнулись на прекрасного буйвола-самца. Раджа выстрелил. От звука выстрела стадо буйволов бросилось в панике бежать, пробиваясь сквозь колючие кусты. Раджа был абсолютно уверен, что попал в буйвола-самца. Я не в меньшей степени был уверен, что он промахнулся, поскольку не слышал знакомого звука удара пули в мясо.

В своем рвении доказать правоту своего господина доктор и секретарь стали искать следы крови. Пока они бродили, из кустов выскочил носорог, который повернул в сторону доктора. Вероятно, бежавшее стадо буйволов обеспокоило носорога и он стал искать более укромное место. Если бы доктор остался на месте, все было бы в

порядке, но он закричал и бросился в сторону напуганного секретаря, по-видимому, надеясь, что носорог погонится за секретарем. Секретарь, сообразив в чем дело, побежал к ближайшему дереву и буквально прилип к стволу, крича обезумевшему доктору:

— Убирайся! Убирайся!

Когда доктор побежал, носорог намеренно остановился, затем бросился вслед за ним, качая головой снизу вверх, будто примеряясь, как лучше ударить рогом. Доктор проявил недюжинные способности спринтера, вложив всю душу в бег, однако носорог легко нагонял его. И доктор, и носорог находились на одной линии, поэтому я не мог стрелять. Вскоре я заметил, что зверь нападает не всерьез. При случайной встрече носорога с человеком опасность всегда меньше, чем когда носорог потревожен и ожидает такую встречу. Доктор продирался сквозь колючие деревья, крича:

— Спасите!

Носорог бежал вслед за доктором, заставляя свою жертву делать новое усилие, подталкивая его время от времени своим рогом. Доктор постепенно слабел и в конце концов поплелся пошатывающейся походкой. Замедлил свой бег и носорог, все время останавливаясь позади него. Я так заинтересовался этим представлением, что совершенно забыл о необходимости стрелять в носорога и с любопытством наблюдал, как зверь гонял доктора по кустам. Наконец, носорогу это занятие, по-видимому, надоело, и он побежал прочь, а изможденный доктор весь в поту вернулся к нам, сказав:

— Ну, и пришлось же мне пережить!

Самая неприятная обязанность профессионального охотника сопровождать человека, который ведет себя, как хорек в курятнике: убивает ради уничтожения. Мне не мало пришлось поохотиться, но я всегда при этом

преследовал какую-то цель. Некоторые же люди получают наслаждение от убийства зверей ради удовольствия видеть смерть.

Часто клиенты заявляли мне:

— Хантер, у меня разрешение на отстрел 300 зверей, а я убил всего-навсего 200. Можете вы наверняка гарантировать, что мне удастся убить остальных в течение ближайших нескольких дней?

Однако некоторые клиенты скоро излечиваются от этой мании.

Мне пришлось сопровождать нескольких американцев, которые приезжали, чтобы вдоволь поохотиться. Через несколько дней они сменили свои ружья на фотоаппараты и оставшееся время занялись фотографированием.

Вспоминаю историю, рассказанную мне американцем — мистером Джеком Холлидеем, который подал мне идею написать эту книгу. Вместе с сопровождавшим его Ройем Хоумом он шел по следу крупного слона-самца. Вопреки мнению некоторых охотников, я полагаю, что размер следа слона не говорит о величине его клыков. Часто слон, оставляющий относительно небольшие следы, имеет лучшие клыки, чем великан. Обычно слон, ступающий всей площадью ноги, является старым самцом и поэтому, по всей вероятности, имеет крупные клыки. Следы данного слона-самца говорили о том, что это крупный старый слон с отличными клыками. Джек и Рой с большими трудностями шли по следу и, наконец, обнаружили слона на берегу ручья. Слон, по-видимому, услышал охотников, уши его были развернуты во всю ширину, а хобот поднят, чтобы принюхиваться к ветру. У слона были замечательные клыки — лучшие из всех, которые Рою приходилось видеть в течение многих лет охоты.

Стоявший в лесу благородный и бесстрашный зверь с клыками, которые ярко выделялись на фоне грифельной синевы его туловища, представлял собой незабываемую картину. Джек медленно поднял ружье, он был отличным стрелком. Рой стоял, ожидая падения животного. Однако Холлидей опустил ружье и, качая головой, сказал:

— Не могу. Он слишком хорош, чтобы его убивать.

Они повернулись и оставили слона, смотревшего на них мудрыми глазами старика.

Немного найдется спортсменов, которые не воспользуются прекрасным трофеем, особенно после того, как провели несколько недель, преследуя животное и преодолевая бесчисленные трудности. И все же мне приходилось быть свидетелем таких случаев. Однажды я сопровождал молодого студента Йельского университета, который всеми силами стремился добыть бонго. Обычно на бонго охотятся с собаками — это почти единственный способ охоты на него. Пройдя долгий и тяжелый путь, мы добрались до туземной деревушки, расположенной в глубине леса. Я рассказал деревенскому старосте, что нам нужны собаки для охоты на бонго. Он предоставил в мое распоряжение сборную свору из десятка мелких деревенских собак, которые имели довольно невзрачный вид, но хорошо шли по следу. После нескольких неудачных заходов мы услышали лай собак и крики животных. Прорвавшись сквозь густую поросль между деревьями, мы увидели, что собаки затравили бонго, загнав его в небольшой ручеек. Самец стоял по колени в воде, подняв одну ногу и бросая вызов своим мучителям, как бы подзывая их к себе. Он был окружен травившими его собаками, а с двух сторон стояли и кричали жители деревни.

— Вот ваш трофей, — сказал я.

Мой клиент поднял ружье, а затем вновь опустил его.

— Я не могу стрелять по несчастному животному, окруженному всеми этими собаками и людьми. У него нет ни одного шанса на спасение. В этом нет никакого спортивного интереса.

Так мы и вернулись без трофея, к величайшему неудовольствию местных жителей, которые надеялись полакомиться мясом.

Очень забавной и безобидной разновидностью дураков являются самоявленные эксперты по африканской дичи. Мне пришлось присутствовать на обеде в Найроби, где один тип провел со мной длинную беседу о диких животных. Позже кто-то подал ему набор картинок, среди которых была фотография самца-гиены. Этот «знаток» с умным видом покачал головой, заявив:

— О, да! Какой это прекрасный бык гиены!

Поскольку гиена принадлежит к семейству собак, это все равно, что говорить о быке фокстерьера. Однако я счел за благо держать свои знания при себе.

Однажды я встретился с человеком, который очень гордился своим умением стрелять. У него были замечательные ружья, и он с большим знанием говорил о начальной скорости, калибрах и патронах. В один прекрасный день мы натолкнулись на стадо диких африканских кабанов. Животные бросились бежать во весь опор через равнину, как обычно, высоко подняв хвосты. Клиент вскинул магазинное ружье и открыл огонь по кабанам. Я с интересом наблюдал, как пули летели во все стороны, исключая той, в которую бежали кабаны.

После такой стрельбы я подумал: «как хорошо, что в диких кустах Африки редко приходится слышать о жертвах от шальных пуль». Клиент повернулся ко мне и сказал совершенно серьезно:

— Хантер, я надеюсь, что вы не осудите меня за это повальное уничтожение кабанов. Я люблю уничтожать их, поскольку свиньи способствуют распространению заразы.

Я заверил его, что не имею никаких возражений. Про себя я пожелал, чтобы смерть всегда была от меня на таком же расстоянии, как от этих животных.

Иные клиенты доставляют много хлопот, но в то же время и много удовольствия. Вспоминаю одну молодую девушку по имени Фей, которой едва исполнилось двадцать лет. Самое большое удовольствие для нее было находиться в сафари. Много снега легло на вершину Килиманджаро с тех пор, как я сопровождал на охоту эту девушку, но и сейчас я могу мысленно увидеть ее, одетую в полуковбойскую одежду. Ее темные волосы были свободно повязаны шелковой банданой^[18], концы которой были заправлены в рубашку. Узкую талию опоясывал ремень-патронташ из свиной кожи с замысловатой пряжкой, изображающей звериную голову. Фей страстно любила природу. Она прекрасно стреляла, владела рыболовным искусством и верховой ездой. Лошади и собаки буквально обожали ее. Вся фигура Фей дышала силой и ловкостью.

Когда мы выступили, я нанял у местных жителей несколько ослов. Эти ослы не выносили даже запаха европейцев. Много времени и нервов ушло на то, чтобы навьючить беспокойных животных. В конце концов все было закончено, и я дал команду выступать. Но ослы отказывались даже сдвинуться с места. Фей не растерялась. Она достала из какого-то потайного карманчика своего багажа австралийский пастуший кнут с короткой толстой ручкой и кнутовищем, сплетенным из шкуры кенгуру. В маленькой ручке Феи кнут выглядел непомерно большим, и я не представлял себе, что она будет с ним делать. Едва я успел

опомниться, как Фей щелкнула десятифутовым кнутом над головами ослов. Звук не уступал по силе выстрелу из крупнокалиберного ружья. Ослы встали на дыбы и, брыкаясь, рассыпались, как бусины. Грузы мгновенно оказались у них под брюхом, и, прежде чем поводыри успели удержать их, вещи рассыпались по всей степи. Плоды четырехчасового тяжелого труда были уничтожены в десять секунд. Не помня себя от ярости, я набросился на Фей. Она сидела на земле, громко смеясь. Между приступами смеха ей удалось выдавить:

— Хантер, отчего вы такой мрачный?

Надо сказать, что она-то никогда не была скучной.

Поскольку от ослов было мало проку, я нанял повозку с упряжкой волов. Повозка была тяжелой и тихоходной. Погонщик, туземец постоянно кричал и пощелкивал кнутом. Каждый вол тянул во всю силу лишь тогда, когда погонщик называл его по кличке. Живая Фей не выдержала столь медленного движения повозки с волами.

— Мы никогда не доберемся до места с такой скоростью, — заявила она. — Мы с вами поедем вперед на моей машине.

Поскольку к месту нашего назначения дороги не было, я сомневался в возможности проделать путешествие на машине. Однако у Фей был старый студебеккер, который, как она уверяла, обладал абсолютной проходимостью. Мы нагрузили старую машину наиболее необходимым снаряжением. Я уселся на вещи, Фей села за руль, и мы тронулись в путь.

Через несколько минут я пришел к заключению, что допустил ошибку, не оставшись на воловьей повозке. Студебеккер, казалось, обладал всеми свойствами виллиса, и Фей гнала на полной скорости, независимо от характера местности. Мы прорывались сквозь колючий кустарник, причем ветви хлестали меня с обеих сторон, с полного хода преодолевали ручьи и

поэтому вероятность застрять в иле была сведена к нулю. Нас выносило на другой берег одной силой инерции. На открытой равнине Фей выжимала из машины все, на что та была способна. Мы мчались с невероятной скоростью. Вдруг колесо ударилось о старую нору муравьеда. Вещи, уложенные сзади, вместе со мной полетели вверх. Когда я приземлился, машина уже выскочила из-под меня и на полном ходу летела по равнине, оставляя за собой «кильватерную струю» из мятой травы и сухих листьев. Надо сказать, что мое приземление было весьма удачным, поскольку я упал на вещи, не изменив своего сидячего положения и не выпустив даже зажатую в зубах трубку.

Фей промчалась добрых две мили, прежде чем обнаружила мое отсутствие, и то только потому, что какие-то другие вещи выскочили из машины. Она вернулась и обнаружила меня сидящим на вещах с дымящейся трубкой во рту. Выскочив из машины, Фей остановилась и стала разглядывать меня, уперев руки в бока.

— Хантер, как вы ухитрились потеряться? — спросила она меня строго.

Фей была замечательным стрелком.

Больше всего Фей любила охотиться на слонов и львов. Она предпочитала двухствольные нарезные ружья лондонской фирмы «Вильяма Эванса» калибра 360^[19]. Поскольку это ружье было слишком легкое для охоты на слонов, я настоял на том, чтобы охотиться только в негустом кустарнике, где можно было увидеть слона на большом расстоянии. Хороший стрелок может легко убить слона и из легкого ружья, если зверь стоит на открытом месте и охотник имеет возможность точно целиться в ухо слона. В густом кустарнике, где слон может наброситься на охотника с близкого расстояния, необходимо тяжелое ружье, которое обладает

достаточной ударной силой, чтобы остановить зверя выстрелом в лоб.

У Фей был неисчерпаемый запас энергии. Она могла целый день охотиться и целую ночь не спать. Я не обладал такими способностями. Однажды вечером мы вернулись в лагерь после того, как проходили по кустарнику с самого рассвета. После короткого ужина я лег спать. Фей последовала моему примеру. Однако избыток жизненных сил не давал ей уснуть. Мы все ночевали в одной маленькой палатке, поскольку тихоходная повозка с палаткой и основным имуществом еще не прибыла. Повертевшись в постели несколько минут, Фей уселась на походной койке и заявила:

— Хантер, мне скучно. Вставайте и поговорите со мной.

Я прикинулся спящим, так как утомился за день и не имел никакого желания проводить всю ночь за выпивкой и беседой. Фей позвала меня еще раз. Затем я услышал, как она пробормотала:

— Я его все равно разбужу.

В следующий миг мне на голову свалился вещевой мешок с патронами. Фей крикнула:

— Не будьте таким скучным, вставайте и развлекайте меня!

Я встал, убедившись в бесполезности сопротивления.

Боюсь, что с обязанностями ночного собеседника я справлялся хуже, чем с охотничьими, поскольку для участия в следующем сафари Фей пригласила красивого молодого человека, с которым познакомилась в Найроби. Я представить себе не мог, что могла такая девушка, как Фей, найти в этом молодом человеке, так как он был неважным стрелком. Судя по тому, что она сказала мне, я понял, что он обладал такими качествами, которые не сразу бросаются в глаза. Казалось, что мы теперь достигли идеального

положения. Днем Фей могла охотиться со мной, а вечером проводить время со своим кавалером. К несчастью, Фей была слишком беспокойной девушкой и требовала, чтобы ее друг разделял ее страсть к охоте. Молодой человек предпочитал не пользоваться крупнокалиберным ружьем, так как большая сила отдачи больно била его в плечо. Поэтому он пользовался легким 275-калиберным^[20] нарезным ружьем, а она — своим надежным ружьем калибра 360. В это время мы охотились на львов, и это относительно легкое ружье вполне подходило, но я все-таки взял с собой ружье калибра 475^[21] на случай, если придется встретиться со слоном или носорогом.

Мы шли гуськом по звериной тропе, идущей в глубь зарослей высокой травы. Вдруг впереди мы увидели одиноко пасшегося буйвола-самца. Африканский буйвол — весьма грозный зверь. Когда он, пригнув голову, бросается на охотника, единственное место, куда можно стрелять, — это его толстый лоб, защищенный широким утолщением у основания рогов. Только крупнокалиберное ружье способно свалить нападающего буйвола.

Я хотел оставить буйвола в покое, но Фей категорически возражала

— ее знакомый должен вернуться в Найроби, имея право заявить, что он убил буйвола.

— Стреляйте ему в плечо, — шепнула она. — Если он не упадет, я его добыю.

Молодой человек, нервничая, поднял ружье и выстрелил. Пуля попала буйволу около крестца. В один миг он развернулся и со страшной скоростью бросился на нас. Мы ничего не видели, кроме широко расставленных рогов, несущихся на нас по узкой тропе. Фей с достойным восхищения хладнокровием вскинула ружье и всадила две пули в лоб зверя. Это было все

равно, что плевать жеваными бумажными шариками. Увидев, что животное продолжает бежать, Фей уронила ружье и бросилась в объятия своего знакомого.

Стоя на узкой тропе, тесно прижавшись друг к другу, эти дети не давали мне возможности обойти их, чтобы сделать выстрел по зверю. Буйвол вот-вот должен был добежать до нас. Я уже различал хлопья белой пены на черной груди зверя и острия его огромных рогов. Если бы это животное весом в две тысячи фунтов наскочило на нас, то мы бы наверняка были сбиты и втоптаны в землю. Когда до его рогов оставалась какая-нибудь пара ярдов, мне удалось протиснуть ствол ружья между Фей и ее знакомым и выстрелить. Буйвол грохнулся на землю, забрызгав брюки Фей пеной и кровью. По-моему, Фей и ее друг решили, что буйвол добрался до них. Так силен был удар при падении животного. Через несколько секунд Фей, открыв глаза, увидела мертвого буйвола у своих ног.

— Вот видите, — обратилась она радостно к своему другу, — Хантер покончил с буйволом. Не обижайтесь, что не Вам пришлось убить его, мы сейчас же пойдём и разыщем другого.

— Большое спасибо! — заявил молодой человек, утирая трясующимися руками пот со лба. — Меня интересует только одно, — сколько потребуется времени, чтобы добраться до Найроби.

Милая веселая Фей! Какова ее судьба — я не знаю. Мягко говоря, она не придерживалась условностей, но зато была отличным стрелком и хорошим товарищем. А разве можно найти все качества у женщины?

К сожалению, лишь немногие охотники-спортсмены проявляют достаточно благоразумия, чтобы терпеть силу отдачи тяжелого ружья. Обычно после нескольких выстрелов при стендовой стрельбе охотник-спортсмен начинает инстинктивно морщиться от боли, когда

нажимает спуск. Это, конечно, пагубно влияет на его стрельбу и он начинает пользоваться более легким оружием. Охотник-спортсмен забывает, что в разгар охоты будет не до отдачи ружья.

Охотнику-спортсмену приходится решать несколько вопросов при выборе огнестрельного оружия. Многие предпочитают пользоваться собственным оружием, но лишь у некоторых имеются тяжелые ружья, необходимые для охоты на крупных африканских зверей. Если же спортсмен, находясь в Африке, берет ружье напрокат, он не может показать его друзьям и сказать, что из этого ружья он убил крупного самца. Кроме того, многие охотники-спортсмены читали записки охотников старых времен, которые часто пользовались относительно легким оружием. Но в те времена звери были непугаными и охотник мог стрелять в самые уязвимые места. Охотники тех времен лишь в редких случаях рисковали входить в заросли, чтобы добыть трофей.

Упорное желание охотников-спортсменов пользоваться легкими ружьями привело к возникновению нехорошего обычая среди некоторых профессиональных охотников. Некоторые профессиональные охотники стреляют из тяжелого ружья одновременно с охотниками-спортсменами. Такому охотнику-профессионалу и дела нет до того, попадет ли его клиент в зверя или же просто выстрелит в воздух. Животное падает, а клиенту достается слава. Если бы я попытался сделать что-либо подобное, такие люди, как братья Макмартины, командер Глен Кидстон или майор Брюс, которых мне приходилось сопровождать, тут же отказались бы от моих услуг и немедленно отправили меня в Найроби.

И все же мне понятно поведение профессиональных охотников наших дней. Неписанный закон кустарника запрещает оставлять раненого зверя подыхать. Если

клиент ранил опасного зверя, профессиональный охотник обязан последовать за ним в кустарник и добить его. Клиент не может сам идти, поскольку это связано со слишком большим риском. Кроме того, профессиональный охотник может гораздо лучше справиться с этой задачей, если он пойдет один.

Вспоминаю, как однажды я охотился с европейским принцем и принцессой близ Касигау в районе Вой в Кении. Мы заметили приближающегося к нам буйвола-самца и залегли, чтобы позволить ему подойти поближе. Буйвол подбежал к нам на расстояние около пятидесяти ярдов. Принцесса стреляла из мелкокалиберного ружья и была полна решимости убить буйвола без посторонней помощи. Она ранила буйвола в грудь. Если бы выстрел был сделан из ружья крупного или даже среднего калибра, то буйвол был бы убит. Однако в данном случае раненому зверю удалось повернуть и скрыться в густых зарослях кустарника. Мы посмотрели на след и обнаружили капельки крови. В обязанности охотника входит определение ранения по виду крови. Кровь из легких — светлой окраски, следовательно, идти по следам придется долго; кровь из почек темная — значит зверь ранен смертельно; кровь из туловища или конечностей по окраске промежуточная и показывает, что ранение несерьезное. В данном случае окраска крови показывала, что нам предстояло иметь дело с раненым зверем, который будет яростно драться за свою жизнь. В общем перспектива была не из приятных.

Принцесса продолжала настаивать на том, чтобы идти по следу раненого зверя со своим игрушечным ружьем. Когда я стал возражать, ее королевская кровь вскипела и она отстегала меня со всей силой своего маленького язычка. Очень трудно иметь дело с людьми, которые привыкли, чтобы им никто не перечил. Я продолжал настаивать на своем, отказав ей в праве

совершить самоубийство. К счастью, принц оказался человеком с ясной головой. Он, наконец, вмешался и велел мне самому покончить со зверем.

Я вошел в кустарник вместе со своим помощником-следопытом из племени валингулу. Я убежден, что представители этого племени — самые лучшие следопыты в Кении, и я полностью доверял своему помощнику. Почва была песчаная, и мы могли бесшумно идти по зарослям. Кругом была тишина. Это означало, что буйвол, по всей вероятности, застыл, поджидая нас в засаде. Мы подошли к месту, где было много крови, — буйвол там простоял несколько минут. Он, по-видимому, слышал, как принцесса кричала на меня, и остановился послушать. Когда спор прекратился и мы пошли по следу, он тоже двинулся дальше.

Вдруг до нас донесся едкий запах буйвола-самца. Мы остановились. Должно быть он находился всего лишь в нескольких ярдах от нас. Следопыт стоял, сильно раздув ноздри, и был похож на пойнтера, старающегося учуять выводок куропаток; затем он показал пальцем в кусты. Я ничего не видел. Думая, что буйвол находится на некотором расстоянии от нас, я знаком показал помощнику, чтобы он бросил какой-нибудь предмет в направлении животного. Он поднял камень и бросил его в кустарник впереди нас. Я услышал удар камня о рог буйвола. Зверь стоял прямо перед нами, но черная шкура настолько сливалась с тенью, что я не мог его разглядеть.

В этот миг буйвол бросился на нас. У меня даже не было времени прицелиться. Я только вскинул двуствольное нарезное ружье калибра 500 и выстрелил, как из дробового ружья. Пуля попала буйволу под левый глаз, убив его наповал. Если бы при мне было легкое ружье, зверь наверняка убил бы нас обоих, прежде чем издох сам.

Самая необычная просьба, с которой ко мне обратился один из клиентов, заключалась в том, чтобы заползти в нору и извлечь раненого африканского кабана. Я сопровождал графа Карнарвона, который ранил крупного самца дикого африканского кабана. Зверь скрылся в норе. А африканский кабан всегда входит в нору задом и держит свои клыки наготове, чтобы достойно встретить преследователя. Граф загорелся желанием во что бы то ни стало заполучить зверя, а я не мог придумать какой-либо способ достать его. У нас не было ни лопаты, ни другого подходящего инструмента, чтобы выкурить кабана.

Я обратился к следопытам с просьбой последовать за кабаном в нору. Следопыты объяснили мне, что они исповедуют магометанство, а закон ислама запрещает прикасаться к свинье. Если бы не это, они бы с радостью исполнили мою просьбу. Мне ничего не оставалось, как самому спуститься за зверем. Я снял свою куртку и, сказав помощникам, чтобы они меня вытащили за ногу, как только начну брыкаться, пополз в нору.

Нора была слишком тесная для меня, а от вонючего дыхания кабана я чуть не задохся. Так как я закрыл вход в нору собственным телом, то стало совершенно темно. Я с трудом протискивался вперед, нащупывая путь руками. Вдруг моя рука наткнулась на рыло кабана. Я схватил его за клыки. Кабан попытался прижать мою руку к стенкам норы, но я не отпускал его, ожесточенно брыкаясь ногами. От недостатка воздуха и удушливой вони, исходящей от кабана, я чуть не потерял сознание. Наконец, мои помощники вытащили меня и вонючего зверя наружу.

Когда я встал на ноги, утирая лицо, граф сказал мне:

— Блестяще, Хантер! Собственно кабан как трофей мне не нужен, мне просто нужна шкура на седло. Не

повредили ли вы ее?

Надеюсь, что граф был в достаточной мере удовлетворен своим седлом. Иначе как оправдать те мучения, которые я перенес, вытаскивая кабана из норы?

Глава шестая

Охота на львов в Масайленде

Однажды весной, примерно в середине двадцатых годов, меня пригласил начальник Департамента по охране дичи в Кении капитан Ритчи, кавалер ордена Британской империи и Военного Креста. Он сделал мне чрезвычайно соблазнительное предложение.

Для того чтобы понять причины такого предложения, необходимо иметь представление о необычных условиях в Кении в тот период.

В центральной части Кении лежит огромное плато — здесь живет воинственное племя масаи, Масаи — племя копейщиков. Они с презрением относятся к луку и стрелам, считая их оружием трусов, которые боятся приблизиться к своему противнику. Молодые воины этого племени называются моранами. Питаются они в основном свежей кровью зверей и молоком. По мнению масаи, это единственная подходящая пища для воинов. В последнее время жители начали усиленно разводить скот. Частично в результате чрезмерно разросшегося стада и недостатка пастбищ по районам пронеслась тяжелая эпидемия чумы рогатого скота. Пали тысячи голов скота, и у масаи осталось лишь небольшое племенное стадо.

Львы стали пожиратьдохлый скот, а так как равнины были сплошь усеяны трупами рогатого скота, львы стали быстро размножаться. Слабенькие львята, которые при нормальных условиях погибли бы, доживали до зрелого возраста. Поэтому на территории, населенной племенем масаи, в удивительно короткое время развелось невероятное количество львов. Когда эпидемия прошла и на равнинах уже не былодохлых

коров, львы стали охотиться на живой скот. Масаи с копьями и щитами выступили на защиту бесценных остатков своего стада. Но каждый убитый лев стоил жизни одному или двум молодым воинам, растерзанным зверями. Рана, нанесенная львом, почти всегда ведет к заражению крови, поскольку когти хищника покрыты пленкой гниющего мяса предыдущей жертвы. Даже поверхностная царапина часто приводила к смерти. Старейшины племени опасались, что масаи потеряют весь цвет своего воинства. Им оставалось обратиться за помощью к властям.

— Я полагаю, — заявил мне капитан Ритчи, — что эту задачу не следует возлагать на обычного охотника-спортсмена. Это под силу только опытному охотнику. После продолжительного обсуждения Департамент по охране дичи решил, что вы подходите лучше всего. Нужно уничтожить всех львов, наносящих ущерб. Численность львов в течение ближайших трех месяцев должна быть доведена до минимальной нормы. В качестве оплаты вы можете оставить себе шкуры, — закончил капитан Ритчи.

В то время первосортная шкура льва с черной гривой стоила двадцать фунтов, львицы — три фунта. Риск, конечно, был большой, но в то же время охота на львов могла принести значительную сумму денег. У нас уже было четверо детей, а ведь их воспитание обходится не дешево даже в Кении.

Я обсудил это предложение с Хильдой. Опытный охотник, не подвергая себя слишком большому риску, может убить в зарослях кустарника 10, даже 20 львов. Но охота с целью уничтожения 100 львов за короткий промежуток времени может кончиться серьезными ранениями от когтей этих зверей. Моя подруга высказала блестящую мысль:

— Ты помнишь свору собак капитана Херста, с которой ты охотился на львов в кратере Нгоронгоро.

Ведь собаки тебе тогда здорово помогли. Почему бы не воспользоваться собаками в данном случае?

Это была блестящая идея. Однако австралийские гончие капитана Херста давно были распроданы его братом, и я не мог себе представить, где можно было бы раздобыть другую свору. После нескольких бесплодных попыток приобрести подходящих гончих я обратился на собачий рынок в Найроби и нашел там пестрое сборище из 22 собак, ожидавших решения своей судьбы. Это были ничего не стоящие бездомные животные разного цвета, возраста и породы. И я купил их по десяти шиллингов за штуку. Когда Хильда увидела свору «львиных» гончих, лицо ее омрачилось. Через несколько дней положение ухудшилось — ни одна собака не знала, как вести себя. Днем они лаяли, а по ночам выли, затевали драки друг с другом, а также с нашими слугами; когда им становилось скучно, они уходили и нападали на собак наших соседей. Через неделю я все же привел это сборище (я никак не решаюсь назвать его сворой) в более или менее пристойный вид и был готов отправиться на территорию масаи. Власти снабдили меня упряжкой из шести волов, чтобы доставлять приманку в различные пункты территории племени масаи. Я выступил в Масайленд со своей сворой в сопровождении нескольких местных носильщиков и драгоценными, хотя и тихходными волами.

Сначала мы двигались по шоссейной дороге, ведущей на Конзу, расположенную примерно в 80 милях к юго-востоку от Найроби, а затем повернули на запад. После дня пути мы стали выходить из лесистой местности на открытую равнину. Стали реже встречаться крытые камышом хижины земледельцев племени кикую. Обработанные шамбы исчезли. Впереди лежала покрытая травой равнина, изобиловавшая дичью. На этих идеальных пастбищах в течение долгих

веков племя масаи пасло скот рядом со стадами зебр и уайлдбистов. Воздух там прохладен и чист, им приятно дышать.

Мы шли все дальше и дальше в дикую массайлендскую территорию. Не будь в Найроби Хильды, я не пожалел бы, если бы мне вообще не пришлось туда вернуться. Передо мной была Африка в ее девственном виде, такая, какой ее создал бог и какой она оставалась до прибытия белого человека, который первым делом стал уродовать ее естественный облик. Мы разбивали лагерь там, где нас заставала ночь. Едва солнце появлялось из-за холмов, мы продолжали свой путь, во всем руководствуясь лишь собственными желаниями.

Однажды вечером, когда мы уже значительно продвинулись в глубь территории, до меня донеслось рычание львов, ходивших вокруг лагеря. По звуку их голосов я понял, что это самцы. На рассвете я впервые встретился с представителями племени масаи — двумя молодыми моранами, которые, выйдя поохотиться на львов, увидели наш лагерь. С чувством собственного достоинства они подошли к моей палатке и остановились, опираясь на свои копья. Они внимательно изучали меня. Масаи резко отличаются от всех жителей Африки, с которыми мне приходилось встречаться. Это рослые, стройные люди с очень тонкими чертами лица — более правильными, чем у белого человека. Существует даже мнение, что масаи — потомки древних египтян, которые ушли на юг во время какого-то крупного переселения народов. Лица молодых воинов были окрашены красной охрой и обведены белым мелом, изготовленным из истертых в порошок костей. Их одежда состояла из одного предмета — одеяла, небрежно охватывавшего тело и завязанного на плече.

Я сказал молодым воинам, что прибыл с целью уничтожения львов. Мораны, казалось, нашли эту мысль

забавной, и сказали, что мне будет трудно и хлопотно убивать львов при помощи одного ружья. Они считали копье единственно подходящим оружием для охоты на львов. К огнестрельному оружию масаи относятся с глубоким презрением, унаследованным от тех давних времен, когда военные отряды их племени легко расправлялись с арабскими работоторговцами, вооруженными заряжающимися с дула мушкетами.

Явно желая запугать меня, один из молодых людей сказал, что знает место недалеко от лагеря, где прячутся два льва. Его друг заявил, что эти львы — выдающиеся экземпляры и что он будет рад увидеть, как я с ними справлюсь. Я никак не предполагал сделать первый выход в сопровождении столь критически настроенных людей. Собаки еще не были обучены, и у меня не было представления о характере местности, в которой скрывались львы. Но под воздействием насмешливых и полупрезрительных взглядов молодых людей я счел своим долгом сделать все от меня зависящее, чтобы обеспечить успех охоты. Я попросил их вести меня к этому месту, приказав одному из носильщиков развязать собак.

Масаи повели меня по песчаному наносу в лощину, дно которой представляло собой высохшее русло потока, возникающего в дождливый сезон. Масаи шли впереди с копьями в руках, балансируя огромными щитами из шкур буйволов. Эти щиты довольно громоздкие и весят по пятьдесят с лишним фунтов. Несмотря на это, мораны несут их на плечах, как перышки. Щиты украшены сложным узором черного, красного и белого цвета. Этот узор представляет собой некое подобие геральдических знаков наших предков. Увидев щит, масаи может определить, из какой части страны пришел его владелец, к какому отряду он принадлежит, его ранг и положение в отряде, возраст,

имя и какими отличиями он удостоен за участие в боях или охоте на львов.

Русло было песчаное, и масаи, легко обнаружив следы львов, пошли по нему. Собаки бежали вприпрыжку, опасливо внюхиваясь в странный запах. Идя по излучине лощины, мы увидели перед собой двух львов, лежащих на песке, подобно большим кошкам. Львы встали, бросая на нас угрожающие взгляды. Собаки, увидев зверей, пришли в неопиcуемый ужас и большая часть своры, тьякая, обратилась в паническое бегство. Ни одной из собак не приходилось видеть львов и вряд ли они имели представление о существовании такого зверя. Однако четыре собаки эрдейльской породы мужественно остались на месте.

Ни я, ни масаи не могли даже на мгновение отвлечься, чтобы подумать о собаках. Оба морана подняли свои копья, ожидая нападения. Это была величественная картина. Я быстро прицелился в грудь более крупного льва и выстрелил. От удара пули он отскочил назад и, ворча, тяжело повалился на бок. Его напарник исчез в густых кустах. В один миг четыре эрдейльских пса бросились вперед и стали тормошить убитого льва. Я им позволил сколько угодно теребить гриву льва, а когда вернулись остальные, проявившие трусость собаки, я заставил их сделать тоже самое. Были еще две смелые собаки, отдаленные предки которых были из породы колли^[22]. И я надеялся, что эти шесть собак составят основное ядро своры гончих для охоты на львов.

Когда собакам надоело теребить мертвого льва, я повел их к кустам, где спрятался второй лев. Подойдя поближе, я услышал низкий, угрожающий рев льва. Эрдейли и колли тут же бросились в кусты, яростно лая, а остальные собаки окружили кустарник, подавая голос, но не выражая никакого желания приблизиться к зверю.

Один из масаи бросил камень в кустарник. Лев на несколько футов выскочил из зарослей, делая ложный выпад в сторону одного из наиболее яростных эрдейлей, а затем скрылся, прежде чем мне удалось выстрелить.

Собаки постепенно осмелели. По движению верхних веток я мог определить местонахождение льва. Наиболее отважные собаки, яростно лая, ползком пробирались через кусты, чтобы выгнать зверя. Зная, что лев вот-вот бросится на нас, я стоял наготове.

Вдруг кусты широко раздвинулись и лев пулей выскочил прямо на меня. Он почти свернулся в клубок — уши его были прижаты назад, а спина изогнута крутой дугой. Тотчас через песчаное дно пролетел один из моих храбрых эрдейлей, бросаясь на льва, чтобы схватить его за глотку. Лев отбросил его, как ребенок игрушку. Затем, не останавливаясь и не обращая внимания на остальных собак, тжавкавших у него с фланга, он сделал еще прыжок в моем направлении.

Я выстрелил на расстоянии десяти ярдов. Пуля попала точно между глаз. Лев упал, даже не вздрогнув. В утреннем воздухе из пулевого отверстия ясно струился дымок.

Оба масаи с наслаждением исполнили боевую пляску. Напряженное возбуждение, вызванное нападающим львом, и удовлетворение от вида двух убитых зверей с прекрасными гривами переполнили их души восторгом. Держа копья, мораны изгибались, резко выпячивая свои бедра. Затем они вдруг выпрямлялись, одновременно выгнув грудь колесом. По мере того, как возрастал их экстаз, темп этих движений увеличивался, пока не достиг темпа работающего поршня. Это был любопытный вид эмоционального подъема, широко распространенный среди масаи. У белых людей, живущих вместе с этим замечательным народом, он носит название «тряска». Мне ранее не

приходилось видеть ничего подобного, и до сих пор не могу понять, как люди, спокойно стоявшие с одним копьем в ожидании нападения разъяренного льва, могли так вести себя.

Мое собственное удовлетворение удачной охотой на львов было в значительной мере омрачено тем, что прекрасный эрдейль, бросившийся на льва, лежал с переломленным хребтом, а трусливые дворняжки храбро терзали убитого льва. Мужественная собака молчаливо переживала смертельную агонию, и я ничем не мог ей помочь. Еще не родилась та собака, которая бы вышла живой из схватки со львом. Собаки должны уклоняться от льва, и в то же время выгонять его из зарослей, пощелкивая зубами и лая. Они не должны бросаться на льва, если он не рвет одного из их товарищей или хозяина. Гончие капитана Херста это прекрасно понимали. Все они носили следы старых ранений, которые они получили, приобретая опыт. Мой несчастный эрдейль издох еще до того, как ему удалось усвоить эту науку. Я мог лишь надеяться, что для остальных собак своры его смерть будет хорошим уроком.

Я выпотрошил обоих львов и позволил собакам поесть их мяса, чтобы на будущее привить им вкус к охоте на львов. Собаки находили мало удовольствия от странной пищи, но в конце концов все до одной стали отрывать зубами целые куски, рыча друг на друга. Носильщики сняли со львов шкуры и мы пошли обратно в лагерь.

Масаи строили свои жилища с таким расчетом, чтобы их трудно было заметить. В прошлом они временами подвергались ответным набегам со стороны других племен. Хижины казались грубыми, но в ночное время они легко обогревались, а днем были прохладными. Мы с триумфом пришли в селение. Я ожидал увидеть большое число плетеных хижин,

которые напоминали бы деревню племени кикую. Однако я уже почти вошел в деревню, прежде чем сообразил, что нахожусь в населенном пункте. Деревня напоминала густые заросли кустарника. Она была окружена бомой

— живой изгородью из колючих кустов высотой в рост человека, а строения доходили до высоты груди. Они представляли собой плетеные рамы, оштукатуренные коровьим пометом. Обожженный солнцем коровий помет по твердости не уступает кирпичу, причем он не издает никакого запаха. Чтобы войти в хижину, мне пришлось согнуться вдвое.

Каждая хижина разделена плетеной перегородкой на несколько небольших комнат. Вместо окон в стенах тонкие щели. Внутри темно, но прохладно и уютно. В мою честь закололи овцу. Мясо с ребрышками было насажено на вертел и поджарено на костре. Женщины принесли в глиняном горшке «помбе» — местное пиво. Каждый мужчина брал горшок в руки, делая глоток, и передавал его дальше. По мере того как напиток оказывал воздействие на мужчин, они собирались в тесную группу и затем пустились в странную пляску, движения которой состояли из простого подпрыгивания в воздух. Я наблюдал, попивая пиво и закусывая бараньими ребрышками. Вокруг меня под усеянным звездами небом расположились собаки. Поблизости мычал скот, а издали доносилось рычание львов, пробиравшихся через кусты, чтобы приступить к ночной охоте. У меня возникло такое чувство, будто я принадлежу этой стране и этому народу.

Когда наступило время отдохнуть, меня пригласили в самую просторную хижину. В одной из комнат была устроена большая постель из мягких камышей, покрытых коровьими шкурами.

Я поинтересовался, где будет проводить ночь сам вождь. Выяснилось, что он ночует у друзей, чтобы не

мешать мне отдыхать по своему усмотрению.

За моей подушкой на решетке стояли четыре сосуда своей формой напоминающие тыквы и наполненные молоком. Сначала я не совсем понял их назначение, но позже узнал, что молоко предназначалось для утоления жажды и восстановления сил.

После долгого дневного пути я был так утомлен, что сразу же заснул тяжелым сном.

В течение нескольких дней меня осаждали посыльные масаи, прибывавшие за много миль с просьбой уничтожить львов. Каждый посыльный, соперничая с другим, делал неправдоподобные заявления, надеясь этим привлечь меня в свой район. Один из них заявил, что в его деревне вряд ли можно пройти пятьдесят ярдов, не увидев нескольких зверей. У меня создалось впечатление, что куда бы я ни пошел, я наверняка найду множество львов. В течение нескольких недель с помощью собак я убил более 50 львов.

Однажды вечером я вышел побродить и заблудился в путанице отрогов и ущелий в районе предгорий. Я попытался идти обратно по собственному следу, но уже наступила ночь, и я ничего не видел перед собой. Собиралась буря, которая уже разразилась над дальними вершинами гор. Некоторое время я ориентировался по вспышкам молнии, поскольку приблизительно знал, в каком направлении разразилась буря.

К полуночи ветер разогнал бурю и я шел, вслепую пробираясь в темноте. Вдруг до меня донесся звон колокольчиков, привязанных к домашним животным, загоняемым на ночь в крааль. Мне показалось, что более приятных звуков быть не может. Я пошел по направлению этих звуков, крича во весь голос. Через некоторое время мне кто-то откликнулся, впереди появился огонь и я увидел небольшую масайскую

мазанку с обычным загонном для скота из колючей живой изгороди. Здесь жили муж и жена масаи. Они пригласили меня в дом и зажгли огонь. Мужу было немногим более сорока лет. Он был слишком стар для морана и с точки зрения масаи, приближался к тому возрасту, когда его должны были оставить на съедение львам. Он уже слышал о моих подвигах во время охоты на львов и стал с увлечением спрашивать о моем ружье, обо мне самом и о количестве убитых мною зверей. Я узнал, что моего нового друга зовут Киракангано, что его отец за несколько лет до этого был убит носорогом. У Киракангано развилось чувство ненависти к свирепым диким зверям, и он посвятил свою жизнь охоте на них. Он рассказал несколько историй об охоте с копьями на львов и буйволов, в которых он принимал участие. Эти истории казались невероятными, но я знал, что масаи никогда не лгут.

Многие масаи гордятся своим скотом или количеством имеющихся у них жен. Киракангано же не проявлял интереса ни к чему, кроме охоты: он предпочитал ходить по следу дикого зверя через лабиринты кустарников, а затем встретить нападающего разъяренного зверя со щитом и копьем в руке. Этот человек был такой же одержимый охотник, как и я.

К этому времени я уже кое-что усвоил из языка масаи и спросил Киракангано, не желает ли он стать моим проводником и помощником. Не задумавшись ни на одну минуту, он поднялся, взял свое копье и щит и спросил, когда мы выступаем. Это было настолько неожиданно, что я растерялся и спросил, что же будет с его женой и скотом, В ответ он только пожал плечами.

— Моя жена будет ухаживать за коровами, — сказал он. — Кроме того, у меня есть хороший друг, который присмотрит за женой.

Я спросил, не имеет ли он возражений против того, чтобы чужой человек жил вместе с его женой. Киракангано был несколько удивлен.

— А почему я должен возражать? — спросил он. — Ведь она же останется той же женщиной, когда я вернусь, не так ли?

Таким образом, вопрос был решен. Жена также не имела никаких возражений, что меня несколько не удивило: я подозревал, что Киракангано был довольно равнодушным мужем.

Киракангано стал моей правой рукой и, если можно так выразиться, вторым стволом моего ружья. Отличный следопыт, бесстрашный охотник он был настолько надежен, что я мог положиться на него, как на самого себя. Такие люди встречаются весьма редко. Иной раз приходилось переживать страшные мгновения: выстрелив впустую по нападающему зверю из обоих стволов ружья и повернувшись, чтобы взять из рук помощника второе ружье, вдруг обнаруживаешь, что помощник сбежал.

Он был абсолютно надежным спутником, к тому же прекрасным следопытом, отлично знающим повадки животных, и почти всегда предвидел, как поступит зверь в следующий момент.

Я собрал небольшую группу копейщиков во главе с Киракангано для организованного загона львов вдоль лощин, лежащих между горными хребтами. В этих лощинах рос густой кустарник, в котором львы отлеживались днем. Я устраивался в одном конце лощины, а мораны гнали львов на меня, крича и размахивая копьями и щитами, пробираясь через кустарник. Лежа на вершине, чтобы видеть, как львы подходили снизу ко мне, я находился вне их поля зрения и был недосыгаем для их чутких носов. Из такой засады мне однажды удалось убить семь львов подряд. Когда один лев падал, другой начинал вертеться

волчком и рычал, стараясь узнать, откуда ведется огонь. Но им не приходило в голову посмотреть вверх.

Иногда я все-таки использовал и собак. Если раненый лев убегал в кусты, я пускал по его следу собак. Если льва не добить, то он все равно сдохнет и будет растерзан гиенами. Львы ненавидят и презируют гиен. Лев никогда не позволит гиене подойти к задранной им жертве, когда он ест. Однако львы проявляют некоторую симпатию к этим собакоподобным шакалам: они бросают им лакомые кусочки, как человек бросает остатки своего обеда любимой собачке. Похоже на то, что гиены обижаются на гордое высокомерие львов, и, когда эти благородные звери ранены или же становятся слишком старыми, чтобы защищаться, гиены нападают на них и мстят. Ни один лев не умирает естественной смертью — в конце концов его всегда уничтожают гиены. Мне даже кажется, что гиены предпочитают мясо льва любому другому.

Масаи особенно жаловались на группу львов, которая обитала в болоте, куда до них нельзя было добраться.

Для того чтобы выманить львов из болота, я убил антилопу хартбист на довольно большом расстоянии — выстрел не должен был потревожить львов. После этого мои волы протащили тушу вокруг всего лагеря. С какой бы стороны львы ни вышли из своего убежища, они наверняка должны были натолкнуться на следы крови и, вероятно, пошли бы по ним. Я оставил тушу хартбиста под акацией. По моему указанию помощники устроили засидку на ветках дерева. Такие засидки на деревьях охотники называют «маханами». Лично я не очень люблю охотиться с засидки на дереве, предпочитая стрелять с бомы — укрытия, построенного на земле, так как, если стрелять сверху, существует большая вероятность перелета. Однако приходилось учитывать, что в этом районе было большое количество

слонов, которые могли ночью случайно набрести на бому, поэтому я и решил воспользоваться маханом. Я был уверен, что махан обеспечит мне полную безопасность, и совершенно не мог предвидеть, что в течение двух последующих ночей окажусь ближе к смерти, чем когда-либо за всю эту поездку.

Первая ночь прошла безуспешно. Львы подошли к приманке, но, приподнимаясь, чтобы сделать выстрел, я потревожил птицу, устроившуюся на верхних ветках акации. Птица с шумом вылетела из листвы и вспугнула животных. Мне ничего не оставалось, как только забраться в махан на следующий вечер.

С наступлением темноты пошел сильный дождь, и я очутился в самом незавидном положении — насквозь мокрый, окруженный москитами, принесенными ветром с болота, я даже не мог отогнать их, чтобы не вспугнуть львов! С другой стороны, дождь оказался очень кстати, так как обычно внушает львам уверенность. Из кустов до меня доносилось ворчание и глухой рев львов, выходявших на охоту. Примерно в три часа утра я почувствовал, что львы находятся совсем близко. Я слышал их глубокие, тяжелые вздохи — звук, который нельзя спутать ни с каким другим.

Случай играет большую роль в охоте. В предыдущую ночь я упустил возможность из-за птицы, а в этот раз хайракс^[23], сидевший в дупле дерева, расположенного около моей засидки, стал издавать крики, которые успокоили львов, поскольку они знали, что он бы не стал кричать, почуяв опасность. Медленно подошли они к приманке, соблюдая при этом самую большую осторожность и часто останавливаясь, чтобы оглядеться. Я лежал в своей засидке на животе, прижав приклад ружья к плечу, чтобы, стреляя, не делать никаких движений, которые могли бы насторожить львов.

Сначала подошли два льва-самца. Придерживая электрический фонарь параллельно ружейному стволу, я прицелился во льва справа и выстрелил; я знал, что в лежащем положении легче повернуть ружье влево, чем вправо. Лев упал, а его товарищ остался на месте и смотрел на него.

Я дал выстрел по второму льву, и он упал. Для верности я послал в него еще одну пулю. Никаких признаков присутствия львицы не было заметно. Я выполз из махана и оттащил обоих львов под дерево, укрыв их своим плащом, чтобы не дать гиенам возможности испортить их шкуры.

После этого я уснул на своем насесте, укрывшись ветками. Проснулся я от звука, издаваемого жующими челюстями. Это пришла львица с тремя львятами. По возможности бесшумно я поднял ружье и выстрелил ей в голову. Она упала поперек туши приманки, а львята исчезли в темноте. Таким образом, я, выполнив свою задачу, спустился с махана и, схватив львицу за хвост, стал ее оттащить к убитым ранее лвам.

Электрический фонарь я положил на землю, чтобы обеими руками оттащить львицу под деревья. Внезапно передо мной в темноте возник силуэт зверя. На какой-то миг я решил, что это один из львят, но потом сообразил, что очертания слишком велики для львенка. Я остановился и уставился на него. Передо мной оказался крупный лев-самец, вероятно, друг убитой львицы.

Ружье свое я оставил в махане. Какое-то мгновение оба мы — и лев и я — стояли, глядя друг на друга. Мне лев показался величиной с доброго быка. Он не издал ни единого звука — просто стоял и смотрел на меня. Я разглядел его огромную мохнатую гриву и черную морду, находившуюся не более чем в 15 футах от меня. Мои нервы не выдержали напряжения, и я рванул к дереву. Хотя на нем не было веток, я вскарабкался по стволу, как белка. Когда я забрался в махан, то был

весь мокрый не от физического усилия, а от пережитого страха.

Через несколько минут я услышал, как лев подошел к приманке и стал с шумом поедать ее. Видеть я ничего не мог — фонарь остался внизу. Прислушиваясь некоторое время, я определил местонахождение льва.

Взяв по возможности точный прицел, я выстрелил. После выстрела все затихло. Я едва различил контуры льва, лежащего рядом с приманкой. Он был убит наповал. Мне не терпелось разглядеть поближе его гриву, но остаток ночи пришлось просидеть в махане. Все львы Африки с самыми черными гривами не заставили бы меня спуститься с дерева.

Временами я засыпал и тут же просыпался от кошмарных сновидений. Мне чудилось, что лежащие внизу звери разрывают меня на части. Утром я спустился, чтобы осмотреть убитых львов. Последний убитый мною лев имел роскошную овсяного цвета гриву. Я считаю его одним из лучших трофеев, взятых мною во время этой поездки.

На рассвете следующего утра мы с Киракангано вышли на поиски детенышей убитой мною львицы. Мы нашли всех трех львят под пучками засохшей травы. Они походили на маленьких пушистых медвежат, однако яростно рычали и плевались на нас. Мы отнесли их в лагерь. Я покормил их молоком из миски, несколько раз ткнув их в нее мордой. Львята еще не научились лакать, так как питались молоком своей матери. Однако, облизав намоченные в молоке носы, они поняли, что это вкусно. Долгое время они питались, тыча носы или же опуская лапы в миску, а потом слизывая молоко, приставшее к их шерсти. Со временем они приучились пить молоко и стали совсем ручными. Я привязывал их к ножке походной койки. Они доставляли мне массу неприятностей. Всю ночь они дрались между собой и неистово вопили. Несмотря на то, что они были

малы, им нельзя было отказать в мужестве: они всегда были готовы вступить в драку или же весело порезвиться. Однажды днем они сорвались с привязи и устроили целую битву с моей единственной подушкой. Когда я вернулся в лагерь и заглянул в палатку, мне показалось, будто в нее ворвался снежный вихрь. Позже я подарил их своему другу, который выпустил их на волю в районе, где они не могли причинить вреда стадам местных жителей.

Мне часто приходилось слышать, что дикие животные испытывают инстинктивный страх перед огнем. Это мнение столь часто повторяется, что многие принимают его за истину. Я не составлял исключения из правила, и был уверен, что львы никогда не приблизятся к костру. Однако во время моего пребывания на территории племени масаи произошел один случай, который опроверг это представление.

Во второй половине дня я убил зебру для приманки и на волах приволок животное к лагерю. Как правило, я давал труп «созреть» в течение 24 часов или более, прежде чем выставить его в качестве приманки. Я велел своим помощникам оставить труп зебры у костра, будучи уверен, что никакой хищник не приблизится к пламени.

Киракангано ушел на ночь в ближайший масайский крааль, взяв с собой собак и волов. Мы старались не оставлять этих животных в лагере. Волы в темноте чувствуют львов, бродящих в поисках добычи, и если они не защищены загоном, то в страхе разбегаются. После того как Киракангано ушел, мои носильщики, завернувшись в одеяла, улеглись вокруг костра и заснули. Я уселся в походное кресло и стал смотреть на костер, покуривая трубку. Мысленно я находился далеко отсюда — на песчаных дюнах Лохар-Мосс, где я провел свои юношеские годы.

Вдруг я очнулся и с ужасом понял, что гляжу в морды девяти львам, которые выступили из тени и стояли прямо передо мной.

Я совершенно окаменел. Ружье находилось в палатке, где я оставил горящий керосиновый фонарь. Сначала львы внимательно рассматривали меня, потом обошли спящих носильщиков по другую сторону костра и напали на убитую зебру. Они навалились на труп с рычанием и ревом, легко отрывая большие куски шкуры, как будто она была сделана из бумаги.

Я тихонько выбрался из походного кресла и дюйм за дюймом стал подбираться к клапану палатки, испытывая при каждом движении боль во всем теле. Львы перестали есть и свирепо смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Рядом с этими огромными зверями я чувствовал себя карликом. Стоило льву сделать пару прыжков и он добрался бы до меня. Тем временем носильщики продолжали спать мертвым сном всего лишь в нескольких футах от львов. Я подождал, пока львы вернулись к зебре, и фут за футом подобрался к входу в палатку. Затем я быстро вошел в нее и схватил ружье. Никогда еще прикосновение холодной стали не казалось мне столь желанным.

Теперь передо мной встала новая дилемма: если я выстрелю, то носильщики вскочат на ноги и окажутся между мной и львами. Походная цепь, с помощью которой мы приволокли зебру к лагерю, была все еще обвязана вокруг шеи убитого животного. Когда львы затевали драку из-за трупа зебры, они страшно гроыхали цепью, отчего стоял невообразимый шум. Я боялся, что этот шум разбудит носильщиков, которые, увидев львов, в панике бросятся бежать. Охваченные ужасом люди, бросающиеся во все стороны между девятью львами, не представляли ничего утешительного. Все же я решил воспользоваться возможностью стрелять. Я прицелился в грудь самого

крупного льва, и выстрелил. Пуля точно попала в цель: зверь свалился без звука. Остальные львы при выстреле отошли на несколько футов, а затем снова бросились на труп животного. Мои помощники продолжали спать. На какой-то миг я подумал, что они все мертвые.

Я стал спокойно стрелять по прайду. От выстрелов потух керосиновый фонарь, и я стал целиться по свету, отбрасываемому костром. Четыре льва упали; когда я стрелял в последнего льва, пуля попала в нижнюю часть его груди, он вскочил и стал прыгать на негнущихся ногах, как будто на пружинах. Я поспешно послал новый патрон в камеру ружья и покончил с ним. Остальные львы отошли в темноту.

Выйдя вперед, чтобы лучше прицелиться, я выстрелил по крупной львице. Когда в нее ударила пуля, она резким движением подняла свой хвост, а затем, повернувшись, исчезла в темноте. За ней ушли все остальные львы.

Это невероятно, но носильщики все еще спали без задних ног. Ни рычание львов, ни мои выстрелы нисколько не побеспокоили их. Мне часто приходилось наблюдать этот трансоподобный сон местных жителей, но никогда еще я не видел столь эффектного примера такого сна.

Я подложил веток в костер, а затем обошел носильщиков, щекоча подошвы их ног. Один из них проснулся, потянулся и сел. Зевнув, он увидел перед собой четырех убитых львов, лежавших в нескольких футах от него. Он издал неистовый крик и подскочил высоко в воздух; продолжая кричать, он помчался в палатку. Остальные носильщики, как овцы, бросились за ним. Они даже не представляли, что произошло во время их сна. Они сидели в палатке и дрожали, пока я им не рассказал все, что случилось. Через несколько минут они уже опять спали, устроившись на полу моей палатки. В общем бессонницей они не страдали.

На другое утро вернулся Киракангано с собаками, и мы сразу же пошли по следу раненой львицы. Некоторое время до нас доносились веселые, не очень пристойные песенки, которые пели носильщики, снимая шкуры со львов. Они тщательно собрали уже попахивавший внутренний жир львов. Местные жители убеждены, что при помощи этого жира можно регулировать пол новорожденного. Столовая ложка львиного жира, «обеспечивает» мальчика, от половины ложки жира родится девочка. Местные жители мало ценят шкуру льва, но этот жир у них считается большой ценностью.

Примерно в ста ярдах от лагеря мы напали на кровавый след, по которому определили, что львица тяжело ранена. Она несколько раз ложилась на землю. Остальные львы прайда задерживались, дожидаясь, пока она встанет. В течение некоторого времени след шел по негустым зарослям кустарника. Местность для охоты была идеальной, так как просматривалась на двадцать ярдов вперед. Мы энергично продвигались вперед, надеясь настигнуть львицу в этих редких зарослях. Однако след повернул в густые перепутавшиеся кустарники. Вот тут нас действительно ожидали неприятности.

В густых зарослях была мертвая тишина. Не было слышно даже щебетания птиц. Я знал, что мы недалеко от раненой львицы и в любой момент она могла броситься на нас из укрытия.

Собаки проявляли все больше и больше беспокойства. Мои эрдели взволнованно выли. Наконец, я скомандовал им преследовать зверя. Они бросились вперед. Почти в то же мгновение послышались яростные вопли и рев из кустов прямо перед нами. Остальные собаки тоже побежали гуськом мимо меня, исчезнув в густом кустарнике. Сквозь кусты доносились

знакомые звуки разгоревшейся борьбы — низкое злобное рычание львицы смешалось с визгом собак.

Мы с Киракангано пробирались сквозь кустарник, ориентируясь на эти звуки. Едва прошли десяток шагов, как напали на круглое логово в высокой траве, покрытой пятнами крови. Здесь отлеживалась львица. Рядом с логовом два моих отважных эрделя лежали мертвыми с открытыми глазами, разинув пасти. Они нарвались на львицу и приняли на себя первый удар. Мы были обязаны своей жизнью этим собакам, так как львица настолько хитро укрылась, что мы никогда бы вовремя ее не заметили.

Остальные собаки все еще дрались с львицей, и мы слышали, как они бегали по кустам и яростно лаяли на загнанного зверя. Мы торопливо пробивались вперед. Собаки гнали львицу из густых зарослей в открытый кустарник. Мы следовали за ними. Киракангано держал свое копьё наготове; он грациозно балансировал зажатым между большим и указательным пальцами длинным древком копья. Все мышцы его были напряжены и играли.

Одна из собак породы колли, прихрамывая, подбежала ко мне. У нее была большая рваная рана. Я видел, что несчастному животному уже ничем нельзя помочь и застрелил его, чтобы прекратить страдания. От звука моего выстрела раненая львица внезапно выскочила из-за пучка засохшей травы в нескольких футах от нас. В этот же миг из-за кустарника справа от меня выскочила вторая львица.

Думать не было времени. Обе кошки быстро приближались с разных сторон. Я выстрелил по второй львице, ибо мне показалось, что она нападала более решительно. Пуля попала ей чуть повыше левого глаза. В тот же самый момент я увидел, как Киракангано всадил копьё в другую раненую львицу, приземлившуюся рядом с нами. Львица яростно

схватила лапами древко копья и пыталась вытащить его из тела. Киракангано схватился за «сими» — большой нож с двухфутовым обоюдоострым лезвием, заткнутый за пояс, но прежде, чем он успел его выхватить, я прикончил львицу выстрелом в шею.

Молча мы пожали друг другу руки. Если бы не Киракангано, то одна из двух львиц наверняка бы покончила со мной.

Из всех местных жителей, с которыми мне приходилось встречаться в Африке, этот человек, несомненно, был самым храбрым и сохранял неизменное хладнокровие в решающие минуты.

Срок моего пребывания на территории племени масаи уже истекал, К этому времени я убил семьдесят львов и все же у племени было достаточно основания для жалоб. Капитан Ритчи высказал пожелание, чтобы я уничтожил всех хищников, наносящих вред стадам масаи. Я решил попытаться бить львов ночью из бомы, сделанной из колючего кустарника. Должен сказать, что такой вид охоты не представляет спортивного интереса. Но я прибыл на эту территорию для дела, а не для спорта, и поэтому стал готовиться к ночной охоте.

К упряжке волов я прицепил убитую мною зебру и заставил их проволочить приманку по равнине несколько миль. После этого я оставил зебру с наветренной стороны предполагаемого логова львов. Если бы в этой чаще оказались львы, то ветер донес бы до них запах зебры. Другие львы, которые ночью бродят по равнине в поисках добычи, обязательно нападут на след зебры и пойдут по нему, как охотничьи собаки. Таким образом, вероятность, что львы подойдут к приманке, увеличивалась.

Носильщики нарезали кустарника и колючих деревьев и соорудили подковообразную бому около приманки. Мы с Киракангано крепко привязали зебру к колышкам, чтобы львы не могли ее оттащить в другое

место. Я заставил носильщиков накрыть крышу бомы двойным слоем колючих кустарников, чтобы через нее не проникал свет. Мне часто приходилось наблюдать, как львы пускались в бегство от приманки, стоило мне сделать малейшее движение внутри бомы.

Долгое время я не мог понять, каким образом львы узнавали, что я нахожусь в ней. Позже я обнаружил, что представители семейства кошачьих хорошо различают движущиеся тени, даже при свете звезд, проникавшем через крышу бомы.

Когда все было готово, мы с Киракангано устроились в боме на ночь. Я передал ему электрический фонарь и показал, как освещать приманку, когда понадобится взять прицел и стрелять. Киракангано был необычайно заинтересован фонарем и постоянно включал и выключал его, пока я ему не посоветовал прекратить это занятие. Возле меня лежали два нарезных ружья, пояс с патронами; патронами были набиты карманы. Куда бы я ни протянул руку, я наверняка мог взять горсть патронов.

С наступлением темноты несколько гиен осторожно подошли к приманке. За ними следовали два шакала. Шакалы уселись невдалеке. Их горящие голодным блеском глаза были устремлены на зебру. Гиены же ходили взад и вперед, чтобы удостовериться в том, что поблизости никого нет. В конце концов одна из гиен бросилась на приманку, схватила выпущенные наружу внутренности и тут же бросилась бежать, издавая звуки, похожие на хохот с завыванием. Тем временем остальные гиены тоже подошли к приманке и стали дергать ее.

Затем я увидел, как гиены спешно ретировались, а вслед за ними отошли шакалы. Это означало, что приближаются львы. Я приготовил ружье и стал ждать.

Через несколько минут я безошибочно узнал низкое, глухое и глубокое дыхание львов позади бомы. Они

окружили нас и внезапно набросились на зебру. Я шепотом сказал Киракангано, чтобы он включил свет. К моему удивлению, он шепотом мне сказал:

— Табалло^[24].

Я глянул на него и увидел, что он парализован страхом. Необычная ночная охота на львов сильно подействовала на него. Днем этот человек мог подойти к разъяренному льву, вооруженный всего лишь одним копьем. Я выхватил из его рук фонарь и направил на приманку сноп света через небольшое отверстие. Что это оказалось за зрелище! Всего лишь в нескольких ярдах от нас было по крайней мере двадцать львов и львиц. Некоторые стояли у приманки, а другие лежали и лизали ее. Два прекрасных черногривых льва во все глаза смотрели на свет, выражая полное презрение к нему. Их гривы и груди были замазаны кровью и нечистотами из желудка зебры. Они уже приступили к трапезе. К этому времени Киракангано буквально трясся от страха, но я знал, что к нему вернется самообладание, едва я начну стрелять. Закрепив фонарь между двумя ветками колючего кустарника, чтобы он освещал эту картину, я просунул ствол ружья в щель между ветками и выстрелил по наиболее крупному из двух самцов. Весь прайд хором яростно заревел. Я дал несколько выстрелов подряд. Звери отошли за сноп света, бросаемого фонарем. Я прекратил огонь и перезарядил оружие. Киракангано уже приходил в себя после испуга, и я дал ему кусочек табаку, чтобы он пожевал его. Масаи очень любят табак. Возбуждающий ожог табака, казалось, восстановил его силы, а вид трех убитых львов не мог оставить масаи равнодушным. Пraid уже начал возвращаться. Киракангано схватил фонарь и стал переносить сноп света с одного льва на другого, причем из-за нервного возбуждения он делал это столь быстро,

что у меня едва хватало времени прицелиться. После каждого выстрела падал лев. Это была довольно суровая мера, но она была необходима. Львы не обращали на выстрелы никакого внимания. Они поворачивали головы к убитому товарищу, обнюхивали его, а потом продолжали есть.

Вокруг зебры лежало десять убитых львов. Затем по какой-то причине красавец лев с черной гривой подкрался к нашей боме сбоку. Он остановился, издавая леденящие кровь звуки. Казалось, что от его рычания трясется земля. Эти неистовые вопли встревожили остальных львов, и они медленно отошли, а за ними последовал и старый самец.

Я не имел никакого желания позволить хищным гиенам разорвать в клочки эти прекрасные шкуры. Удостоверившись, что львы ушли, я сказал Киракангано, чтобы он осветил всю сцену. Я же вышел наружу и подтащил убитых зверей поближе к боме. Масаи к этому времени уже преодолел страх и вполне освоился с обстановкой. Выйдя из бомы, я направился к мертвым львам, и уже почти дошел до них, когда внезапно погас свет.

Крикнув Киракангано, чтобы он включил свет, я сделал еще несколько шагов и вдруг споткнулся о мягкое, еще теплое тело льва и упал на него. Тотчас же я почувствовал под собой приглушенное дыхание льва, а затем он на низкой ноте зарычал. Лев все еще дышал. Я изо всех сил бросился к боме, каждую секунду ожидая, что он окажется у меня на спине, и, добравшись до бомы, молниеносно нырнул в нее. Внутри сидел Киракангано с разобраным фонарем. Он любопытно смотрел, как работает это странное приспособление.

Выслушав мои суровые нотации, он извинился. Я вновь собрал фонарь и дал еще один выстрел по льву, чтобы наверняка убить его. Потом мы сели и стали

ожидать. В течение ночи к приманке подходили еще два прайда. Когда наступил рассвет, перед моими глазами развернулось зрелище, которое вряд ли кто-либо видел в прошлом и когда-либо увидит в будущем. Передо мной лежало восемнадцать убитых львов. После шумной и беспокойной ночи вся эта сцена выглядела неправдоподобно мирно. Ничто не двигалось, кроме мух, которые ползали и прыгали между задними ногами львов. Удостоверившись в том, что поблизости нет раненых львов, Киракангано и я вышли из бомы и встали среди убитых животных. Должен сказать, что я был охвачен чувством сожаления, хотя знал, что эти животные должны были погибнуть, иначе масаи продолжали бы страдать. Искусственные условия создали избыток львов и потребовались искусственные меры, чтобы восстановить равновесие. Несмотря на храбрость и ловкость, масаи не смогли бы самостоятельно справиться с этой задачей.

Теперь правительством запрещены замечательные охоты на львов, устраиваемые масаи с одними копьями. Когда я впервые прибыл на территорию масаи, такие охоты были обычным явлением. Слишком много молодых людей погибло, сражаясь с копьем и щитом против клыков и когтей. Поскольку среди оставшихся в живых лишь очень немногие были свидетелями этих отчаянных битв, я позволю себе в следующей главе описать, как они происходили.

Глава седьмая

Копейщики масаи — храбрейшие из храбрых

Впервые мне пришлось увидеть охоту на львов с копьями, когда я остановился в небольшой масайской деревне недалеко от озера Магади. В предшествующую ночь лев перепрыгнул через двенадцатифутовую живую изгородь из колючего кустарника, окружавшую деревню, схватил корову и, держа ее зубами, снова преодолел барьер. Это может показаться невероятным, так как лев весит не более 400 фунтов, а корова, вероятно, вдвое больше. И все же лев-самец совершает подобный подвиг так же легко, как лиса уносит цыпленка.

Схватив корову, лев ловко подлезает под нее, тем самым перемещая вес на спину, но не выпуская горла жертвы из зубов. Когда лев берет препятствие, то хвост его становится совершенно жестким и, по всей видимости, служит для сохранения равновесия. Масаи уверяли меня, что без хвоста лев не смог бы взять такое препятствие.

Я уже собрался выступить по следу льва на следующий день, но мораны этой деревни небрежно заметили, что моя помощь не понадобится: они справятся с задачей самостоятельно. В это время мне казалось невероятным, чтобы группа людей могла убить взрослого льва копьями. Я попросил разрешения пойти вместе с ними, взяв с собой ружье. В ту ночь я зарядил свое магазинное нарезное ружье Ригби калибра 416^[25], ничуть не сомневаясь, что если и состоится встреча со львами, то убить их придется мне.

Мы выступили на рассвете. Я шел следом за копейщиками. Их было десять человек. Это были красивые, стройные мужчины с хорошо развитой мускулатурой и ростом не менее шести футов. Чтобы получить полную свободу движений, каждый снял с себя единственную одежду — длинный кусок материи, который набрасывался на плечи и перекидывался через левую руку. Свои ярко раскрашенные щиты они держали на плече, копье несли в правой руке. Для боя воины надели плюмажи из страусовых перьев, а также меховые браслеты вокруг щиколоток. Никакой другой одежды на них не было.

Мы обнаружили след льва, и мораны пошли по нему. Ночью лев досыта наелся мяса коровы и сейчас отлеживался в густых зарослях. Мораны бросали камнями в кустарник куда попало до тех пор, пока раздавшееся яростное рычание не указало, где находится лев. Обнаружив зверя по злобному рычанию, мораны стали забрасывать его камнями. Затем кустарник задрожал и внезапно из зарослей в ста футах от нас выскочил лев и пустился бежать по равнине. Его туго набитое брюхо качалось из стороны в сторону в такт бегу.

В тот же миг масаи пустились за ним, издавая дикие крики во время бега по высокой пожелтевшей траве. Лев, не успевший переварить пищу, не мог уйти далеко. Он остановился, как загнанный. Копейщики развернулись, чтобы окружить его. Лев оказался в середине кольца и вращал глазами во все стороны. По мере того как копейщики медленно приближались к нему, он издавал рев, леденящий кровь.

Лев дал воинам приблизиться ярдов на сорок. Тут я понял, что он готовился броситься на людей. Он держал голову низко, чуть выше вытянутых вперед лап. Его задняя часть была слегка изогнута, чтобы подальше занести вперед задние ноги и со всей силой

оттолкнуться от земли. Он стал царапать когтями землю, как спринтер шипами перед первым рывком.

Я сосредоточил все свое внимание на зловеще повернутом изгибе хвоста зверя. Перед тем как лев бросается, он быстро встряхивает кисточку своего хвоста три раза подряд. После третьего раза он бросается на охотника с невероятной быстротой. При этом он как бы сжимается в комок, уменьшившись в размерах в несколько раз.

Копейщики не хуже меня знали, что лев готовится к атаке. Казалось, что пики под воздействием единого импульса отодвинулись назад, готовые к броску. Воины еле сдерживали возбуждение, напрягшиеся мускулы их плеч слегка подергивались, наточенные до блеска наконечники копий отражали лучи солнца. В этот момент в любого из моранов можно было бы вколотить гвоздь и он бы этого не почувствовал. Вдруг хвост льва начал трястись. Раз! Два! Три! — И зверь бросился на копейщиков. В один миг с полдюжата копий воткнулось во льва. Я видел, как одно из них впилось в плечо и в тот же миг, прорвав шкуру, вышло из другого бока. Но это не остановило льва; на его пути стоял самый молодой моран, которого впервые взяли на охоту. Мальчик и не думал уклоняться: он весь собрался, чтобы принять удар, держа перед собой щит и слегка откинувшись назад, намереваясь со всей силой метнуть копье. Лев бросился на него. Одним ударом, словно картонку, зверь выбил щит из рук молодого морана. Затем лев стал на дыбы, стремясь вытянутыми лапами обхватить юношу.

Молодой воин на два фута вогнал копье в грудь льва. В тот же миг все остальные мораны окружили погибающего зверя. Подойдя слишком близко, чтобы добивать его копьями, они пустили в ход «сими». Оттесняя друг друга, масаи в неистовстве наносили удары по голове льва. В течение каких-то секунд голова

льва была рассечена на куски по несколько дюймов каждый. Я видел, как один из воинов нанес страшный удар, который начисто расколол череп зверя. Был ли в этот момент лев живой, я сказать не могу.

В ходе этого боя я был совершенно лишен возможности воспользоваться своим ружьем. Охотник с ружьем представляет большую опасность в такой момент. Раз возбужденные воины начали окружать льва, охотник уже не может стрелять, не рискуя попасть в кого-нибудь из них.

Я осмотрел раненого юношу. Ему были нанесены действительно страшные раны, а он, казалось, относился к ним совершенно безразлично. Я зашил его раны иглой и ниткой; он обратил на это не больше внимания, чем если бы я его похлопал по плечу.

Шкура льва была настолько изрезана копьями и «сими», что в качестве трофея не представляла никакой ценности. Это была изрезанная кровавая масса грязных желтых волос. Величие и достоинство благородного зверя совершенно исчезли.

Когда мы вернулись в масайскую маньятту^[26], раненого юношу заставляли есть в большом количестве сырую говядину. Затем ему дали в качестве слабительного коровью кровь, чтобы он мог опять побольше принять сырого мяса. Случалось, что и другие мораны страдали от когтей льва, но они не принимали никаких мер против инфекции, кроме того, что промывали свои раны простой водой. Позже мне пришлось видеть, как в некоторых масайских деревнях в воде отмачивается корень кустарника под названием «олкилорит». При этом вода приобретает цвет марганцовокислого калия или поташа. Кажется, этот настой применяется в качестве антисептического и, по-видимому, помогает заживлению ран.

Я надеюсь, что юноша поправился. Он, безусловно, был удостоен высоких почестей в тот день, и молодые девушки заглядывались на него с восхищением. Если он остался жив, то он наверняка без труда мог выбрать любую.

По мнению масаи, самый храбрый поступок воина — это схватить льва за хвост и удержать зверя, пока к нему не приблизятся остальные воины с копьями и «сими». Тот, кто совершит такой подвиг четыре раза, удостоивается звания «меломбуки», что приравнивается к капитану. По неписаному закону получивший это звание должен быть готов драться с любым живым существом. Несмотря на то, что среди моранов стремление получить звание «меломбуки» чрезвычайно сильно, сомневаюсь, чтобы им были удостоены более двух из тысячи.

Во время охоты мне несколько раз приходилось наблюдать, как масаи хватали льва за хвост. Удивительно, как люди, совершающие такой подвиг, выходят из него живыми.

Вспоминаю одну охоту, в которой участвовало пятьдесят, а может быть и больше копейщиков. Они обложили двух львов и львицу. Звери пытались прорваться в густые заросли, от которых их отрезали воины. Львы отступили в небольшой кустарник около высохшего песчаного русла потока. Когда это возможно, преследуемый лев бросается к такому высохшему руслу, над которым кроны кустов образуют навес. В течение нескольких минут мораны окружили кустарник и стали медленно продвигаться, чтобы уничтожить львов.

По мере того как кольцо воинов, издававших воинственные крики, сужалось, скрывшиеся львы стали рычать. Затем внезапно самый крупный лев выскочил из зарослей, пытаясь прорваться на свободу. Он представлял собой прекрасное зрелище, когда пошел

по высохшему руслу. Хвост его был опущен: зверь делал большие прыжки. Он прямо шел на двух моранов, которые подняли копья, готовясь встретить нападающего льва. Однако крупный самец не проявлял никакого желания дать бой: единственно, чего он желал, — это бежать. Он сделал большой прыжок над головами обоих копейщиков, и, ударив одного из них в бок, заставил его завертеться волчком.

Другие мораны защелкали языками, выражая этим свое неодобрение тому, что оба молодых человека выпустили льва, а также тому, что лев отказался принять бой. Я часто замечал, что старые львы с самыми хорошими гривами принимают бой с большей неохотой, чем молодые львы или львицы. То же относится и к слонам. Старые слоны с замечательными клыками дерутся с меньшей охотой, чем молодые слоны — самцы или самки. Полагаю, что с возрастом к ним приходит благоразумие. Мне также кажется, что львы прекрасно распознают молодых неопытных моранов и нападают именно на них. Возможно, что это плод моего воображения, но более молодые люди проявляют колебания и неуверенность в действиях и, мне кажется, что львы это замечают.

Сужая кольцо вокруг зарослей, копейщики собирались группами, оттесняя друг друга в своем стремлении быть первым из тех, кто прольет кровь. Оставшихся двух львов уже можно было безошибочно разглядеть в кустах. Они стояли плечом к плечу, издавая отчаянный рев. Подойдя на десять ярдов к львам, мораны стали метать копья. Одно копьё попало львице повыше крестца. Она рванулась с криком, выразившим ярость и боль. На какое-то мгновение львица встала на задние лапы, ударяя по воздуху передними. В тот момент она походила на изображение на гербе. Затем она изогнулась, чтобы зубами перекусить копьё, впившееся в бок. В этот миг один из

моранов, бросив копье, рванулся вперед и схватил ее за хвост под самый корень. Моран никогда не хватается за кисточку на конце хвоста льва. Лев может напрячь свой хвост и сделать его жестким, как ружейный ствол, и единым ударом смахнуть человека.

Сразу же товарищи морана набросились на львицу и пустили в ход свои «сими», нанося ими страшные удары. В такие моменты копейщики доводят себя до исступления. Порой кажется, что они автоматически наносят удары ножами. Их лица теряют всякое выражение. Львица задними лапами врывалась в землю, пытаясь сделать прыжок, а державший ее за хвост моран оттягивал ее назад. Вдруг львица встала на задние лапы и передними стала наносить удары по воинам направо и налево. Хотя я видел, что удары ее попадали в цель, никто из моранов не уклонялся. Позже они сказали мне, что боли они не чувствуют в этот момент, ибо слишком возбуждены. По всей вероятности, и лев не чувствует никакой боля. Обе стороны продолжают борьбу, пока кто-то из них не падет от потери крови.

Львица медленно опускалась на землю. После этого я ничего не видел, кроме сверкающих лезвий «сими» в руках исступленных людей. Когда все кончилось, голова зверя была исполосована на мелкие кусочки. В теле львицы было по меньшей мере до десятка копий. Она напоминала залитую кровью подушку для булавок.

По шуму, который доносился с другой стороны зарослей кустарника, я определил, что с другим львом расправляется вторая группа копейщиков. Я увидел, как один из воинов встал на колени и небрежным движением уперся в свой щит. Тут же лев набросился на щит, сбив воина на землю. Лежащий воин тщетно пытался проткнуть льва копьем, в то время как зверь терзал его неприкрытое плечо. Я крикнул остальным, чтобы они отступили и дали мне возможность

выстрелить. Однако мой голос потонул в диком вое моранов, кричавших фальцетом, и в низком ворчании льва, который рвал распростертого на земле человека. Я видел, как в льва впились два копья, после чего мораны набросились на разъяренного зверя с «сими» в руках.

Прежде чем лев был убит, он нанес серьезную рану одному из нападавших, помимо того, что разорвал плечо у воина, лежавшего под щитом. Я сделал все что мог для пострадавших. На телах обоих были глубокие раны от когтей и клыков зверя. Оба потеряли много крови. Когда я зашивал рану одного из пострадавших, он небрежно посмотрел на глубокие надрезы, презрительно пощелкивая языком на манер того, как это делали воины, когда первому льву удалось вырваться из кольца. Казалось, что воин думал: «какая досада!» В подобном положении белый человек буквально сходил бы с ума от боли.

Как ни странно, мне ни разу не приходилось слушать, чтобы львы своими зубами кому-нибудь ломали кости. Все раны наносились только в мышечную ткань. По всей вероятности, клыки льва расставлены достаточно широко, чтобы замыкаться вокруг костей. Однако когда лев хватает человека за плечо, нередко случается, что его клыки замыкаются в теле жертвы. Если заливать рану дезинфицирующим средством с одной стороны, то жидкость будет вытекать с другой.

Копейщики уверяли меня, что самое опасное оружие льва не его клыки или обычные когти, а рудиментарный коготь, который соответствует большому пальцу на руке человека. Этот коготь длиной в два дюйма, кривой и страшно острый, находится на внутренней стороне передних лап льва. Как правило, рудиментарные когти прижаты к лапе льва и их трудно разглядеть. Однако зверь может их выпустить и они становятся почти под прямым углом по отношению к ноге. По своей остроте

эти когти не уступают шипам колючего кустарника. Одним ударом лев может таким когтем распороть живот человека, выпустив его внутренности.

Копья масаи изготавливаются местными кузнецами из кусков железной руды, обнаруженных в речных потоках. Кузнецы еще не постигли искусства закаливания металла. Поэтому наконечники копий мягкие и легко гнутся о колено. Но надо сказать, что мораны настолько искусно бросают копье, что оно пронзает зверя насквозь. При ударе наконечника о кость он гнется почти под прямым углом. Воин никогда не выпрямляет наконечник, пока не вернется в деревню. Погнутое копье — доказательство его прямого участия в нападении на зверя, а поэтому высоко ценится в глазах масаи.

Пока я жил вместе с масаи, мне также приходилось наблюдать, как они с копьями охотились на леопардов. По-моему, это гораздо больший подвиг, чем охота на львов. Хотя леопард весит не более 200 фунтов, он гораздо быстрее и агрессивнее льва. Кроме того, леопард хитрый зверь. Он лежит притаившись, пока охотник чуть ли не наступит на него. Затем зверь внезапно нападает с огромной быстротой и невероятной решительностью. Леопарды отлеживаются в пещерах и других темных углублениях; львы же предпочитают негустой кустарник. Охотник, ползающий среди валунов в поисках леопарда, находится в довольно незавидном положении.

Однажды мне пришлось сопровождать трех копейщиков, преследовавших леопарда, который систематически убивал их коз. В отличие от льва леопард убивает из одной страсти к убийству. Леопард, о котором идет речь, оставил несколько убитых коз, после набега даже не попытавшись съесть ни одной. После длительного преследования мораны, наконец, обнаружили леопарда в узкой полосе высокой травы.

Если бы этот зверь оказался львом, достаточно было бы швырнуть несколько камней, чтобы заставить его или броситься на охотников, или же издать крики. Леопард же хитрый зверь и, несмотря на то, что мы забросали полосу травы чуть ли не целым бушелем^[27] камней, он никак себя не обнаружил. К несчастью, со мной не было моих собак, и единственное, что оставалось, — выгонять зверя самим.

Поскольку на этот раз было всего-навсего три копейщика, я мог воспользоваться ружьем, не опасаясь попасть в кого-либо из них. Я сказал моранам, чтобы они встали по обе стороны от меня и отступили назад. Я знал, что если леопард бросится, он сделает это почти мгновенно, и был убежден, что воины не успеют воспользоваться своими копьями. Мне самому едва бы удалось произвести выстрел, когда леопард выскочит. Но я недооценивал моранов, поскольку еще не был знаком с их блестящим умением владеть копьем с длинным мягким наконечником.

Мы медленно шли по траве, доходившей нам до пояса. Это напоминало охоту на фазанов. Мораны шли в нескольких шагах позади меня, держа щиты перед собой, а копья наготове. Мы медленно продвигались фут за футом, постоянно останавливаясь, ища эту большую коварную кошку. Полоса травы была неширокой, но медленное продвижение начинало сказываться на наших напряженных нервах.

Вдруг леопард выскочил из травы в каком-нибудь ярде справа от меня. Он сделал прыжок в моем направлении. Не успел я вскинуть ружье, как моран, шедший справа от меня, уже пронзил зверя своим копьем. Леопард едва успел оторваться от земли, как тонкое лезвие наконечника уже вонзилось в него. Копье попало между шеей и плечом леопарда, пригвоздив его к земле. Там он и остался лежать, извиваясь и рыча,

тщетно пытаюсь освободиться. В тот же миг моран выхватил свой «сими», чтобы покончить с леопардом. С большим трудом я удержал его, чтобы иметь возможность сделать выстрел в пронзенного зверя и тем спасти прекрасную шкуру от исполосования.

Когда моран готовится метнуть свое копье, он занимает положение, похожее на стойку для стрельбы. Для равновесия он выдвигает левую ногу чуть-чуть вперед. В метании копья участвует весь вес его тела. Когда копье летит в воздухе, то кажется, что оно все дрожит. Большинство копий имеет узкое ребро по обе стороны наконечника, и я полагаю, что благодаря этому копье в полете слегка вращается наподобие винтовочной пули. На расстоянии двадцати ярдов даже по движущейся цели моран бросает копье с большой точностью.

Через три месяца я отправился в обратный путь в Найроби с двумя воловьими повозками, нагруженными львиными шкурами. За девяносто дней я убил 88 львов и 10 леопардов — такого рекорда, по-моему, еще никому не удалось поставить, и я искренне надеюсь, никогда не придется. Местные жители наполнили целую бочку львиным жиром. С собой я вез коробочку львиных «плавающих» костей. Это кривые кости разной величины, длиной до четырех дюймов. Они извлекаются из ткани последнего плечевого мускула. Эти кости не соединены ни с какими другими костями льва и, по всей вероятности, выполняют функцию регуляторов, предотвращающих вывих плеча, когда лев делает большие прыжки. На них большой спрос в Ост-Индии, где из этих костей изготавливают украшения, заключая их в золотую оправу.

Лишь у двадцати убитых мною львов были по-настоящему первоклассные гривы. Остальные звери были или львицами, или же их гривы были испорчены оттого, что их обладатели жили в густом кустарнике.

Если бы я охотился с целью добыть трофеи, я мог бы достать побольше первоклассных шкур, но моя основная задача заключалась в том, чтобы просто уничтожить хищников, нападавших на скот. Эти львы часто имеют плохие гривы, так как они или старые, или же больные. Возможно, поэтому они и нападали на домашних коров, а не на свою обычную добычу.

Когда масаи услышали о том, что я уезжаю, они очень расстроились. Состоялся совет старейшин племени, который после долгого и шумного обсуждения обратился ко мне с предложением. Они знали, что я мог быть им полезным, и умели это ценить. Они хотели купить меня у Департамента по охране дичи. После соответствующего рассмотрения вопроса они предложили в качестве платы за меня 500 коров. Поскольку выкуп за самую хорошую жену у масаев равен всего-навсего трем коровам, я был чрезвычайно польщен этим предложением, хотя и вынужден был отказаться.

Глава восьмая

Жизнь и «смерть» профессионального охотника

Период, начавшийся после моего знакомства с масаи, был насыщен важными для меня событиями.

Найроби находился в центре района, изобиловавшего крупным зверем. Почти все охотники-спортсмены, приезжавшие в Африку поохотиться, приобретали снаряжение в Найроби. Я редко оставался без работы. Я смотрел на территорию племени масаи, как на свой собственный охотничий заповедник. Масаи были моими друзьями, и я знал, что меня радушно встретят в любой масайской деревне. Я мог гарантировать любому клиенту, который пойдет со мной на эту территорию, лучшие возможности для охоты в Африке и, конечно, это служило мне на пользу. Даже сейчас территория масаи с ее огромными стадами диких зверей и прайдами великолепных львов — любимое место туристов. Эта территория сейчас изрезана дорогами, и лучшие места для разбивки лагеря обозначены на карте. В те времена с этим районом были знакомы лишь немногие профессиональные охотники.

Мы с Хильдой купили большой старый дом за городской чертой Найроби. Дом носил название «Клермонт» и был окружен прекрасным садом с красивыми старыми деревьями и речкой, которая протекала в южной части. Мы запрудили речку, и у нас получилось настоящее озеро. Инспектор по охране рыб дал нам немного икры талапии, которую мы выпустили в наше озеро, чтобы ловить рыбу прямо у самого дома.

По обе стороны двери гостиной я повесил пару слоновых клыков весом по 153 фунта каждый, над камином — масайские щиты и копья, а на стене — целую коллекцию голов и рогов диких животных. Не хвастаясь, могу сказать, что моя коллекция одна из лучших в Кении. Я постоянно ее пополняю. В шкафах со стеклянными дверцами хранились мои ружья, и что важнее всего — там хватало места для моей библиотечки книг об Африке и охоте. Торговцы всего мира присылают мне свои каталоги. Часто вечером мы с Хильдой садились у камина. Она вязала, а я брал в руки книгу и читал истории о великих охотниках и исследователях прошлого: Селус, Спик, сэр Самуэль Бейкер, Стенли, Ливингстон и многие другие. Мне приятно было сознавать, что я в меру своих скромных возможностей следовал по стопам великих людей.

У нас шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. По мере того как наше семейство росло, Хильде все труднее и труднее было сопровождать меня в сафари. Конечно, ей никогда не удавалось пойти вместе со мной, когда я сопровождал клиента. Но иногда я собирал своих помощников и старого Киракангано, и мы отправлялись охотиться в заросли из одной только любви к охоте. Это было самым приятным видом охоты. Не приходилось беспокоиться о том, удастся или не удастся добыть трофеи в ограниченное время, или же заниматься день за днем бессмысленным убийством животных, лишь бы убить разрешенное число. Мы просто путешествовали по неизведанным местам. Иногда мы обнаруживали новые, богатые дичью места, куда можно было водить клиентов. Чаще же мы удовлетворялись тем, что, по всей вероятности, были первыми белыми людьми, увидевшими ту или иную долину или горный хребет.

Хильда обычно не очень интересовалась охотой и это меня всегда в какой-то мере удивляло. Моя жена

худенькая женщина небольшого роста, и нет сомнения в том, что отдача тяжелого ружья причиняла ей сильную боль. Однако из легкого дробового ружья по летящей птице она стреляла отлично. И все же ей никогда по-настоящему не нравилась охота, а я и не желал, чтобы она была иной. Мне приходилось сопровождать нескольких женщин, увлекающихся охотой. Они были прекрасными стрелками, но я не хотел бы быть женатым ни на одной из них.

Я всегда скучал по Хильде. До рождения детей мы очень много времени проводили вместе, строя планы на будущее, детально обсуждая подготовку к следующему сафари. Теперь же Хильда постоянно беспокоилась о детях. Я и не думал, что воспитание детей представляет столь сложную проблему. Мне казалось, что моим родителям не приходилось особенно беспокоиться о моем воспитании. Моя собственная жизнь и жизнь Хильды потекла по двум разным руслам: она работала дома и воспитывала детей, а я участвовал в сафари, сопровождая клиентов.

Когда мне надоедало сопровождать сафари, я отправлялся в самостоятельную поездку, обычно промышлять слоновую кость. В те времена в отдаленных районах или вообще не было никаких ограничений на отстрел слонов, или же были очень небольшие. Я полностью использовал это положение. Охота на слонов представляла большие выгоды. В то время слоновая кость продавалась по 24 шиллинга за фунт. В среднем пара хороших клыков приносила полтора фунта стерлингов. Опытный охотник мог убить слона почти с одного выстрела, а патрон Э2 калибра 450^[28] стоил всего лишь один шиллинг и шесть пенсов. Я был в достаточной мере шотландцем, чтобы понять выгоду такого обмена.

Вспоминаю, как однажды я возвращался в Найроби после продолжительной охоты на слонов. Охота была удачной, и я привез несколько сотен клыков. Сопровождавшие меня в сафари юноши кое-как погрузили клыки в поезд, и мы попрощались. Когда я прибыл на железнодорожную станцию в Найроби, встала проблема — как доставить всю эту слоновую кость ко мне домой. В те времена такси не было, были только рикши. Я нанял всех до одного рикш на станции, погрузил в коляски слоновые клыки, а сам сел во главе процессии с парой самых крупных клыков, привязанных по бокам коляски. Мы направились по главной улице. В те времена движение было небольшое; автомобили были почти неизвестны. По пути нашего движения по улице люди выходили из домов, чтобы посмотреть на нас. Другие останавливались на тротуаре, подсчитывая количество клыков и вычисляя их вес. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь до этого видел такую выставку слоновой кости. Это был мой настоящий триумф.

Тут я увидел Хильду с нашей пятилетней дочерью Дориной. Они ехали навстречу на рикше. У меня отросла борода до пояса, и Хильда меня не узнала. Я сидел, улыбаясь им, и вдруг маленькая Дорина крикнула:

— Мама, ведь это папа!

Хильда глянула на меня и попыталась успокоить ребенка.

— Каждый, кто везет трофеи, не обязательно твой отец. Ты забыла, как он выглядит. У этого мужчины борода, — сказала моя жена.

— А мне какое дело! — воскликнула Дорина. — Я точно знаю, что это папа. Я знаю!

Тут я рассмеялся. Хильда посмотрела на меня и затем соскочила из коляски крича:

— Джон! Джон! Джон!

Так или иначе, я преуспевал. Учитывая доходы от продажи слоновой кости, а также подарки, которые я время от времени получал от какого-нибудь богатого клиента — дорогое ружье или же набор лагерного снаряжения, — я зарабатывал столько же, сколько губернатор всей колонии. Когда в Кению приезжало поохотиться какое-нибудь важное лицо, меня часто приглашали в качестве сопровождающего.

Однажды, сопровождая молодых американских супругов, я получил срочное сообщение, доставленное посыльным из Найроби. В сообщении говорилось. «Принц Уэльский прибывает на охоту. Вас считают самым подходящим из профессиональных охотников, чтобы сопровождать его. Просьба немедленно вернуться в Найроби».

Я показал записку своим клиентам. Молодой американец взорвался.

— А кто такой принц Уэльский? — кричал он. — Мои деньги не хуже его. Вы согласились сопровождать нас, так что же вы отказываетесь от своего слова?

Я почувствовал, что молодой человек прав, и послал в Найроби ответ с отказом нарушить соглашение. Таким образом, честь сопровождения принца Уэльского пала на другого выдающегося охотника, который прекрасно справился с задачей. Возмущение молодого американского демократа мне показалось очень забавным: «А кто такой принц Уэльский?».

Несмотря на то, что я не мог принять это предложение, я все же был польщен тем, что выбор пал на меня. Это означало, что, по мнению людей, хорошо разбиравшихся в охоте на крупного зверя, я достиг вершины своей профессии. Когда мы с Хильдой только что поженились, мы почему-то думали, что если я стану охотником-профессионалом, то все наши беды кончатся. Мы будем материально обеспечены. Я осуществил мечту своей юности, но, несмотря на это,

возникали другие проблемы, которых я не мог предвидеть.

Наши дети подрастали. Однажды вечером я обнаружил, что передняя дверь закрыта на самозапирающийся замок, а моего старшего сына Гордона не было еще в постели. Вспомнив свою молодость, я не сомневался, что парень сбежал в кустарник с сетью или сачком, Я был несколько разочарован тем, что он не пришел ко мне за советом, но меня утешало то, что он решил познать это искусство самостоятельно.

Поздно ночью, услышав, как он вернулся домой, я встретил сына на лестнице, надеясь увидеть его добычу. Представьте себе мои чувства, когда я увидел мальчика, одетого в вечерний костюм! Он, оказывается, был в Найроби на каких-то танцульках. Я выбранил юношу за то, что он понапрасну теряет время за таким никчемным занятием, и продолжал сердиться на него утром за завтраком. К моему удивлению, Хильда приняла сторону мальчика.

— В конце концов, Джон, не могут же все быть охотниками, — сказала она.

— Ты что же хочешь, чтобы мальчик вырос торговцем или фермером? — возмутился я.

— Я хочу, чтобы он следовал своим наклонностям, — ответила Хильда. — Когда ты нападаешь на него за то, что он ведет себя как все нормальные юноши, ты просто несправедлив к нему, и в той же мере, как твои родители были несправедливы к тебе.

Хотя я питаю беспредельное уважение к мнениям, высказываемым Хильдой, в данном случае это заявление мне показалось глупым. Я считаю, что желание проводить время в лесу с хорошей собакой и ружьем является естественным и здоровым. Одеваться же, чтобы идти плясать с какой-нибудь молодой девицей, — просто глупо.

Однако я не отчаивался, надеясь, что мой мальчик исправится. Ведь пока не побываешь на охоте и не приобретешь опыта, очень трудно оценить это искусство. Гордон проявлял большие способности к охоте, и я проводил часы, рисуя контуры крупных зверей и показывая ему куда бить. Решив, что он уже достаточно подготовлен, я взял его охотиться на слонов. Когда мы подкрались к стаду, перед нами оказался прекрасный слон-самец, занявший идеальную позицию для выстрела в ухо. Вместо того чтобы стрелять, Гордон шепнул мне:

— Папа, куда стрелять?

Таким образом, долгие часы, потраченные мною на обучение, пропали даром. Я попросту ткнул пальцем в собственное ухо. Гордон выстрелил и свалил слона. Я понял, что один практический урок дал мальчику больше, чем долгие часы теоретических разговоров.

Несмотря на высказанное мною мнение о клиентах, я не из тех охотников-профессионалов, которые относятся к ним с презрением. Клиенты дают мне средства к существованию. Некоторые из них были прекрасными охотниками, а некоторые плохими, но я делал все, чтобы удовлетворить запросы тех и других. Среди моих клиентов были американцы, европейцы, англичане, а также представители Востока. И каждый придерживался своих обычаев и стремился удовлетворить свои желания.

Взаимоотношения между профессиональным охотником и клиентом особые. Поскольку профессиональный охотник получает от клиентов плату, он должен выполнять их требования. В то же время он несет ответственность за поведение клиентов и их безопасность перед фирмой, снаряжающей сафари, а также перед Департаментом по охране дичи. Если клиент желает сделать что-то неразумное, охотник обязан его остановить. Если клиент не послушается —

профессиональный охотник оказывается в весьма трудном положении. Было несколько случаев, когда профессиональные охотники, возмущенные постоянным отказом клиентов придерживаться здравого смысла, отменяли сафари и возвращали его в Найроби. Такие случаи очень неприятны, но, к счастью, бывают редко. Я счастлив тем, что со мной ничего подобного не случилось.

Ссоры между профессиональным охотником и клиентом не всегда происходят по вине клиента. Профессиональный охотник тоже человек и он постоянно находится в напряжении. Он совмещает обязанности капитана корабля и мэра небольшого, постоянно передвигающегося города. В его ведении находятся два-три десятка местных юношей — от судомойщика до главного следопыта и заряжающего, который носит запасное ружье. Если случится несчастье, за все отвечает профессиональный охотник. Он не имеет права обвинять кого-либо старшего из обслуживающего персонала, плохо справляющегося со своими обязанностями, или нервного заряжающего. Профессиональный охотник должен знать, на что способен каждый участник сафари еще до выступления.

Профессиональный охотник должен следить за установкой и снятием палаток, за правильной погрузкой и разгрузкой тысячи и одного предмета снаряжения. Если один из грузовиков откажет, он должен суметь отремонтировать его. Если кто-либо заболит, профессиональный охотник должен оказать ему медицинскую помощь. При этом он не должен забывать, что командовать сафари — не основная обязанность. Ему платят жалованье как охотнику, и он должен добывать трофеи для клиентов.

Чтобы успешно справляться с этой задачей, профессиональный охотник должен хорошо знать районы страны. Многие клиенты хотят поохотиться на

слона, носорога, буйвола, льва, крупную антилопу сразу. Но ведь не все эти животные обитают в одной и той же местности. После того, как клиент убьет льва, профессиональный охотник доставляет его за 200-300 миль в другую местность, где клиент охотится на носорога или буйвола. После этого в совершенно другой местности происходит охота на слона. Охотник должен знать сложную сеть дорог, должен помнить, какие дороги проходимы в период дождей, где находятся броды, где лучше всего разбить лагерь, места, возле которых имеются источники воды и в какое время года есть в них вода. Кроме этого, он должен знать, какая трава растет в различных частях страны в разное время года. Трава играет большую роль в охоте. Если трава высокая, в ней мало что можно увидеть, поскольку животному там легко скрыться. Кроме того, дикие животные мигрируют из одного района в другой по траве, а хищники следуют за ними.

Продовольствие всегда является проблемой. Ни один сафари не может взять с собой достаточно пищи. На профессиональном охотнике лежит обязанность добывать мясо для «котла». В Африке не всегда просто достать животное на мясо; клиент может пожелать охотиться на носорога или слона, а эти животные обитают в кустарнике, где мало антилоп. Если же обслуживающий персонал не кормит мясом в течение нескольких дней, среди людей возникает недовольство, а иногда и ссоры. Иногда клиент может вообще не пожелать тратить день или более на охоту за животным для мяса. В конце концов клиент платит по сорок фунтов или более в день за сафари и может не захотеть тратить время. У него свои соображения. А если посадить юношей, обслуживающих сафари, на одну кукурузу, то они теряют интерес к своим обязанностям.

Даже в районах, изобилующих дичью, профессиональный охотник должен по возможности

вносить разнообразие в питание всех участников сафари. Клиентам надоедают бифштексы из мяса газелей Томсона, котлеты из конгони, жареное мясо импалы, а также консервы. Охотник должен постараться убить гуся, утку или куропатку. Хорошо если для разнообразия ему удастся поймать форелей. Все эти мелочи внушают клиенту чувство, что понесенные расходы полностью оправданы, а он хорошо проводит время.

Есть масса мелочей, которые очень легко упустить из виду, а они существенно отражаются на успехе сафари. Снятие шкур с убитых зверей более сложное дело, чем самый процесс охоты. Стоит скорняку оставить какой-нибудь квадратный дюйм мяса на шкуре, как оно начинает гнить, оставляя на шкуре дырку. Даже опытный набивальщик чучел не сможет устранить этот дефект. С другой стороны, если скорняки слишком сильно скоблят шкуру, они могут ее порезать. Если профессиональный охотник возьмет не ту соль, которая требуется для сохранения шкуры, или если эта соль втирается не по всем правилам, шкура будет испорчена. Тогда клиент, который потратил столько времени и денег на добычу трофея, вполне обоснованно придет в ярость. И в этом случае вся вина падет на профессионального охотника.

Кроме всего этого, профессиональный охотник должен владеть несколькими местными языками, уметь вести тяжелый грузовик по труднопроходимой местности, изобилующей рытвинами и пеньками, кое-что понимать в фотографии, уметь играть в полдюжину карточных игр и ни в коем случае не выходить из себя. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, и его труднее всего выполнить. Некоторые клиенты приезжают в Африку в основном не для того, чтобы поохотиться, а для того, чтобы убежать от какого-либо преследующего их страха, от которого они надеются

отделаться в зарослях кустарника. Жить с такими людьми в течение нескольких недель довольно тяжело.

Мне часто вспоминается один американский миллионер, который большую часть жизни провел на европейских лечебно-водных курортах. Это был единственный сын стариков родителей, и хотя он уже находился в пожилом возрасте, никогда не был женат. Мне еще не приходилось встречаться с таким человеком: он был постоянно погружен в печаль. Он решил заняться охотой на крупного зверя в отчаянной надежде, что сможет убежать от самого себя. Он был невероятно богат.

Частный самолет доставлял особые спиртные напитки в наш лагерь, включая вино для приготовления пищи. С собой мы взяли большой запас его собственного пива, которое варилось по его вкусу. Он всегда писал письма знакомым женщинам в Европу. Это в основном были артистки, которым он делал фантастически дорогие подарки. Бесконечные письма всегда посылались телеграфом, поскольку он считал обычную почту слишком медленной. При нас было переносное радио, по которому письма передавались на почту в Найроби. Если дамы не отвечали ему в течение ближайшего дня или двух, он сидел один в палатке и плакал, как ребенок. Я очень удивился, если бы узнал, что в его отношениях с этими женщинами было что-нибудь непорядочное. Мне казалось, что он совершенный импотент. В отчаянии он стремился купить хотя бы дружбу, чтобы как-то скрасить свое жалкое существование.

Однажды утром он заявил:

— Сегодня охоты не будет, Джои, — мы поедем покататься.

Я взял с собой легкое нарезное ружье калибра 275 на тот случай, если пожелаем добыть мяса для обслуживающего персонала. Пока мы ехали, мимо нас

пробежал носорог. Мой клиент схватил ружье, и не успел я остановить его, как он выстрелил, ранив зверя в брюхо.

Раненый носорог скрылся в кустарнике. Я взял свое ружье и последовал за ним, надеясь добить несчастного зверя выстрелом в сердце. Когда я шел по следу носорога, он неожиданно бросился на меня. Я всадил в него четыре пули, но они не нанесли ему никакого вреда. Зверь наверняка убил бы меня, если бы клиент не свалил животное выстрелом из тяжелого ружья калибра 404^[29], которое случайно оказалось в машине. Через несколько минут после этого случая он снова плакал от того, что какая-то знакомая по Парижу артистка не написала ему в течение недели.

Конечно, такого рода поездки сказываются на нервах. После участия в нескольких подобных сафари всегда будешь рад принять участие в уничтожении каких-либо зверей по просьбе Департамента по охране дичи.

Мне запомнилась одна такая охота, думаю, что и Хильде она тоже запомнилась. Меня сопровождал мой старый товарищ, следопыт и заряжающий, Сасита. Когда надо бороться со слонами, я считаю, что Сасита — самый подходящий из всех заряжающих Кении.

Сасита и я поездом доехали до Квале, а оттуда пешком отправились к Джомву. Джомву находилось недалеко от моего любимого Маренгского леса. Нет места в Кении, которое было бы ближе моему сердцу, чем этот огромный дикий лес с исполинскими деревьями. В отличие от полупустынных районов, поросших кустарником, в Маренгском лесу буквально кипит жизнь. В ветвях над головой прыгают обезьяны и белки. Тяжелые хорнбили^[30] с двойными клювами со свистом проносятся мимо. Маленькие розовато-лиловые и малиновые турако^[31] прыгают с одной ветки на

другую, пока не скроются в густой листве, образующей сплошную крышу леса. Землеройки — странные маленькие зверьки с миниатюрными, поднятыми вверх остренькими хоботками шуршат по земле среди упавших листьев.

По пути мы увидели, как два дикобраза поедали клык мертвого слона. По-видимому, в слоновой кости были какие-то вещества, которые привлекали этих животных. Они уже почти целиком уничтожили 90-фунтовый клык; когда мы подошли, то увидели кусок не более пяти фунтов весом. Несомненно, это одна из причин того, что в лесу находят так мало слоновой кости. Охотники старых времен, удивляясь ничтожному количеству «найденной» слоновой кости, пытались объяснить это явление вымышленным ими мифом о «слоновых кладбищах», таинственных укрытых местах, куда все слоны уходят умирать. На самом деле таких кладбищ не существует. Я часто находил скелеты мертвых слонов в джунглях, но кости их сохраняются недолго, так как их в очень короткое время уничтожают жучки-костоеды, а также случайные пожары кустарников, которые в короткое время превращают сухую кость в пепел.

Когда мы прибыли в деревню, подвергавшуюся набегам стада слонов, все жители вышли приветствовать меня, как своего спасителя. Они показывали мне остатки уничтоженных возделанных клочков земли, отвоеванных у леса при помощи самых примитивных орудий. Один мужчина не выдержал и заплакал, водя меня по кукурузному полю — плоду долгих часов изнурительного труда всей его семьи.

Вдвоем с Саситой мы вышли на рассвете следующего утра по следу стада.

Стада обезьян металась по веткам над нашими головами. Многие из них принадлежали к породе колиби, шкурки которых отличаются длинным черным

мехом с яркими белыми полосами; по красоте узора они не уступали скунсу. Одно время на шкурки этих обезьян был большой спрос, и немало красавиц в Париже гуляло на бульварах в шубах из таких шкурок. К счастью для этих обезьянок, мода на них уже почти прошла. На более высоких ветвях, как белки, прыгали белые обезьяны. Деревья были так высоки, что эти зверьки выглядели небольшими пятнышками.

Частенько мне приходилось сожалеть о том, что я не имел возможности просто присесть и понаблюдать животный мир вокруг меня — охотнику дорого время и ему надо двигаться вперед.

Вскоре мы увидели слоновый помет, в котором возились две красные белки, выбирая из него непереваренные зерна кукурузы. Сасита пощупал помет рукой; он был еще теплый. Стадо, по-видимому, ушло недалеко. Вскоре мы услышали слонов. Они издавали всякого рода звуки и глубоко вздыхали. Слониха иногда издавала резкий крик. Приблизившись к стаду, я заметил, как вершины кустарников покачиваются от их движений. Сасита был рядом со мной, постоянно проверяя направление ветра при помощи гриба-дождевика.

Среди деревьев виднелось несколько глыб коричневатого-землистого цвета. Мы подкрались к слонам на тридцать ярдов. Это была большая часть основного стада. Тут были только самки и молодые слонята-самцы. Я не видел возможности для хорошего выстрела. Затем одна из слоних подняла голову и я ее тут же убил. Остальные слоны в течение минуты вертелись в панике. Прежде чем они бросились в бегство, мне удалось свалить еще двух слонов.

Как только напуганные слоны бросились бежать, вокруг нас раздался сильный треск ломающихся молодых деревьев и кустарников. Сасита и я пошли по следу двух молодых самцов.

Вместе с нами шло несколько местных жителей в качестве следопытов-проводников. Сейчас они больше мешали, чем помогали; они разбрелись по лесу, и я заметил, как эти два слона-самца уклонялись со своего пути, как только чуюли запах человека. У слона столь острое обоняние, что он может, не пересекая след человека, учуять его запах за много футов. Едва мы прошли несколько ярдов, как внезапно услышали треск в кустарнике. Оба самца неслись прямо на нас. Они не имели намерения нападать, а просто стремились убежать.

Слоны пронеслись мимо нас один за другим. Я выстрелил из обоих стволов, целясь каждому в плечо. Ни один из них не упал. Они пробивались сквозь тяжелую листву, сгибая и ломая деревья. Мы шли за ними. Заросли были настолько густые, что сквозь них трудно было смотреть. Однако в конце концов я увидел огромный коричневатый предмет, очень похожий на громадный муравейник. Я решил обойти его по кустарнику, чтобы дать хороший выстрел, но густые заросли не давали возможности пробраться.

Я вернулся к Сасите. Слон еще не ушел. По тому, что я видел, нельзя было определить, где голова, а где хвост. Однако дальняя часть, казалось, резко спадала, поэтому я решил, что ближняя часть была плечом. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы сделать выстрел. После выстрела абсолютно ничего не изменилось — слон не издал ни единого звука, хотя я точно знал, что попал в него.

Когда я иду охотиться на крупного зверя с двухствольным нарезным ружьем, я предпочитаю сразу же после выстрела перезарядить пустой ствол, чтобы в случае нападения зверя иметь возможность сделать два выстрела подряд. Я придерживаюсь этого правила, если, конечно, у меня есть для этого время. Я открыл замок ружья, чтобы перезарядить его. Для этого мне

пришлось опустить глаза вниз. Вдруг я услышал крик Саситы; когда я поднял глаза, слон уже набрасывался на меня.

Я ничего не слышал, Слон пробрался сквозь густую заросль, по-видимому, совершенно бесшумно. Времени целиться не оставалось; я закрыл замок и выстрелил, не целясь, в огромного, возвышающегося надо мной зверя и попал ему в глаз. Он опустился на колени, а его клыки впились в землю, всего в восьми футах от меня. Меня это страшно потрясло. Я оглянулся, ища своего заряжающего, а он, как ни в чем не бывало, поднимал стреляную гильзу, чтобы сделать из нее табакерку. Сасита по простоте душевной считал, что я неуязвим, и, поскольку я обладал столь мощным оружием, ничто не может причинить мне вред. Я хотел быть столь же уверенным в себе, сколь Сасита был уверен во мне.

Осмотрев местность, мы обнаружили другого слона, который лежал мертвым недалеко от того места, где стоял первый.

Сасита рассказал мне, что как только я открыл замок ружья, слон бросился на меня. Оказывается, едва слышный металлический щелчок побудил его к нападению, хотя он совершенно игнорировал звук выстрела и даже удар попавшей в него пули. Мы изучили его следы в кустарнике. Он буквально пронесся над землей и настиг меня в два огромных прыжка.

Пока я рассматривал весьма любопытных разноцветных клещей на убитом животном, до меня донесся шум, приближавшийся через кустарник наподобие надвигающейся волны. Какое-то мгновение я не мог сообразить, что это такое. Затем я понял, что стадо слонов повернуло и шло на нас.

Слоны не нападали. Я хорошо представлял, что случилось. Кое-кто из местных жителей, вероятно, обошел животных спереди, и до них донесся запах человека. Испуганные животные развернулись и

обратились в бегство. Через несколько секунд они наскочили на нас.

Бежать от них было бесполезно, у нас не оставалось времени. Кроме того, я с большой неохотой поворачиваюсь спиной к слону. Слоны обладают изумительной способностью подкрадываться к охотнику и хватать его своим хоботом. При мне было нарезное ружье фирмы Гиббс калибра 505^[32], и я беспредельно верил в убойную силу пули весом в 525 гран. Это очень мощное оружие. Мы остались ждать. Вскоре я увидел группу из пяти слонов, пробивающуюся через заросли. Слоны на миг остановились у трупов первого слона. Увидев своего убитого товарища, они выпустили в воздух целую серию душераздирающих криков. Остальная часть стада ломилась сквозь кустарник, идя прямо на нас. Я вел беглый отчаянный огонь. Выстрелив из левого и правого ствола по двум самкам, шедшим впереди, я увидел, как их головы буквально дернулись от удара тяжелых пуль. Слоны валялись в кучу прямо перед нами и с боков. Сасита и я были с ног до головы обрызганы кровью, выброшенной из хоботов слонов, падавших около нас. У меня не хватало времени, чтобы добивать их. Стволы ружья так накалились, что кожа на моей левой руке вздулась от ожогов, но в тот момент я почти не чувствовал боли.

Когда стадо, наконец, повернуло обратно, мы увидели перед собой двенадцать убитых слонов. Через некоторое время мы услышали зов местных жителей, кричавших нам из кустарников, в которых они скрылись. Они отказались выйти к нам до тех пор, пока мы не заверили их в том, что опасность полностью миновала.

Мне пришлось проследить за тем, чтобы клыки вырезали по всем правилам. Известие о том, что имеется свежее мясо почти в неограниченном количестве, распространилось по кустовому телеграфу

с невероятной быстротой. Через несколько часов более шестисот жителей окружили убитых животных.

Многие из прибывших пришли за двадцать миль. Здесь были и дети, и дряхлые старухи с высохшими грудями, на чьих усохших животах кожа висела складками. Я не мог себе представить, как эти старые люди могли проделать такой долгий путь сквозь густые кустарники. Вскоре под воздействием жаркого солнца туши слонов начали разлагаться, но местные жители не обращали на это никакого внимания. Они буквально облепили убитых животных. Земля пропиталась кровью и была усеяна нечистотами из кишок, вывалившихся из невероятно больших животов слонов. Но местных жителей зловоние ничуть не беспокоило. Они работали в каком-то исступлении, отрезая огромные куски мяса и убирая драгоценные продукты в мешки.

Несколько мужчин забралось внутрь убитых зверей, чтобы взять сердце и почки. Там они стали ссориться. До нас доносились крики и ругань, а также лязг ударяющихся ножей.

Дело осложнялось еще тем, что люди снаружи вонзали ножи в туши, отрезая большие куски мяса. Случалось так, что длинные ножи пронзали тушу животного и задевали человека, который ползал внутри слона. Я видел, как несколько человек вылезли из слонов, порезанные до крови. Но, одержимые желанием добыть мяса, они, казалось, не обращали на это внимания.

Опасаясь, что кто-нибудь будет убит, я попросил вождя произвести разделку туш организованным порядком. Тогда всех девушек выстроили и усадили на землю, оставив каждую десятую стоять для облегчения счета. Мужчины стали нарезать огромные куски мяса. Каждой женщине доставалось столько мяса, сколько она могла унести. Некоторые девушки прятали мясо в кустарнике, а потом пытались вернуться в очередь,

чтобы получить дополнительную порцию. Когда их разоблачали, они нисколько не смущались, а от всей души смеялись и возобновляли свои попытки через несколько минут.

Мне казалось, что тут хватит мяса на всю Кению на много недель, но в удивительно короткое время от слонов остались одни кости. Через очищенные ребра я видел, как голые мужчины работали внутри зверей, как будто в клетках, стараясь обрезать мясо со скелетов — все до последнего кусочка. К закату были унесены даже внутренности. К каждой деревне на много миль вокруг через кустарники вел красный след от крови, которая сочилась из огромного количества сырого мяса, унесенного женщинами.

Я пустился в обратный путь со своими помощниками, несшими слоновую кость. Мы остались в лагере дня на два, а затем отправились на север к железной дороге. По пути мы встретили торжественно шествующий сафари. Он состоял из вождя племени ливали из местечка Ванга, двух санитаров и почтмейстера индийца. Я спросил их, что случилось? С грустью вождь сказал мне:

— Во время бегства стада слонов был убит профессиональный охотник по имени Джон Хантер. Мы прибыли для того, чтобы собрать его останки и отправить их в Найроби.

— Может быть, вы предложите рюмочку этим останкам, — сказал я.

Было очень приятно увидеть изумление на лицах этих людей. Почтмейстер, казалось, был не только удивлен, но и разочарован. Он проделал долгий путь, чтобы увидеть истерзанные останки охотника на слонов, а я, как оказалось, обманул его ожидания. Я извинился перед ним, и надо сказать, что он принял мои извинения довольно благосклонно. Во всяком случае, я был им признателен за их добрые намерения и, кроме

того, был рад узнать, что если со мной что-либо случится, то я могу рассчитывать на подходящие похороны.

Приходится удивляться, с какой быстротой распространяются слухи по африканским зарослям. Некоторые из местных жителей, которые поддались панике во время бегства слонов, тут же добежали до ближайшей деревни и сообщили о том, что я погиб. Известие донеслось до маленькой железнодорожной станции и оттуда в Найроби. Я узнал, что женский монастырь Лоретто у Найроби (в котором мои дочери получали образование) официально подтвердил, что это печальное известие достоверно и предложил отслужить по мне панихиду.

Я оставил носильщиков со слоновой костью, помчался в Момбазу, чтобы успеть к поезду, в котором прибывала моя жена Хильда. К счастью, она не надела траура. Я часто просил ее не надевать траура, если я погибну на охоте. Она помнила мою просьбу. В течение какой-то секунды мы стояли, глядя друг на друга, а затем она бросилась ко мне. Хотя я любил бродить по кустам в одиночестве вместе со своими помощниками, но мне всегда доставляло большое удовольствие знать, что кто-то обо мне думает и желает моего возвращения.

Глава девятая

Остров Фумве

После возвращения из Джомву мы с Хильдой решили предпринять второе свадебное путешествие.

Мы знали идеальное место для проведения отпуска. Как-то капитан Чарльз Питман, начальник Департамента по охране дичи в Уганде, рекомендовал нам набрать коллекцию птиц и млекопитающих, обитающих на острове Фумве, небольшом пятнышке на озере Виктория. Этот остров редко кто посещал. Единственные обитатели его — племя из одиннадцати человек, которое переселилось на остров за несколько лет до этого и, найдя его идеальным, решило там осесть. На острове водится редкая разновидность антилоп, известная под названием ситутунга. Один из музеев очень желал получить несколько экземпляров этого животного.

Хильда была достаточно умна, чтобы понять, что через неделю или немногим более мне станет не по себе, если я заброшу охоту. Без охоты меня быстро охватывает беспокойство. Чтобы справиться с ним, я должен заняться коллекционированием различных экземпляров фауны. Кроме того, это будет хорошим предлогом для того, чтобы поохотиться с моим любимым дробовым ружьем Перде, которое я привез из Шотландии и которым в последнее время, к сожалению, пренебрегал. Даже вынуть это ружье из футляра было бы для меня праздником.

Мы отправились из Найроби на автомобиле. В Энтеббе пересели на пароход. Поскольку мы предполагали остаться на почти необитаемом острове в

течение нескольких недель, то взяли с собой все необходимое

— от иголок до нарезных ружей. У Фумве ни один пароход не делает регулярных остановок; таким образом, мы окажемся отрезанными от остального света в течение всего периода нашего пребывания на острове.

Мы сели на пароход «Перси Андерсен», который заходил регулярно каждые две недели на основные острова Сесе за грузом земляных орехов и бананов. По специальной договоренности с Угандийским пароходством этот пароход должен был подойти к острову Фумве после своего регулярного рейса, чтобы высадить нас на него. Через два месяца пароход должен был зайти за нами.

Наш пароход шел от одного островка к другому, останавливаясь в каждом порту на несколько часов для принятия груза. Большая часть груза, казалось, состояла из разновидностей краснохвостых попугаев с серым оперением. Мне сказали, что это самые лучшие говорящие птицы в мире, и на них большой спрос на рынках Момбасы — по пяти фунтов за штуку. Для местных жителей это весьма выгодный вид торговли. Они десятками ловят этих попугаев, когда птицы прилетают на остров, чтобы устраивать свои гнезда. Я полагаю, что хороший «Африканский серый» попугай продается в Соединенных Штатах за добрых 600 долларов. Существует старое предание о том, что местные жители перед продажей этих птиц кормят их толченым стеклом. Через несколько месяцев попугаи погибают и, таким образом, на них поддерживается высокий спрос. Есть ли в этой легенде какая-то доля правды, я утверждать не берусь.

Ехать на пароходе, заходя в прибрежные порты озера Виктория, было очень приятно. Ранее мне не приходилось бывать в этих местах, и они меня просто

очаровали. Мы проходили мимо огромных гряд изумрудно-зеленых папирусов, достигавших двадцати футов высоты, которые походили на небольшие леса.

Эти огромные гряды перерезались небольшими каналами, уходившими в глубь плавней, столь узких, что по ним можно было пройти только на пирогах. На воде огромными коврами раскинулись водяные лилии с бесподобными пурпурными лепестками. Вокруг нас кишели птицы. Мы видели сотни крупных бакланов и длинношеих руф^[33], сидевших на низких деревьях или на кустарнике, расправив свои крылья и греясь на солнце. По мелям ходили стаи пугливых ибисов, а пеликаны, медленно хлопая крыльями, летали над гладкой поверхностью воды. Утки, лысухи и чонги были видны повсюду. Время от времени нам встречался орел-рыболов с белой головой и грудью, сидящий на вершине высокого дерева. Там он спокойно отдыхал, пока голод не заставлял его начать рыбную ловлю.

Вечерние зори окрашивали небеса самыми фантастичными оттенками цветов, а в наступающей темноте небо, казалось, сливалось со спокойно плещущимися водами озера. В такое время человек особенно остро чувствует цену дружбы и вдруг обнаруживает, что он снова влюблен в свою жену, как много лет назад.

Поздно вечером наш капитан зашел на якорную стоянку в Фумве. Гавань здесь охраняют коварные рифы острозубых скал. Я с беспокойством прислушивался к спору нашего капитана с матросом — местным жителем — относительно фарватера. У меня не было никакого желания преодолеть последние полмили вплавь, тем более, что озеро кишело крокодилами.

Единственным средством освещения на судне были два керосиновых фонаря. Я достал еще два и при

помощи усиленного освещения нам удалось войти в гавань.

Небольшая колония на Фумве увидела наши огни и разложила костер на берегу для ориентировки. К борту судна подгребла пирога с удивленными местными жителями. Они не могли понять, почему в их уединенную гавань зашел пароход. Услышав, что мы предполагаем провести два месяца у них на острове, они еще более удивились. Им никогда не приходилось слышать о том, что белый человек приезжал в места, где не водятся рекордные охотничьи трофеи и где нельзя заработать денег. Им не верилось, что мы прибыли просто для отдыха.

В тени деревьев мы установили палатку и разложили свое хозяйство. В течение целой недели мы ничего не делали, а просто наслаждались каждой секундой. Утром нас будили пронзительные крики и свист краснохвостых попугаев, устроивших гнезда на острове. Когда наши слуги слышали, что мы пробуждаемся, они бесшумно входили в палатку с чашками горячего чая. Выкупавшись, мы принимались за завтрак. Утром бродили по острову, наблюдая жизнь птиц и мелких зверюшек. На Фумве, помимо антилоп ситутунга, было мало крупных животных. Правда, встречались стада гиппопотамов, которые резвились и плескались в камышах. Иногда мы наблюдали, как эти огромные водяные звери группами вылезали на песчаную косу и принимали солнечные ванны; они редко отходили далеко от воды. Исключение составляли облачные дни или ночи, когда они вылезали на берег в поисках пищи.

Гиппопотамы гораздо сильнее, чем думают многие люди. Крупный гиппопотам-самец — опасный соперник даже для носорога. Однажды на берегу озера я увидел, как встретились гиппопотам с носорогом. Оба были зрелыми самцами. Столкнувшись, они убили друг друга.

Гиппопотам, по всей видимости, вышел на берег, чтобы попасть в роскошной траве. Здесь он повстречал носорога, спустившегося попить. Ни один из них не пожелал другому уступить дорогу. Произошло ужасное сражение. Спина носорога была порвана огромными челюстями гиппопотама. Гиппопотам же был в нескольких местах сильно пропорот рогом носорога. Оба зверя лежали в нескольких футах друг от друга, погибнув в результате совершенно бессмысленной дуэли. Несомненно, здесь был затронут вопрос чести.

Среди камышей обитали стаи мелких гусей; там они жили тихой, спокойной жизнью и совершенно не боялись нас. Эти изящные ярко окрашенные птички всегда были моими любимцами.

Видели мы также большие стаи чирков и гусей с шипами в крыльях. Стаи в несколько тысяч птиц здесь были обычным явлением.

В водах вокруг острова Фумве в изобилии водились крокодилы. Головы этих зверей, высунутые из воды, напоминали бесчисленное количество плавающих бревен. Среди них были чудовища длиной в 18 футов и молодые не длиннее барана. Они были разных оттенков — от темно-коричневого до желто-зеленоватого. Я полагаю, что крокодил — единственное дикое животное, которое не делает различия между своей обычной добычей и человеком. Когда я охотился на крокодилов ради их шкур, мне часто приходилось обнаруживать в их внутренностях, помимо копыт диких кабанов, рогов антилоп, набор мелких камешков, которые местные жители носят как украшения. Почему эти пресмыкающиеся глотают камни, я не могу понять. Может быть, они помогают пищеварению в той же мере, как и галька, проглатываемая страусами.

Только один раз за время пребывания на острове я покинул Хильду, чтобы добыть два экземпляра антилоп ситутунга. Эти животные когда-то во множестве

водились на берегу озера. Однако местные жители почти полностью уничтожили их, расставляя сети в камышах и загоняя в них животных. Некоторое количество этих нежных животных вплавь добралось до острова Фумве, где они сильно размножились. Тут они паслись на открытых прогалинах, куда не достигало копье местного охотника.

Однажды утром я вышел на охоту с легким нарезным ружьем. Со мной был заряжающий. Лес был очень густой; нам приходилось для верности оставлять метки на деревьях, чтобы по ним вернуться в лагерь. Мы обнаружили несколько открытых прогалин, на которых паслись антилопы. Однако, поскольку мы пришли туда в разгар дня, животные еще не выходили на пастбище. Около пяти часов на середину одной из прогалин вышли антилопы; самец находился, примерно, в пятидесяти ярдах от нас. Будучи слишком уверенным в себе, как мастер скрадывания^[34], я попытался подкрасться поближе к животному. Я подполз к тому месту, где паслась антилопа, но ее там не оказалось. Вдруг самец выскочил почти из-под моего носа и рванулся в лес. Я выстрелил в него, но взял слишком высоко. Глупый промах! Мы сделали новую попытку. На другой прогалине мне повезло. Мы заметили в траве молодого самца. Видна была только его спина и беловатые кончики рогов. Я присел и свистнул. Самец привстал, и получилась прекрасная мишень. Он был нашим первым трофеем.

Добытый нами самец был высотой в 44 дюйма. У него была длинная шелковистая шерсть темно-коричневого цвета. Больше всего меня интересовали его копыта. Несколько поколений назад, когда антилопы ситутунга в основном обитали в болотах, их копыта были чрезвычайно удлинненными и по длине превышали шесть дюймов. Эти длинные копыта давали

возможность животному бегать по болотистой почве, не погружаясь в нее, как позволяют человеку специальные лыжи идти по глубокому мягкому снегу, не проваливаясь. Однако эти животные уже в течение многих поколений жили на острове и их копыта оказались не на много больше копыт обыкновенных антилоп. Несомненно, что через несколько поколений удлиненные копыта вообще исчезнут.

Вот вам пример того, как животные организмы приспособляются к условиям окружающей среды.

Я подстрелил только двух представителей этих интересных животных. У меня не было никакого желания без надобности беспокоить их на этом острове, где они нашли убежище.

Мне удалось собрать коллекцию из более чем двухсот птиц. Капитан Питман был очень заинтересован в этой коллекции. Среди собранных мною птиц был крупный колибри, самый красивый из всей разновидности этих ярко расцвеченных птиц. Кроме того, удалось добыть несколько разновидностей бекасов, каких мне ранее не приходилось видеть. Я был уверен, что капитан Питман будет доволен.

Единственным происшествием за весь период нашего мирного пребывания на этом острове был невероятно грозовой шторм, который разразился однажды ночью. Деревья вокруг нашей палатки страшно раскачивались, ветки обламывались и падали. Одна огромная ветвь упала на нашу палатку, вонзившись, как копье, рядом с ней в землю. Постоянные вспышки молний освещали воды разбушевавшегося озера. Сорванные порывами ветра с качающихся ветвей, попугаи издавали резкие крики. Несмотря на то, что мы не понесли никакого ущерба, должен сказать, что это была страшная ночь.

Когда наш отпуск подошел к концу, пароход «Перси Андерсен» зашел за нами. Колония местных жителей

очень жалела, что мы уезжаем, и мы сожалели в неменьшей мере. Мне ни разу не приходилось бывать в столь идеальном месте для проведения отдыха, как остров Фумве. На острове почти не было насекомых. Это было приятным сюрпризом по сравнению с другими местами Африки. Мы не наблюдали никаких признаков страшной мухи цеце. Хильда и я покинули этот остров, пообещав друг другу, что когда-нибудь мы вновь вернемся сюда для отдыха. К сожалению, нам так и не удалось побывать там еще раз. А может быть, это к лучшему. Вполне возможно, что еще одна поездка в это идеальное место привела бы к разочарованию. А так в течение многих лет оно жило в нашей памяти.

Глава десятая

Охота на буйволов

Когда мы с Хильдой вернулись с острова Фумве, меня ожидала записка от капитана Ритчи. Перед департаментом снова стояла задача уничтожения диких зверей, наносивших ущерб местному населению.

В районе Томсонс Фоллс — деревушке, расположенной в ста милях к северу от Найроби, появилось стадо диких африканских буйволов. Животные уничтожали посевы на шамбах и даже убили несколько местных жителей. Капитан Ритчи решил, что необходимо принять меры.

Вообще капитан Ритчи стремился создать лучшие условия для поголовья буйволов в Кении. Но данное стадо наносило тяжелый ущерб местному населению и, беспокоясь о судьбе земледельцев, он вынужден был принять решение о его уничтожении.

Многие охотники считают буйвола самым опасным африканским зверем. Буйвол бросается на противника с неопишуемой яростью. Даже выстрел, от которого уклоняются и носороги и слоны, не заставит его свернуть в сторону. Буйвол ни за что не остановится, пока не будет убит или сам не убьет охотника. Это очень хитрый зверь. Уходя от охотника, раненый буйвол нередко делает петлю и устраивает у собственных следив засаду. В отличие от большинства зверей буйвол часто нападает без каких-либо видимых причин. Поэтому охота на него считается трудной и опасной.

На этот раз я решил взять с собой тяжелое двухствольное нарезное ружье Джеффри калибра 500^[35]. Я убежден, что для охоты на буйволов следует брать самое тяжелое ружье, которое под силу охотнику. Зная,

что раненные животные скрываются в кустарниках; я взял с собой собак, чтобы с их помощью выгонять оттуда буйволов.

На собачьем рынке в Найроби продавалось несколько штук ничего не стоящих дворняжек. У меня не было выбора и поэтому я купил их всех. Позже мне удалось добавить к этой своре несколько более крупных и умных собак. Но в этой своре не хватало собаки-вожака, которая отличалась бы мужеством и решительностью и вела за собой остальных. Собаки легко следуют за вожаком, даже одна первоклассная собака может преобразить сборище дворняжек в довольно неплохую свору. Поскольку мне так и не удалось приобрести вожака, я готовился уехать из Найроби, взяв с собой пестрый букет дворняжек.

За несколько дней до моего отъезда ко мне обратилось одно довольно высокое должностное лицо с просьбой избавить его от любимой собачки. Этот пес нападал на местных жителей, кусал их и, кроме того, резал скот в пригородах Найроби.

Из того что мне сказал хозяин, я решил, что это совершенно никчемная собака, но в тот момент я не мог позволить себе быть разборчивым и пошел за псом.

С первого взгляда собака мне понравилась. Это был ширококостный рыжий кобель величиной с немецкую овчарку. У него были мощные челюсти и он, несомненно, умел ими пользоваться. Пес, по-видимому, был смешанной породы с большой примесью бультерьера. Я решил дать ему кличку «Бафф», произнося которую не требовалось ломать язык. Он быстро усвоил это имя, и я почувствовал, что у нас с ним дела пойдут, как надо. Мне показалось, что это умное, смелое животное, которое природа никоим образом не предназначала для роли комнатной собачки.

Бафф быстро утвердился в правах вожака своры. Среди собак нашлось мало таких, которые рискнули

вступить с ним в драку; им был преподан урок благоразумия. Другие собаки ходили от него на почтительном расстоянии. Даже суки проявляли свое расположение к Баффу. Несмотря на всю свою злость, Бафф был настоящей собакой и часами лежал у моих ног, глядя преданным задумчивым взглядом, как бы пытаюсь прочесть мои мысли. Еще не выехав из Найроби, я уже привязался к Баффу. Я надеялся, что он оправдает себя во время охоты на буйволов и научится уклоняться от рогов и острых копыт этих свирепых животных.

Близ деревушки Томсонс-Фоллс я впервые понял, почему бывший хозяин Баффа так стремился отделаться от него. Однажды вечером я повел свору собак на прогулку. По дороге мы прошли мимо стада овец, которое гнал местный пастух. Вид овец привел Баффа в ярость. Он бросился на них, выбрал жирнохвостого барана, и не прошло секунды, как Бафф мертвой хваткой вцепился в его горло и забросил себе на спину. Я оторвал его от барана и, сняв ремень, жестоко избил пса, преподав ему урок, который он запомнил навсегда. Бафф принял наказание без жалоб, за что я проникся к нему еще большим уважением. Уплатив пастуху за барана, я вернулся в лагерь, при этом Бафф весело бежал всю дорогу у моих ног.

К моему лагерю были прикреплены несколько следопытов из племени ндеборо. Народ этого племени — на одну четверть масаи и на три четверти — бушмены. Это племя достойно всякого уважения. Представители его довольно хорошие охотники, хотя занимаются не только охотой, но и обработкой земли.

Я заметил, что один из жителей деревни прихрамывает, и спросил о причинах его хромоты. Оказалось, что его пятка до щиколотки была начисто откушена буйволом. Я с трудом поверил ему, но, когда

услышал всю историю, не мог сомневаться в ее правдивости.

Однажды, идя через заросли на свою шамбу, человек этот вдруг услышал в кустах фыркание. Повернувшись, он бросился бежать. По сильному стуку копыт было ясно, что его преследует буйвол. Вначале у этого человека было довольно большое преимущество в расстоянии, но вскоре буйвол стал быстро нагонять его. Стук копыт становился все громче и громче. В последний момент преследуемый сделал отчаянный прыжок и ухватился за ветку дерева. Буйвол промчался под ним, затем круто повернулся и остановился под висющим на ветке человеком, ударяя копытами по земле и яростно фыркая. Человек подобрал ноги повыше. В конце концов правую ногу свело судорогой и он, не выдержав напряжения, на какой-то миг опустил ее. Буйвол мгновенно подбежал и откусил ему пятку, словно это была ветка. Вкус крови, по-видимому, успокоил зверя и он ушел, оставив висевшего на ветке человека в полубморочном состоянии.

Обдумав то, что мне рассказал хромой, я понял, что в его повествовании нет ничего невероятного. Почему бы буйволу не пользоваться своими зубами? Позже мне пришлось убедиться в том, что буйвол действительно разрывает свою жертву зубами и зубы его действительно смертоносны.

Увечья, которые наносит разъяренный буйвол, бывают просто ужасными. Однажды во второй половине дня в мой лагерь пришел местный житель и предложил мне свои услуги в качестве следопыта. Когда я с ним разговаривал, то обратил внимание на большие гладкие шрамы на внутренней стороне его бедер. Я спросил у него, отчего эти шрамы. Невинным движением ребенка он сбросил свою набедренную повязку. К своему ужасу, я увидел, что он был весь изуродован. Заметив мое удивление, он сказал, что считает себя счастливым, что

еще так легко отделался. Если бы мунгу^[36] не заботился о нем, его сейчас не было бы в живых.

Однажды он шел по высокой траве к своей пасеке и чуть не наступил на отдохавшего буйвола-самца. Буйвол вскочил на ноги и одним из своих кривых рогов поддел его в пах, затем подбросил в воздух. При падении человек упал на загривок бешеного самца. В отчаянии он одной рукой вцепился в ухо зверя, а другой схватил его за плечо. Рычащий разъяренный зверь бросился вскачь, а на спине его все еще держался напуганный человек. Бедняга не смел соскочить, поэтому всеми силами держался за буйвола. Буйвол пронес его 60 ярдов и, придя в исступление от ноши на своей спине, промчался под густым колючим кустарником, в результате чего человек был сбит на землю. Пострадавший был наполовину оглушен ударом о землю. Лежа на спине, он видел, как буйвол развернулся и снова устремился к нему, в нескольких футах от него буйвол остановился и рогом поддел беспомощно лежавшего человека. В момент, когда буйвол рогом распарывал его, несчастный потерял сознание.

Когда он пришел в себя, солнце уже садилось. Все его тело онемело и казалось парализованным. Силой воли он заставил себя вспомнить, что случилось. Он увидел, что лежит рядом с ручейком. Ему удалось подползти к берегу. Одна рука оказалась сломанной, но другая была цела, и он мог черпать воду и подносить ее ко рту.

Человек лежал на берегу ручейка в течение двух недель. Он поддерживал жизнь тем, что пил воду и питался травой, до которой мог дотянуться. Ночью он слышал, как на водопой приходили носороги. Дважды совсем близко от него раздавались резкие крики слоних. Часто он слышал вой и смех гиен, бродивших

вокруг него в кустарниках, но не рискнувших подойти близко. На поверхности воды безмолвно появлялись крокодилы, которые подплывали к нему на несколько футов. Он был слишком слаб, чтобы двигаться и мог только лежать и наблюдать за ними. Посмотрев на него несколько минут, пресмыкающиеся безмолвно погружались в воду.

В конце концов несчастный был найден другими пасечниками.

Я спросил этого человека, почему же после таких переживаний он хочет заняться охотой на буйволов? Тут его глаза загорелись и он сказал:

— Буана, я узнаю этого буйвола по рогам, и я обязательно его убью.

Стадо буйволов, за которым мне предстояло охотиться, обитало в лесу Марманет. Здесь были очень густые заросли, что затрудняло охоту и делало ее опасной. На открытой местности я не считаю буйвола опасным зверем, но в зарослях он может быть просто страшен. Я был очень доволен тем, что имел свору собак под предводительством Баффа.

В сопровождении следопытов ранним утром я вышел на охоту. По всему лесу были видны следы буйволов, и собаки без труда решительно пошли по ним.

Когда я охотился на территории племени масаи, бывшие тогда у меня собаки очень неохотно шли по следам львов, Казалось, их запах наводил на собак страх.

Запах же буйволов, по-видимому, не страшит собак. Через несколько минут после выхода на след буйволов мы услышали, как преследуемые собаками буйволы, ломая кусты, пробираются через заросли. Вместе со следопытами я старался не отрываться от собак. Вдруг до нас донесся пронзительный визг, и мы увидели, как одна из собак взлетела над верхушками деревьев,

подброшенная рогами буйвола. Место ее падения определить не удалось. Не желая понапрасну жертвовать собаками, я пытался их отозвать, но они так громко лаяли, что я не слышал даже собственного голоса.

Когда мы подошли поближе, то увидели, что свора загнала пять буйволов-самцов. Образовав круг хвостами внутрь и рогами наружу, они отбивались от собак. Вдруг Бафф рванулся к буйволам и схватил одного из быков за нос. Разъяренное животное бросилось вперед, стараясь ударить собаку о ствол дерева. Но Баффа не так легко было оглушить: в последний момент он ловко отбросил задние ноги и избежал удара. Выстрелом из ружья я покончил с этим буйволом.

С тех пор Бафф неизменно прибегал к этому приему. Стоило своре загнать самца или самку буйвола, как Бафф бросался на зверя и хватал его за нос. Когда на буйвола нападают собаки, он держит голову как можно ниже к земле, чтобы легче было действовать рогами. Это давало храброму Баффу возможность применять свой любимый прием.

По всей видимости, у всех крупных копытных нежные носы. Я помню, как в Шотландии фермеры продевали кольцо в нос опасного бугая. Пока человек держался за это кольцо, бугай был относительно беспомощным.

Стоило Баффу вцепиться в нос буйвола, как его уже почти невозможно было сбросить. При этом Бафф твердо стоял, широко расставив свои ноги, а буйвол был не в состоянии сделать головой достаточно сильное движение, чтобы сбросить пса.

Крупный буйвол-самец — чрезвычайно величественный зверь. Вес его достигает двух тысяч фунтов. У него огромные размашистые черные как смоль рога. У основания они толщиной с ногу человека, а концы заострены, как кинжалы. Когда буйвол

бросается с опущенной головой на охотника, он подставляет ему свой крепкий череп, защищенный широкими основаниями рогов. Только из самого крупнокалиберного нарезного ружья охотник может выстрелом в голову свалить его.

Охотясь на буйволов, я предпочитаю целиться в грудь, шею, плечо или под глаз. Однако при нападении буйвола выбирать не приходится, и стреляешь куда возможно. Охота с собаками на буйволов более целесообразна, чем на львов, так как собакам увертываться от буйвола гораздо легче, чем от льва.

Как и в первой моей своре, некоторые собаки проявляли больше смелости, нежели благоразумия. Вместо того чтобы увернуться от нападающего буйвола, они упрямо стояли на одном месте. Если собака своевременно не сделает хороший прыжок, чтобы уклониться от молниеносных ударов рогов и копыт буйвола, она погибнет.

Во время охоты было несколько случаев, когда буйволы поддевали моих собак на рога и подбрасывали их в воздух. Подбросив собаку в воздух, буйвол наблюдает за тем, как она падает. Определив место падения, он подбегает к ней, чтобы окончательно добить, не дав ей прийти в себя. В таких случаях свора почти всегда бросается на выручку потерпевшей, кусая буйвола и стараясь отвлечь его. Если собакам удавалось остановить зверя хоть на мгновение, я приканчивал его выстрелом.

Стадо буйволов обычно пасется по краю болот, им сопутствуют зачастую белые цапли, которые летают вокруг крупных серовато-коричневых зверей, подобно листам белой бумаги. Иногда цапли садятся прямо на спины буйволов. Я думаю, что они выбирают у них клещей. Нередко охотник обнаруживает буйволов, спрятавшихся в высокую траву, по белым цаплям, летающим над ними.

Ничто не может сравниться со стадом этих замечательных животных, гордо несущих свои огромные, черные как смоль рога, когда они шествуют по тучным зеленым пастбищам с белоснежными птицами, сидящими на их спинах или важно шагающими рядом.

Так как эти животные обладают отличным зрением и слухом, на открытой местности очень трудно подобраться к стаду буйволов на расстояние выстрела. В густом кустарнике буйвол стоит до тех пор, пока охотник не подойдет к нему вплотную. Тогда он молниеносно бросается на него. Даже выстрел в непосредственной близости не заставит буйвола пошевелиться, пока он не убедится, что наверняка сможет уничтожить своего противника.

В этих условиях собаки просто незаменимы. Они чуют поджидающего буйвола и заранее предупреждают охотника об опасности. Если даже собаки не учуют зверя, то они почти наверняка натолкнутся на него, когда побегут впереди охотника. Я могу с уверенностью сказать, что собаки десятки раз спасали мою жизнь во время охоты на буйволов.

Бафф был незаменим, так как представлял собой сочетание редких качеств, которого почти никогда не встретишь ни у собак, ни у людей: беспредельная отвага с разумной осторожностью. Он был достаточно умен, чтобы уклониться от нападающего буйвола и в то же время совершенно не боялся его.

Однажды свора преследовала необычайно крупного буйвола. Чтобы не подпустить собак к себе, он остановился посредине речки. Это обычный прием животных, преследуемых собаками. Собаки выстроились на берегу реки, подняв невероятный лай, но броситься вплавь за буйволом не желали. Мой Бафф был исключением. Подойдя к реке, храбрый пес сделал огромный прыжок в воду и уверенно схватил

ошеломленного быка за нос. На какой-то миг старый буйвол опешил от такой дерзости, но, оправившись, сразу же опустил Баффа под воду. Еще несколько минут — и Бафф погиб бы, если бы я не подошел и не прикончил буйвола выстрелом. Когда Бафф приплыл к берегу, кашляя и отфыркиваясь, я обнаружил, что он обломал концы передних зубов о твердый хрящ носа буйвола.

Этот буйвол был семнадцатой жертвой Баффа, причем всех он хватал за нос и держал, пока я не прикончу их выстрелом.

Из следующей стычки со стадом буйволов Баффу не удалось выйти невредимым. Свора окружила стадо и удерживала его лаем, наскაკивая и кусая задние ноги зверей. Бафф бросился на буйволов и схватил крупную самку занос. Он держал ее на месте. Однако ее уже довольно крупный теленок бросился на помощь, боднув собаку в бок своими короткими толстыми рогами. У Баффа захватило дух, но он не выпустил носа своей жертвы. Он наверняка бы погиб, но подоспели следопыты и убили обоих буйволов.

После этого несчастного случая я отставил Баффа от охоты до того времени, пока его раны полностью заживут. Я уже уничтожил более двухсот буйволов, и со стадом было почти покончено. Бафф тосковал, оставаясь дома, и с завистью смотрел, как остальные собаки трусили за мной на охоту.

Один из моих следопытов ежедневно ходил в ближайший крааль за мясом для собак, и я поручал ему брать с собой Баффа. Я считал, что упражнение не даст Баффу утратить гибкость в период, его выздоровления, а кроме того, это как-то поддерживало его жизнедеятельность.

Во время одной из таких прогулок мимо Баффа пробежал дикий кабан. Пес не мог потерпеть такого неуважения к своей особе. Несмотря на крики

следопыта, Бафф со всех ног бросился за кабаном. Кабан скрылся в норе. Перед тем как спуститься в нору, он развернулся и вошел в нее пятясь. Это обычный прием диких кабанов, чтобы иметь наготове клыки. Бафф готов был уже спуститься в нору, как кабан вдруг выскочил и набросился на собаку, Я убежден, что если бы Бафф не обломал кончики своих зубов, то он наверняка удержал бы зверя. Однако ему не удалось удержать кабана за его пропотевшую шкуру. Освободившись от Баффа, кабан сделал быстрый выпад клыками, схватив Баффа за грудь. Он распорол храброго пса, который погиб в то же мгновение. Следопыт убил кабана выстрелом, но собака уже погибла. Когда я вернулся с охоты, то увидел мертвое тело моего благородного Баффа, убитого в то время, когда, как я думал, ничто не могло с ним случиться.

У меня никогда не было другой такой собаки — ни до Баффа, ни после него. Остальное время охоты было отравлено для меня потерей. Я надеялся, что какой-нибудь из его щенят будет похож на Баффа, но никто из них не был достоин бежать в одной своре со своим отцом. К собаке слишком привязываешься. Лишь после смерти пса начинаешь понимать, какое место он занимал в твоём сердце. Я иногда думаю, стоит ли то удовольствие, которое получаешь от собаки, того горя, которое переносишь от ее утраты?

Сила и свирепый нрав буйвола всегда привлекали меня в охоте на этого зверя. Это был мой любимый зверь для охоты. Я охотился за буйволами не только в Кении, но и в Уганде, и в Конго. Хотя я далек от того, чтобы недооценивать его силу, все же я думаю, что опасность охоты на буйволов несколько преувеличена. Мне нередко приходилось слышать рассказы о стадах буйволов. Если поверить им, получается, что стадо буйволов всегда набрасывается на человека и топчет его до смерти. Хотя мне пришлось убить более трехсот

буйволов, но ни разу не приходилось наблюдать, чтобы буйволы набрасывались на охотника всем стадом, разве что они оказывались в овраге или ущелье, где не могли развернуться. Даже в подобном случае эти животные скорее пытались убежать, чем по-настоящему нападать. Мой опыт показывает, что нападение совершается отдельным животным — чаще всего животным, которое отрезано от остального стада. Одиночный буйвол может быть невероятно агрессивным, но в стаде он не проявляет большей свирепости, чем многие домашние животные.

Несколько лет спустя меня вторично послали в район Томсонс Фоллс для уничтожения буйволов, совершавших набеги на посевы. Я провел в районе всего лишь несколько дней, когда местный житель по имени Абейя пришел в мой лагерь с просьбой принять его на работу в качестве следопыта. Он принадлежал к племени туркана. Племя туркана — дикий первобытный народ. На запястье турканы носят своеобразный браслет, изготовленный из лезвия кривого ножа, наточенного до остроты бритвы. Турканы с большим искусством владеют этим браслетом и могут перерезать горло человека одним поворотом запястья.

Когда я впервые увидел Абейю, его тело было едва прикрыто. Волосы намазаны коровьим пометом и, если смотреть с затылка, походили на печеный каравай. Большую часть жизни Абейя провел в тюрьме за браконьерство. Охотился он с помощью лука и отравленных стрел.

Несмотря на свирепый вид, он показался мне очень приятным, так как безусловно был хорошим охотником. Абейя хотел стать следопытом, потому что он был одержим желанием получить в собственность ружье. Это, конечно, похвальное стремление, однако я знал, что местные жители обожествляют ружье, считая, что оно не может причинить вреда, а является только

полезным орудием. Я согласился взять Абейю как следопыта, но настоял на том, чтобы он полностью освоил механизм нарезного ружья, прежде чем будет охотиться с нами на крупного зверя.

Опыт Абейи, как браконьера, сделал из него первоклассного следопыта. Он быстро овладел ружьем и стал довольно хорошим стрелком. Но я не мог убедить его в том, что ружье не гарантирует безопасность. Он был одним из лучших следопытов, и я в конце концов отпустил его охотиться на буйволов вместе с двумя другими следопытами.

Несколько дней спустя эти следопыты вернулись, доложив, что Абейя отказался охотиться с ними, заявив: «Мы; турканы, всегда охотимся в одиночку».

Это было нарушением моих указаний, так как я считаю, что ни один человек не может быть в безопасности, охотясь в одиночку. Всегда нужны двое — один идет по следу, а другой обеспечивает безопасность первого на случай нападения зверя. Я решил сурово отругать Абейю.

В течение пяти дней я охотился в зарослях, и, когда вернулся, жена Абейи ожидала меня. Он купил ее лишь недавно; одета она была в основном в массу грязных белых бус. Она сказала, что Абейя не вернулся, и боялась, что произошло самое худшее. Я тут же организовал поисковую группу, и мы приступили к прочесыванию необъятного Марманетского леса, чтобы найти пропавшего.

Среди покрытых лесами склонов горы Марманет имеются открытые плато. У большого дерева на одной из этих возвышенностей мы нашли останки Абейи. Тело было объедено гиенами и хищными птицами, но нам удалось опознать его по черепу. Все признаки говорили за то, что Абейя был убит другим местным жителем. У него было сломано несколько ребер, как от ударов

дубинкой. Кроме того, мы увидели длинный косой надрез на двух костях, напоминавший след от копья.

Ружье и патроны пропали. Естественно, что зверь не мог унести ружье следопыта. Я доложил обстоятельства инспектору Джею из местной полиции.

В то время в этом районе скрывалось несколько человек, находившихся вне закона. Эти люди нападали на местные деревни и грабили их. Ружье с патронами, попавшее в их руки, очень осложняло положение. Инспектор прибыл на место, чтобы осмотреть останки Абейи.

Охотясь, следопыт вырыл маленькую ямку под деревом, где он лежал, поджидая проходящих буйволов. Однако у места его гибели не было ни признаков борьбы, ни следов буйвола. Можно было почти не сомневаться, что Абейя — жертва нечестной игры.

Инспектор Джей решил осмотреть кустарники на много миль вокруг, чтобы проверить, нет ли другого объяснения гибели следопыта. Из Томсонс-Фоллс были вызваны местные констэбли (из полицейских отрядов Аскари). Вместе со своими следопытами в поиски включился и я. Однажды утром большая группа полицейских, следопытов и местных жителей собралась у дерева, где мы нашли тело несчастного Абейи. Разделив людей на небольшие группы, мы стали прочесывать кустарники.

Поиски длились около двух часов или немного более, когда один из местных жителей сообщил, что он обнаружил труп крупного буйвола. Я пошел вместе с ним к этому трупу. Вся земля вокруг буквально кишела африканскими муравьями, которые поедали его. Насекомые были очень возбуждены и готовы напасть на любого, кто подойдет на пять ярдов к их добыче.

Я сказал местным жителям, чтобы они вырезали длинную палку и перевернули труп буйвола. Когда они

это сделали, я заметил дырку в ребре буйвола. Бросившись сквозь строй кусавших меня муравьев, я вытащил ребро и быстро вернулся. Я хотел узнать, не результат ли это попадания восьмимиллиметровой пули? Наши следопыты были вооружены восьмимиллиметровыми нарезными ружьями.

Пуля точно вошла в отверстие. Зная, что раненый буйвол обязательно прячется в чаще, а затем поворачивается головой к охотнику, я сказал следопытам, чтобы они развернулись и осмотрели местность в направлении, куда была обращена голова буйвола. В нескольких сотнях ярдов они обнаружили бревно, на котором были следы крови. Осмотрев следы, я уже не сомневался в том, что именно здесь буйвол напал на Абейю. В нескольких футах от бревна в высокой траве я обнаружил пропавшее ружье. В казеннике был невыстреленный патрон, который не был введен до конца. Рядом лежала одиночная стреляная гильза.

Затем я осмотрел каждый фут земли между бревном и деревом, под которым мы обнаружили Абейю. По пути я нашел все остальные патроны следопыта, которые лежали в траве на некотором расстоянии друг от друга. Я также обнаружил пятно запекшейся крови, смешанной с водянистой жидкостью, которая текла из раненного в желудок животного. На основании данных, обнаруженных в лесу, я воспроизвел картину. Из своего места под деревом Абейя дал выстрел по проходившему мимо буйволу, попав ему в желудок. Раненый зверь побежал через кустарник, оставляя за собой следы крови, а Абейя пошел за ним. Раненый буйвол, устроив засаду, внезапно напал на следопыта, когда тот смотрел на следы, Абейя дал выстрел, но не убил буйвола. Прежде чем ему удалось перезарядить ружье, буйвол настиг его. Он ударил Абейю о бревно, сломав ему ребра, а затем погиб сам. Смертельно раненый

Абейя приполз к своей ямке под дерево и там умер. По пути оставшиеся у него в кармане патроны выпали.

Оставалось только объяснить удар копьем на его ребрах. По характеру ранения я определил, что оно не сделано рогами буйвола. Осмотрев внимательно бревно, я обнаружил выступающий крепкий сучок с острым концом. Этот сучок был покрыт спекшейся кровью. Буйвол бросил Абейю на сук, который пронзил его, как короткая шпага.

Когда я впервые увидел тело Абейи, я готов был поклясться, что следопыт убит местными жителями. К счастью, благодаря здравому смыслу инспектора Джея вопрос был внимательно изучен и тайна разгадана. Я все еще считаю этот случай самым необычным стечением обстоятельств, с которыми мне приходилось сталкиваться в кустарнике.

Я думаю, что африканский буйвол — одно из самых свирепых животных и является достойным противником. Я уверен, что, как правило, гибель охотников — следствие двух причин: или охотник настолько увлекается поиском следов раненого буйвола, что забывает смотреть вперед, или же упорно отказывается пользоваться крупнокалиберным ружьем: ударная сила относительно легкого ружья недостаточна для того, чтобы остановить нападающего зверя.

Я уже говорил о своем отрицательном отношении к легким ружьям при охоте на крупного зверя. Боюсь, что читатель сочтет меня в некотором роде фанатиком. Но мне навсегда запомнился случай, когда из-за упорного нежелания охотника-спортсмена пользоваться более тяжелым ружьем при охоте на крупных зверей мне пришлось пережить самую тяжелую личную утрату за всю мою жизнь в Африке. Два человека поплатились своими жизнями только за то, что охотник боялся отдачи тяжелого ружья.

Упомянутый охотник был принцем одного из европейских королевских домов. Имени называть не собираюсь. Мне пришлось сопровождать его вместе с моим близким другом и товарищем Киракангано — представителем отважного племени масаи.

В этот раз с принцем был еще один местный житель, который держал наготове запасное ружье для него. Этот заряжающий был очень самонадеянным человеком и считал себя величайшим следопытом. В действительности он очень мало смыслил в охоте.

Закончив удачную охоту на львов, мы уже собирались покинуть этот район. Вдруг принц увидел несколько буйволов-самцов, пасшихся у опушки зарослей, и загорелся желанием во что бы то ни стало убить хоть одного буйвола. У него было ружье калибра 416 — отличное оружие для охоты на львов.

Киракангано, заряжающий принца, его высочество и я подкрались к буйволам. Прячась за небольшим кустарником, мы приблизились к ним на 80 ярдов. Принц не торопясь прицелился и выстрелил по рослому буйволу-самцу. Буйвол упал, но сразу же вслед за выстрелом мимо нас пробежал еще более замечательный буйвол. Принц сделал второй выстрел, и по звуку я понял, что пуля попала в желудок. Раненый зверь бросился в кусты и исчез.

Я решил преследовать зверя вместе с Киракангано, чтобы добить его. Однако принц настаивал на том, чтобы идти вместе с нами. Он заявил, что если он не убьет буйвола, то трофей для него не будет представлять никакого интереса. К сожалению, я уступил его желанию, и мы вошли в заросли. Едва мы прошли ярдов пятнадцать, как Киракангано показал нам буйвола, который прятался в группе кустов. Я попытался показать животное принцу, но он не мог разглядеть буйвола. Пока мы шептались и

жестикулировали, буйвол, по-видимому, понял, что обнаружен. Он повернулся и побежал глубже в кусты.

Теперь зверь уже знал, что его преследуют охотники, и наверняка был настороже. Мы последовали за ним в густые заросли. Киракангано шел по следу, а я рядом с ним, держа ружье наготове. Принц шел за нами, а за ним — сопровождающий его заряжающий с запасным ружьем. При мне было мое нарезное ружье Джеффри калибра 500, а у Киракангано, как всегда, лишь копье — единственное оружие отважных моранов.

Заросли были настолько густые, что я ничего не видел сквозь плотную верхнюю листву. Несколько раз до нас доносился резкий запах буйвола. Это означало, что он поджидал нас в засаде. Каждый раз я ложился на живот, надеясь между непокрытыми листвой стволами увидеть ноги животного. Однако буйвол всегда замечал меня и убегал первым, издавая хриплое мычание побежденного, но злого животного.

Это преследование начало сказываться на нервах принца. Хотя вначале он буквально горел желанием покончить со зверем, но вдруг заявил:

— У меня странное предчувствие, что-то должно случиться. Выведите меня отсюда.

Я только пожалел, что предчувствие у его высочества появилось не до, а после того, как он ранил буйвола в живот своим относительно легким ружьем. Однако теперь мне ничего не оставалось, как вывести его из кустарника. Я оставил Киракангано и местного охотника, несшего запасное ружье принца, на месте, предупредив их, чтобы они не предпринимали никаких действий до моего возвращения.

Справа я увидел просвет в кустарнике — мы находились вблизи открытой равнины.

Выведя принца на открытое место, я пошел обратно, чтобы продолжить преследование буйвола.

Пройдя примерно половину расстояния до того места, где я оставил обоих охотников, я услышал выстрел. На какой-то короткий миг все затихло. Затем послышался рев разъяренного буйвола. Мне хорошо известен смысл резкого, громкого и яростного рева: так буйвол ревет только тогда, когда вонзает рога в свою жертву. Буйвол напал на моих товарищей. Как одержимый, я бросился сквозь спутавшиеся ветки дикого шиповника. Ползучие растения, словно арканы, обвивали меня. До меня доносились глухие удары рогов буйвола. Я совершенно обезумел. Пробиваясь сквозь заросли, я вырывал с корнями обвивавшие меня лозы. Когда я, наконец, прорвался через кустарник, перед моими глазами открылась страшная картина: стоя на коленях, буйвол рогами рвал неподвижное тело Киракангано. Зверь настолько увлекся, что заметил меня только тогда, когда я очутился на расстоянии менее пяти ярдов от него. Тут он вскочил на ноги. Пока он поднимался, я всадил ему пулю в плечо. Удар тяжелой пули отбросил его на Киракангано. Вся тяжесть огромной туши лежала на нем.

Я попытался стащить размокшую, вспотевшую тушу с тела моего умирающего друга, но едва мог сдвинуть ее. Я лег на спину и, упираясь ногами в туловище мертвого быка, старался столкнуть его, пока не содрал кожу собственных плеч. Ничего не помогло. Тогда я схватил молодое деревцо обеими руками, и обхватив ногами шею буйвола, старался подтянуться вместе с тушей к дереву. Я даже ухватил деревцо зубами, чтобы крепче зацепиться. И все же мне не удалось освободить тело Киракангано. Мой друг уже пришел в сознание, и мне легко было представить себе, как он страдал. Но он не жаловался и даже не стонал.

Я кричал, зовя принца на помощь. Казалось, время шло бесконечно медленно, прежде чем он робко появился в зарослях кустарника. Взявшись вместе за

хвост буйвола, мы, наконец, оттащили тушу в сторону. Храбрый масаи был сильно помят рогами и передними копытами буйвола. Он сломал два пальца, пытаюсь схватить животное за губы.

Чтобы облегчить его страдания, я тут же сделал ему инъекцию морфия в четверть грана^[37].

Через несколько минут ему, видимо, стало легче.

Прежде всего он спросил:

— Заряжающий мертв? Если он жив, дай я его убью, пока у меня еще есть силы.

Заряжающий был непосредственным виновником трагедии. Киракангано рассказал мне, что после того, как я покинул их, охотник, несший запасное ружье принца, вопреки моим указаниям и протестам Киракангано пошел вперед. Вскоре он наткнулся на лежавшего буйвола и выстрелил в него. Буйвол с ревом вскочил и бросился на охотника. В ужасе он побежал в направлении Киракангано, по-видимому, надеясь, что буйвол бросится на масаи. Едва он успел добежать до Киракангано, как зверь настиг его. Буйвол с такой силой поддел его сзади, что он полетел, как пушечное ядро, и сбил Киракангано с ног. У Киракангано даже не было возможности воспользоваться своим копьем, когда буйвол налетел на него.

Я пошел искать заряжающего. Тело охотника я нашел правее в шести ярдах от Киракангано. Он лежал на спине, высунув язык. Я поднял с земли размякшее тело охотника. Голова его моталась, так как шея оказалась сломанной в двух местах от удара, нанесенного буйволом. Буйвол ударил его своим черепом.

Охотник был еще жив.

— Маджи!^[38] — выдавил он.

Я взял флягу и попытался влить ему в рот несколько капель, но вода вытекла из уголков его рта. Вскоре я

почувствовал, что он перестал дышать. Больше ему не пришлось охотиться.

Когда я сказал Киракангано, что он мертв, его лицо озарилось слабой улыбкой. Подойдя к буйволу, я обнаружил, что копье Киракангано глубоко вонзилось в плечо животного. Я подумал, что Киракангано все же удалось нанести буйволу удар. Но он мне сказал, что буйвол сам напоролся на копье, когда опустился на колени, чтобы рвать его рогами.

Я вернулся в лагерь и приказал носильщикам подвести автомобиль к опушке кустарника. С их помощью мы вынесли Киракангано и убитого охотника к машине. До ближайшего врача было по меньшей мере сто миль по страшным рытвинам и глубоким колеям дороги. Я сел рядом с Киракангано, а принц вел машину. Полил дождь. Путь стал скользким и еще более трудным. Примерно на полпути машина застряла в глубоком овраге. Принц попытался въехать по крутому раскисшему склону, но машина каждый раз съезжала обратно. Тело мертвого охотника все время ударялось об меня. Я старался держать Киракангано на руках, чтобы как-то уберечь его от толчков. При виде страданий Киракангано каждый толчок больно отзывался на моих нервах.

Наконец, нам удалось выбраться из оврага, и мы продолжили путь. Когда наша машина проезжала мимо дикого африканского кабана с необычайно красивыми клыками, умирающий масаи обратил на него мое внимание. Даже умирая он оставался охотником. Он говорил со мной о своей жене, о детях, понимая, что больше их не увидит. Я попытался подбодрить его, уверяя, что мы скоро снова будем охотиться вместе; Киракангано в ответ только улыбнулся: он знал, что умрет.

Ночью мой друг скончался. Это был храбрый человек, большой мастер-следопыт, истинный сын

Африки. Единственным слабым утешением для меня было то, что Киракангано умер, как мечтают умереть многие масаи: был убит благородным диким зверем во время охоты. Я рад, что копье его было в крови, хотя и в силу случайности. Не думаю, чтобы Киракангано хотел умереть с чистым копьем

Глава одиннадцатая

Лес Итури

Большая часть моей жизни в Африке прошла в негустых зарослях кустарника и в необъятных равнинах высокогорного района, получивших название «Территория белого человека». Однако мне пришлось познакомиться и с джунглями. Я не хотел бы жить в этих темных глубинах, но должен признать, что и они обладают своим очарованием. Истинные джунгли полны таинственности. Это земля вечных сумерек. Здесь живут малорослые лесные жители — пигмеи, обитают странные звери, с которыми не приходится встречаться в открытой местности. Я с радостью сопровождал экспедицию в джунгли, поскольку она таила в себе те же соблазны, что и дом с привидениями. Но еще больше я радовался, когда экспедиция кончалась и я возвращался в Кению.

В тридцатые годы меня выбрали проводником экспедиции в великий лес Итури — обширный район, пересекающий всю северо-восточную часть Бельгийского Конго. Экспедиция была послана Лондонским Кенсингтонским музеем во главе с доктором Р. Аккройдом. В то время очень небольшое число экспедиций отправлялось в Итури, а доктор Аккройд желал привести в Лондон коллекцию флоры и фауны этого района.

Я встретил доктора Аккройда в городе Кампала, расположенном в Уганде, примерно в 180 милях к востоку от границы Бельгийского Конго. Доктор Аккройд произвел на меня очень благоприятное впечатление. Это был мужчина средних лет с

приятными манерами, готовый к любым неожиданностям.

Несколько позже он показал себя отличным знатоком природы. Я рассказал ему, что мне уже приходилось бывать в Конго, куда я сопровождал охотников-спортсменов, желавших подстрелить экземпляр небольшого по размерам, но чрезвычайно злобного красного буйвола, обитающего в лесных районах. С самым же лесом Итури я был почти не знаком. Доктор Аккرويد слушал меня, кивая головой. Он сказал:

— Предвидя эту возможность, я взял в проводники весьма квалифицированного человека; его фамилия Безеденхоут. Вы, вероятно, слышали о нем. Этот человек впервые заснял диких окапи^[39]. Мне удалось связаться с ним, и он согласился провести нас в лес.

Я познакомился с Безеденхоутом днем позже. Это был худой жилистый человек с очень светлыми волосами и необычайно острыми голубыми глазами. Безеденхоут был голландцем, как и мой спутник по сафари в Серенгети-Фурье. Насколько я понял, Безеденхоут вел тяжелую и не слишком респектабельную жизнь. Поговорив с ним, я убедился, что он прекрасно знает лес Итури и может провести нас через него. Я спросил его об известных фотографиях окапи (окапи весьма любопытное животное, состоящее в родстве с жирафом, но гораздо меньше его по размерам и с более короткой шеей). Безеденхоут рассказал мне: чтобы снять окапи, ему пришлось ползти на четвереньках по джунглям, накрывшись шкурой дикого кабана. Во время рассказа он улыбался, и я понял, что он что-то не договаривает. Однако я не стал настаивать, чтобы он вдавался в подробности.

Мы прошли на восток через Уганду и прибыли в расположенную на реке Семилики деревню Мберемюль

— ворота в Бельгийское Конго. Оба берега реки охранялись вооруженными туземными солдатами. Наши паспорта проверял бельгийский префект полиции. Когда дело дошло до проверки паспорта Безеденхоута, префект задержался и стал внимательно проверять документ. Я оглянулся на нашего проводника, надеясь, что он объяснит мне странное поведение префекта. Однако он исчез, как клуб дыма. Бельгиец оторвался от паспорта и заявил:

— Этот паспорт поддельный, и я не могу разрешить въезд. Кто этот человек?

Доктор Аккройд описал Безеденхоута, и префект чуть не подпрыгнул со своего стула.

— Да это же один из самых заядлых браконьеров, промышлявших слоновой костью в Африке! — воскликнул он. — Во время своего последнего пребывания на территории Конго он убедил наших туземных солдат дезертировать и участвовать вместе с ним в браконьерской охоте на слонов с помощью винтовок военного образца. Он составил себе целое состояние из добытой слоновой кости. Он заставил своих носильщиков вплавь переправить добытую кость через реку в Уганду. Мы никогда не допустим его въезд в Конго.

Ширина реки Семилики составляет 40 ярдов, глубина ее восемь футов, и она буквально кишит крокодилами, — я никак не мог отнестись с доверием к заявлению префекта. Оба мы — и доктор Аккройд и я — стали просить префекта за Безеденхоута. Мы обещали взять на себя полную ответственность за поведение голландца на бельгийской территории. Доктор Аккройд подчеркнул, что он не сможет собрать коллекцию фауны без помощи Безеденхоута. К счастью, префект не был неблагоразумным человеком и понимал научное значение экспедиции. В конце концов, скрепя сердце, он дал согласие на допуск Безеденхоута на территорию

Бельгийского Конго, строго оговорив, что тот будет постоянно находиться под наблюдением доктора Аккройда и покинет территорию страны вместе с нами.

Мы перешли реку. Проходя мимо префекта, Безеденхоут вежливо раскланялся с ним. Затем мы направились в Мбогу, расположенную примерно в пятнадцати милях от границы. Я спросил Безеденхоута, насколько правдива история об охоте на слонов. Он заверил меня, что все это правда.

— Когда я достиг реки Семилики, полиция буквально преследовала меня по пятам, — сказал он. — Крокодилы представляли большую опасность, но, стреляя по воде, мне удалось в течение некоторого времени не подпускать этих зверей к переправе, дав возможность носильщикам перейти через реку.

Безеденхоут, несомненно, был находчивым и решительным человеком. В Мбоге мы наняли 80 носильщиков. Это был очень хороший народ. Мы платили им по франку в сутки (то есть примерно один пенс английскими деньгами). За эти деньги носильщики должны были нести на голове груз в 40 фунтов от восхода до заката. Разбив лагерь, наиболее опытные охотники производили разведку и докладывали о диких зверях.

Неприятности возникли у нас только один раз, когда люди обнаружили, что для сохранения экземпляров доктор Аккройд везет с собой несколько жбанов с денатуратом. Они вскрыли эти жбаны и устроили благородную пьянку. Двое умерли. С тех пор к денатурату никто не прикасался.

Когда наша экспедиция была полностью укомплектована, мы покинули Мбогу и направились на запад.

Во второй половине дня наш сафари достиг опушки леса. Я был поражен величиной исполинских деревьев. Во влажной тени росли пышные папоротники и целые

заросли огромных кустов адиантума, который часто разводится в горшках как комнатное растение. В щелях стволов, покрытых ползучими растениями, тысячами виднелись прекрасные орхидеи всех оттенков — от розового до нежно-белого. На ветвях качались черно-белые обезьяны колиби. Они изучали нас так же, как это делают обезьяны любой породы.

Мы разбили лагерь у чистого прозрачного ручейка, который напоминал мне шотландские горные ручьи с каскадами водопадов. На следующее утро под руководством Безеденхоута мы углубились в лес.

Внутренняя часть леса Итури удивительно свободна от всякого подлеска. Тут нет ни крапивы, ни колючего шиповника. По этому лесу, состоящему из огромных деревьев, можно пройти, как по парку. Верхние ветви образуют очень густые кроны, и света через них проникает так мало, что мелкие растения не могут расти. Мы испугнули небольшую стайку лесных цесарок, которые взлетели на нижние ветви большого дерева. Птицы сидели настолько высоко, что дробовым ружьем их нельзя было достать. Пару птичек я убил из легкой винтовки и был чрезвычайно удивлен, увидев, что они принадлежат к разновидности, мне неизвестной, хотя по весу и размерам были такими же, как их собратья в Кении.

Лишь через несколько дней, проведенных в лесу Итури, мы встретились с представителями лесного народа — пигмеями. Вообще-то мы знали, что они постоянно следили за нами. Если нам случалось по какой-нибудь причине идти назад по своим следам, мы обнаруживали отпечатки их маленьких ног на наших следах; изредка мы замечали мелькнувшую в темноте леса тень, которую никак нельзя было принять ни за птицу, ни за зверя. Мне показалось, что эти маленькие люди просто пугливы. Однако Безеденхоут объяснил, что пигмеи принимают нас за сборщиков налогов. При

колониальном правительстве туземцы облагаются налогами, как и все другие. Однако сбор налогов с этих тенеподобных маленьких людей представляет собой очень трудную задачу. Поскольку у них нет денег, они вносят плату козами.

— Я могу их вызвать, как только пожелаю, — заявил Безеденхоут гордо. — Я единственный человек во всем свете, который может это сделать. — Я — король пигмеев!

Слова его казались величайшим хвастовством, но вскоре я убедился, что это была чистая правда.

Однажды вечером Безеденхоут ушел в кустарник и вернулся с двумя маленькими человечками, вооруженными миниатюрными луками, соразмерными их росту. Их заросшие волосами лица буквально сияли, когда Безеденхоут вспоминал о прежних посещениях леса. Через час десятки пигмеев потоками стали прибывать из леса и присоединяться к группе. Они жали нам руки и плясали, ликуя по случаю того, что Безеденхоут — их божество — вернулся.

Кроме Безеденхоута, мы были первыми белыми людьми, которых многие из них видели. Они толпились вокруг нас, гладили наши руки, щупали одежду. Пигмеи непрерывно задавали нам вопросы, иногда довольно оригинальные. Я вспоминаю, как один старичок спросил меня — снятся ли белым людям сны? Я заверил его, что снятся, и он был очень удивлен.

— Я думал, что мы — единственный народ, которому доступно это, — заявил он.

Как многие первобытные племена, пигмеи с удовольствием встречают охотников, которые могут добыть для них мясо. Старики, которые давно перестали охотиться, попросили меня подстрелить несколько обезьян. Обезьянье мясо — их любимое блюдо. Ветви деревьев настолько густо переплетены, что подстреленная обезьяна часто не падает на землю,

а застревает в развилке или сплетении. Молодые пигмеи с большим искусством доставали их. Прежде чем подняться по деревьям, они вглядываются вверх, пока точно не определят место, где застряло убитое животное. После этого ловко взбираются по могучим лозам. Стрелы, выпущенные из маленьких луков пигмеев, не долетали до цели. Время от времени маленькие охотники подкрадывались к группе обезьян, когда те спускались на землю.

Пигмеи не занимаются сельским хозяйством; они добывают себе пищу исключительно охотой и трапперством^[40]. Их стрелы отравлены веществом, добытым из сгнивших тел насекомых. По виду яд напоминает желтую горчицу, и хотя он сильно действующий, смертельным не является.

Большая часть добычи ловится при помощи различного рода ловушек. Некоторые части леса представляют собой целую сеть таких ловушек, расставленных на земле и на деревьях. Ловушки, установленные на деревьях, состоят из копий, утяжеленных крупными бревнами и подвешенных к ветвям острием вниз над звериными тропами. Поперек тропы протягивается лоза, которая подсоединяется к копьё с помощью хитроумного спускового устройства. Стоит проходящему по тропе животному коснуться лозы, как в него впивается копьё. Ловушки на земле представляют собой ямы, покрытые легкими матами из ветвей и листьев. В дно ямы воткнуты заостренные палки, чаще всего отравленные. Если животное наступит на такой мат, оно проваливается и напарывается на палки. Не только слоны и буйволы, но даже пугливые окапи гибнут от этих приспособлений. Ловушки представляют собой постоянную угрозу для охотников, идущих по звериной тропе. Поэтому

Безеденхоут, пока мы находились в лесу, взял в проводники нескольких пигмеев.

Пигмеи не убивали животных без разбора или ради спорта. Они ловили столько, сколько им было необходимо для пропитания или обмена. Они смотрят на лес, как другие местные жители смотрят на возделываемые ими поля. Я всегда думал об окапи, как о чрезвычайно редком и самом пугливом животном из всех африканских зверей. И я с удивлением заметил, что пигмеи употребляли мясо этих животных в пищу столь же часто, как мы употребляем конгони или газель Томсона. Я попробовал есть окапи, но вкус их мяса мне не особенно понравился. Наши носильщики с удовольствием ели окапи, так как не отличали это редкое мясо от мяса других часто встречающихся диких животных.

Пигмеи сами изготавливают свои копья и наконечники стрел. В каждой деревне имеется свой собственный кузнец, которому его профессиональное искусство передается по наследству из поколения в поколение. Кузнечные меха делаются из шкуры антилопы. Даже с нехитрыми инструментами кузнец умудряется изготовить удивительно хорошие вещи.

Пигмеи живут маленькими деревнями, рассеянными по всему лесу. Их хижины похожи на пчелиные улья; сделаны они из веток кустарника и листьев. Поскольку рост взрослых пигмеев всего четыре фута, хижины соответствуют этому росту. Настоящие пигмеи, обитатели лесов, редко покидают джунгли, за исключением тех случаев, когда они ведут торговлю с другими племенами, которые живут на территории кустарниковых зарослей на окраине леса Итури. Эти обитатели кустарников несколько большего роста, нежели истинные пигмеи — обитатели лесов, они охотно меняют соль и бананы на мясо и шкуры, которые приносят маленькие лесные охотники.

Безеденхоут рассказал мне, что у пигмеев самые высокие моральные устои из всех народов, с которыми ему приходилось сталкиваться.

— Женщины пигмеев — единственные женщины, независимо от расы черной или белой, которых мне ни разу не удалось соблазнить, — заметил он однажды.

Это было действительно высокой данью моральным устоям маленького народа, поскольку Безеденхоут пользовался славой султана среди женщин. Он был необычайно красивым мужчиной, и его окружал ореол таинственности, который делал Безеденхоута неотразимым. Пигмеи не продают своих женщин другим племенам, а маленькие женщины в буквальном смысле слова предпочитают смерть бесчестью, история, которую я привожу ниже, подтверждает это.

В лесу Итури водится множество слонов, бивни этих слонов очень высокого качества. Здесь слоновая кость отличается особой мягкостью, что значительно повышает ее ценность. В старое время промышленники из различных мест прибывали в Итури за слоновой костью. Это было пестрое сборище. Некоторые были хорошими людьми, а иные немногим отличались от людей, находящихся вне закона. Один из последних, англичанин, блондин, ростом футов в шесть, встретил в лесу девушку пигмейку и попытался ее поймать. Девушка бежала, а мужчина ее преследовал. Это была, должно быть, странная картина — крохотная женщина, убегавшая, как напуганный дукер, от возбужденного великана-чужестранца, который вот-вот настигнет ее. Девушка не растерялась и направилась к одной из многочисленных ям-ловушек в лесу. Малютка, весившая не более 75 фунтов, легко пробежала по легкому покрытию, а великан провалился и погиб от ран, нанесенных заостренными палками в яме.

После того как установились дружественные отношения с пигмеями, нам удалось привлечь их в

качестве охотников для сбора коллекции доктора Аккройда. Местных жителей всегда удивляет, почему белые люди проходят столь большие расстояния и преодолевают так много трудностей лишь для того, чтобы добыть несколько шкурок змей, млекопитающих, птиц или насекомых? Поскольку местные жители употребляют всех этих животных в пищу, они представляют себе, где можно добыть те или иные экземпляры. Для пигмеев соль — любимое лакомство: в лесной пище ощущается острый недостаток этого вещества. Подарив пигмеям несколько горстей соли, мы тем самым заручились их полной поддержкой. Собравшись вечером вокруг костра, мы объяснили маленьким охотникам, что хотелось бы нам получить, и, судя по их восторженным жестам, можно было считать, что коллекция уже собрана и к ней можно привешивать ярлычки.

Я вскоре обнаружил, что пигмеи буквально загорелись желанием помочь нам. Стоило нам упомянуть то или иное животное, маленькие охотники радостно обещали добыть его, даже если они его ранее не видели и ничего о нем не слышали. При мне был экземпляр книги Роулэнда Уорда «О рекордных трофеях крупных диких зверей». В ней были иллюстрации диких животных всего мира. Я стал перелистывать страницы этой книги, чтобы показать пигмеям, какие нам требуются животные. Маленькие охотники проявляли такую готовность помочь нам, что даже показывали на изображение американского лося и шотландского рогатого оленя, спрашивая при этом, не желаю ли я получить один или два экземпляра этого животного. Кульминационный момент наступил, когда я перевернул страницу с изображением арктического моржа. Самый маленький из охотников пальцем показал на картинку и заявил:

— Мне этот зверь прекрасно знаком, он живет в самой глубине леса и появляется только ночью. Он страшно злой и убивает людей своими огромными бивнями, после чего питается их мясом. Но если вы желаете, я его для вас поймаю.

Исследователи, которые проникали в глубину леса Итури, часто возвращаются, начиненные рассказами, услышанными от пигмеев, о необычных зверях: от динозавров до медведей-людоедов, которые якобы обитают в джунглях. Я подозреваю, что этих зверей в лесу Итури не больше, чем моржей. Однако до недавнего времени исследователи не верили рассказам пигмеев об окапи, хотя это странное животное нередко встречается в некоторых районах. Определить, насколько правдивы рассказы местных жителей — деликатная и трудная задача.

Хотя моржа пигмеи не добыли, они тем не менее оказали нам большую помощь. Среди добытых экземпляров имелись шкуры окапи и летающей белки. Я проявлял особый интерес к шкуркам выдры — это был прекрасный мех с необычным пятнистым брюшком. Пигмеи носят эти шкурки в качестве одежды, и ни одна принцесса в мире еще не обладала пелериной из столь красивого меха. Чаще всего шкура снимается с животных при помощи надреза брюшка. Однако пигмеи снимали шкурки выдры, разрезая их на спине, чтобы сохранить красивую пятнистую часть брюшка. Мы поймали несколько таких выдр в пружинные капканы, поставленные у водопадов, куда эти зверьки приходят по вечерам ловить рыбу.

Большинство добытых нами пресмыкающихся были змеи. Маленькие люди приносили пресмыкающихся в корзинках из травы, устанавливая их рядами у входа в укрытие. Одна из наиболее часто встречающихся змей походила по размерам на южноафриканскую гадюку, но красивая, пурпурного оттенка окраска делала ее менее

отвратительной. Я выпустил двух из этих рогатых гадюк на пол и стал дразнить их палкой, чтобы увидеть, как они наносят удар. Одна из них отказалась реагировать на палку и попыталась попросту ускользнуть. Но стоило мне только дотронуться до другой, как она в мгновение ока свернулась и нанесла удар. Пигмеи наверняка должны были обладать большим искусством, чтобы живьем ловить этих гадюк без вреда для себя. Кроме того, пигмеи доставили нам много плюющихся кобр. Это гораздо более опасные змеи, чем обычные гадюки. Стоило их подразнить, как они вставали на хвост, раздували капюшон, как делают обычные кобры. Эти ужасные змеи могут пускать струю яда. Попадая на кожу, этот яд особого вреда не причиняет, если на ней нет пореза. Однако змея достаточно умна, чтобы целиться в глаз. Попадание яда в глаза очень болезненно и часто приводит к слепоте. Змея откидывает голову назад и направляет клыки на жертву, затем она быстро сокращает мышцы гланд с ядом, и желтая жидкость двумя тонкими струйками вылетает из клыков. К сожалению, эти гадюки меткие стрелки.

Я произвел некоторые опыты с этими кобрами, прикрыв лицо стеклом. В первый раз змея пускает струйку на девять футов; если подразнить змею вторично, то она бросит яд на пять футов, а в третий раз — небольшую капающую струйку.

Однажды, бродя по джунглям вместе с пигмеями, я увидел, как один из охотников внезапно бросился назад, схватившись рукой за левый глаз. Почти в то же мгновение между папоротниками скользнула зелено-черная тень кобры. Я тут же понял, что случилось. Легконогий охотник, шагая босиком по мягкой земле, попал на плюющуюся кобру еще до того, как змея почуяла его приближение. Испуганная кобра мгновенно встала на хвост и пустила свой яд в маленького

охотника, попав ему в левый глаз. Тяжелый на поступь белый человек, возможно, избежал бы этого несчастья, так как змея учуяла бы его приближение и своевременно ускользнула. Я не имел представления о том, как помочь пигмею. Однако его друзья гораздо быстрее меня сообразили что сделать, и применили весьма необычное противоядие: двое из них уложили его на спину и с силой прижали к земле. Его глаз налился кровью, и слезы текли по щекам. Затем, к моему ужасу, другой пигмей помочился прямо в глаз несчастного. После того как эта операция была закончена, пострадавший встал и мы молча вернулись в лагерь. На следующее утро мне сказали, что пострадавшему еще раз сделали такое же вливание ночью. В течение трех дней у него полностью восстановилось зрение. Пигмеи уверяли меня, что без этого лекарства он бы наверняка ослеп. Я могу только предположить, что аммиак и кислота, содержащиеся в моче, оказали желательное лечебное действие.

В сопровождении проводников-пигмеев я совершил несколько выходов в лес. Лес Итури — изумительное место. Огромные лозы и лианы свисают с величественных деревьев, образуя укрытия для летающих белок. Зверьки бросаются сквозь сплетения висячих растений, совершая «прыжки со свистом». Кричащие попугаи поднимаются вверх, используя свои клювы для того, чтобы пробраться сквозь ветви. Красивые птички колибри мелькают в сумерках, ловя миниатюрных насекомых среди пышных орхидей. Огромные бабочки величественно проплывают между стволами деревьев, собираясь десятками на слоновьем помете. Человек может потратить всю свою жизнь, изучая жизнь фауны на одной квадратной миле джунглей.

Мы не полностью зависели от пигмеев в добыче экземпляров, и много охотились сами. Мы обнаружили,

что мелких животных и птиц можно выкуривать из сплетений ветвей при помощи дымовых шашек. Кроме того, мы выставляли пружинные капканы для поимки полевок и других мелких грызунов. Однажды в один из капканов попала мамба — одна из самых опасных африканских змей, укус которой смертелен. Мамба — очень тонкая змейка, не толще большого пальца человека в обхвате, и чрезвычайно быстрая. Длина пойманной мамбы достигала 10 футов. Змея охотилась на полевок и попала в капкан. Стремясь освободиться от него, она взрыла землю вокруг и в конце концов попала еще в два капкана. В результате змея издохла.

Пигмеи принесли нам немало слоновых бивней, снятых со слонов, погибших в ловушках или же умерших естественной смертью. Они просили всего-навсего горсть грубой соли — на пенс соли за клык весом в двадцать и более фунтов. Мне стало понятно, почему охотники, промышлявшие слоновой костью, добивались такого успеха — они пользовались услугами жителей леса.

Я собрал довольно большую кучу слоновой кости. Когда мы покидали лес, я зарыл бивни, надеясь возвратиться за ними, но когда я позже попросил лицензию на вывоз слоновой кости, бельгийский чиновник сказал, что мне потребуется патент на торговлю слоновой костью стоимостью в 25 тысяч франков. Этот патент достать нелегко. Чиновник посоветовал мне забыть о слоновой кости, что я и сделал.

Мне никогда не приходилось охотиться на окапи, а я хотел добыть трофеи для доктора Аккройда, в особенности потому, что шкурки, доставляемые пигмеями, были сильно порезаны. Жители джунглей смотрят на окапи, как на обычное животное, и мало обращают внимания на то, как снимается с него шкура.

Однако Безеденхоут заверял меня, что окапи очень пугливое животное, и добыть его почти невозможно.

— Думаю, что ни одному белому человеку еще не удавалось застрелить окапи, — сказал он мне. — Охотники, которые возвращаются с шкурами окапи, получают их от пигмеев. Даже пигмеям в редких случаях удается подкрасться к окапи. Обычно они находят животных в своих ловушках. Бродя по лесу с пигмеями, я заметил естественный выход соли и по следам определил, что ночью там бывает немало животных. Я сказал носильщикам, чтобы они построили мне на дереве махан над этим местом, и в тот же вечер устроился в нем. Москиты превратили махан в камеру пыток. Эти зловредные насекомые обладают каким-то особым умением обнаружить даже скрытого человека. Их постоянный металлический писк действовал на нервы, почти с такой же силой, как и их укусы.

Когда поднялась луна, к соли подошло стадо слонов. Слоны меня не интересовали. Долговязый молодой самец отошел от стада и побрел к дереву, на котором я сидел. Он стал тереться своим плечом о ствол дерева, по-видимому стремясь отделаться от досаждавшего ему клеща. Все дерево тряслось от каждого движения огромного животного, и мой махан стал потихоньку расшатываться. Мне вовсе не улыбалась перспектива приземлиться на спину животного, поэтому я дал выстрел в воздух, надеясь спугнуть его. Стадо дышало со свистом. После моего выстрела все смолкло. Даже лягушки в ближайшем болоте моментально перестали квакать. Однако стадо не обратилось в паническое бегство, как я того ожидал, а некоторое время стояло, застыв по стойке «смирно». Нег сомнения в том, что эти слоны еще не слышали ружейного выстрела и, по-видимому, пытались определить характер звука. Вдруг они повернули и медленно, в полном безмолвии ушли в лес.

До самого рассвета меня продолжали донимать москиты. После проведенного опыта я решил отказаться от охоты в лесу Итури, оставив это занятие для пигмеев.

Жители Северного Конго мне очень понравились. Это — добродушный народ, с которым легко иметь дело. Местные жители, с которыми мы встречались, не желали зла никому, кроме сборщиков налогов, и они много времени тратили на то, чтобы убить этих чиновников при помощи черной магии. Однако черная магия не помогала, иначе не осталось бы ни одного сборщика налогов.

Когда доктор Аккройд закончил свою работу, мы покинули лес Итури, направившись на северо-восток к Касиньи на западном берегу озера Альберта. Там мы сели на пароход, доставивший нас через озеро в Бутиабу — город, расположенный на восточном берегу. Здесь группа разделилась: доктор Аккройд и я вернулись в Найроби, а Безеденхоуг отправился по собственным делам.

Безеденхоуг был одним из самых необычных людей, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться в Африке. Он был умен и безжалостен и, возможно, достиг бы большой власти, если бы стремился к этому. Но этот человек не находил счастья, если на долгое время покидал джунгли и своих пигмеев. Безеденхоуг рассказал мне, что он однажды сопровождал графа с графиней через леса Игури, и графиня в него влюбилась. Однажды вечером она пришла к Безеденхоугу и уговаривала его бежать с ней.

— Мы можем проводить зиму в Ривьере, а лето — переезжая из столицы в столицу, — говорила она. — Я очень богата, и ты ни в чем не будешь нуждаться.

Безеденхоуг тщательно обдумал предложение, но в конце концов отказался.

— А что мне делать на Ривьере? — спросил он меня, — там ведь даже охотиться нельзя!

Мне было легко понять его.

В течение многих последующих лет у охотников, приезжающих из Конго, я постоянно спрашивал о Безеденхоуте. Однако он, по-видимому, исчез. Если он жив, я уверен, что он находится в глубине великого леса Итури со своими обожаемыми пигмеями.

Глава двенадцатая

Большая охота на носорогов в Макуэни

Посвящаю данную главу охоте, которая, несомненно, является самой большой охотой на крупного зверя, когда-либо предпринятой мною или кем-либо еще.

Эта охота была организована по просьбе племени вакамба, которое обратилось за помощью к комиссару района Макачос Джорджу Брауну. Основной задачей было — очистить земли для дополнительных поселенцев. Даже в освоенных районах носороги так быстро размножались, что стали оспаривать право местных жителей на их жилища и посевы.

После наступления темноты жители деревень боялись выходить из своих домов. Носороги представляли собой самую настоящую опасность.

Колючие кустарники, в которых укрывались носороги, чрезвычайно густы, и подкрадываться к носорогам очень трудно. Сколько хитрости нужно, чтобы охотиться в этих зарослях. Много раз мне приходилось жестоко расплачиваться за неосторожность: ветер и птицы-симбионты — эти пернатые шпионы носорогов — выдавали мое присутствие.

В конце концов я выработал довольно своеобразный метод. Я как можно ближе подкрадывался к зверю, а потом, не двигаясь с места, поводил плечом из стороны в сторону.

Хотите верьте, хотите нет, но заметившие меня носороги не выдерживали и бросались на меня, насколько им позволяли их проворные ноги, попадая

под выстрелы моего ружья. Такая охота требовала большого напряжения нервов

Прежде чем дать мне поручение, капитан Ритчи тщательно все продумал. Будучи энтузиастом и любителем природы, капитан Ритчи, больше чем кто-либо другой, старался сохранить поголовье диких зверей Африки. В связи с освоением новых земель возник вопрос о борьбе с мухой цеце. В районе Макачос есть две разновидности этой мухи — «паулипиды» и «длиннокрылки». Это насекомые размерами примерно с крупного слепня, а их укус напоминает укол раскаленной докрасна иглы. К счастью, эти мухи не заражали смертельной сонной болезнью, которая пагубна для человека. Однако они являлись носителями вируса, который убивал домашних животных; дикие животные не были восприимчивы к этому яду.

До настоящего времени ученые знают только один способ уничтожения этих насекомых. Мухи цеце живут в кустарнике, и если уничтожить кустарниковые заросли, то мухи лишаются места размножения. А для того, чтобы уничтожить кустарники, надо прежде всего выбить из них носорогов. Рабочие команды просто не могут работать в кустарнике, в котором водятся носороги.

Семь лет капитан Ритчи применял всевозможные меры, чтобы избежать массового уничтожения носорогов вблизи этого района. И понятно, что нигде в Африке не водилось столько носорогов, как в округе Макуэни района Макачос. Очищение его от носорогов представляло возможность для самой большой охоты на носорогов, какую только знала история.

Хотя мне часто приходилось сопровождать клиентов во время охоты на носорогов, да и самому приходилось охотиться на этих животных, я сознавал, что в данном случае положение полностью меняется. Охота ради трофеев почти всегда ведется в полуоткрытых местах,

где животное можно увидеть на довольно большом расстоянии и выбрать при этом хороший экземпляр. Если зверь скроется в чаще, охотник его преследует.

В помощь мне дали трех туземцев-следопытов, которые большую часть жизни провели в тюрьме за браконьерство. Одному из них перевалило за сорок. Потребовалось несколько минут, чтобы убедиться: передо мной был прекрасный следопыт, мастер своего дела. Второй помощник, более молодой, умел замечательно ловко взбираться на деревья. Это весьма ценное качество. Чтобы обнаружить зверя в кустарниках, довольно часто приходится взбираться на вершину большого дерева.

Он с гордостью заверял меня:

— Мне все равно — покрыто дерево сплошь колючками или же оно гладко, как тростник, буана. Взобраться на него составит мне не больше труда, чем вам пройти по дорожке. Даже бабуины мне завидуют.

Третий помощник был ростом чуть побольше мальчика, но отличался чрезвычайной ловкостью. Несмотря на то что у него не было такого опыта, как у двух других следопытов, я полагал, что он принесет нам большую пользу.

Все трое добровольно пошли ко мне в помощники, хорошо представляя себе опасность, связанную с этой охотой. Им, конечно, хорошо платили, но деньги были для них не главное. Впервые в их жизни появилась возможность научиться стрелять из ружья. Стоило заявить им о таком чуде, как глаза их загорались, а лица расплывались в счастливой улыбке. Как и я, люди эти посвятили всю свою жизнь охоте. Хозяйство, семья, деньги, личная безопасность — все это было второстепенным. Ничто в жизни не могло для них сравниться с тем волнением, которое переживает охотник, идущий в зарослях по следу крупного зверя.

Иногда я доходил до отчаяния, слушая их разговоры о том, что они будут делать со своими ружьями. Это были умные и опытные люди; я ничуть не сомневался в том, что двое старших следопытов значительно превосходили меня в своем мастерстве. Однако местному жителю требуются долгие месяцы мучительной тренировки, чтобы научиться пользоваться нарезным ружьем. Подсознательно каждый из них верит в то, что зверя разит не пуля, а звук выстрела. Они считают ружье столь чудесным инструментом, что никак не хотят поверить в необходимость изучить его.

Найроби был связан дорогой с Макуэни, поэтому первую часть пути мы проделали на грузовике. Прибыв в Макуэни, мы оставили грузовик и пошли пешком в кустарниковые заросли.

Кустарниковые заросли Восточной Африки ни с чем не сравнимое, единственное в своем роде явление. Мне не приходилось видеть ничего похожего в Шотландии, и я сомневаюсь, чтобы подобный ландшафт встречался в какой-либо другой части света. Кустарниковые заросли нельзя назвать ни лесом, ни открытой равниной. Тут мало высоких деревьев. Основную растительность составляют низкорослые колючие деревья высотой от десяти до пятнадцати футов. В иных случаях эти деревья, или скорее «колючие кустарники», как их принято называть, растут рощами-островками площадью в один акр или более. Обычно эти островки разбросаны по равнине, поэтому охотник легко может пройти между ними. Почва здесь смешанная — песчаная с красноватой землей. Как правило, на этой почве хорошо остаются отпечатки следов, что облегчает задачу следопытов. Однако довольно часто встречаются полосы жесткой слоновой травы, на которой следов почти не видно. Встречаются полосы кустарника, где между колючими деревьями

ковер густой травы доходит до колен. Вот тут следопыту приходится довольно трудно.

Кроме того, в некоторых районах почва, обожженная палящими лучами солнца, становится твердой, как кирпич. Если по этой почве проходит животное, оно вообще не оставляет никаких отпечатков. Именно этой землей в Кении пользуются для строительства шоссейных дорог — она почти не уступает асфальту. Только в тени колючих кустарников земля остается мягкой. Именно здесь опытный следопыт ищет следы животного.

Несмотря на то что территории, населенные племенами вакамба и масаи, примыкают друг к другу, эти племена совершенно различны. По росту представители племени вакамба несколько ниже европейцев, масаи же значительно выше. Хотя представители племени вакамба не отличаются ярко выраженными негритянскими чертами лица, тонкие губы и ноздри, характерные для представителей племени масаи, у них не встречаются. Племя вакамба — не воины, а охотники. По традиции мужчины охотятся, а женщины обрабатывают шамбы.

Я обратил внимание на то, что кое-кто из мужчин носит луки и колчаны с отравленными стрелами на ремешках через плечо. Поскольку я интересовался всякого рода оружием, я попросил разрешения осмотреть эти смертоносные орудия. Несколько человек с готовностью протянули мне свое оружие.

Луки были прекрасно отделаны, оба конца заострены. По-моему, сила натяжения тетивы доходила до 75 фунтов. Изготавливаются такие луки из дерева, называемого мутуба; по цвету оно темно-красное. Я не без интереса отметил, что на луках не было зубрин для тетивы. Чтобы тетива не соскальзывала, она привязывается к луку сыромятными ремешками.

Стрелы были отличного качества. Особенно остроумной конструкцией отличался наконечник, стержень которого был толщиной с вязальную спицу, длиной в шесть дюймов. Стержень на дюйм входил в полый конец тростниковой стрелы и закреплялся в нем древесной смолой. Остальная часть стержня длиной в пять дюймов обмазывалась ядом. Яд, употребленный в свежем виде, действует чрезвычайно сильно. Однако он теряет свою силу на солнце. Для того чтобы сохранить силу яда, охотники племени вакамба обвязывают отравленные стержни полосками из мягкой кожи антилопы. Эти полоски снимаются в самый последний момент.

Перед тем как выступить на носорогов, мы со следопытами провели несколько дней у вождя Мутуку. Я использовал это время для того, чтобы обучить следопытов собирать ружье. Сам я постарался усвоить основы языка вакамба и обычаи этого племени. Это откровенный и честный народ. Женщины большие труженицы. Помимо того, что они обрабатывают шамбы, они готовят пищу и носят дрова для своих очагов. Приходится удивляться

— какие грузы способны переносить эти женщины! Едва девочка научится ковылять, как она сопровождает свою мать в заросли для сбора валежника. По дороге домой мать торжественно привязывает несколько веток к спинке девочки, как ее долю груза. По мере того как ребенок растет, этот груз постепенно увеличивается, доходя до 150 фунтов и более.

Мне ни разу не приходилось сталкиваться с какими-либо намеками на «древнейшую профессию» у женщин этого племени, несмотря на их материальную нужду, конечно, за исключением тех случаев, когда они подвергаются растлевающему влиянию «цивилизации». Когда девушка вступает в пору зрелости, ее жених вносит определенную плату. Это напоминает наш

свадебный обряд и является как бы магическим «Сезам, откройся!», по которому девушка отдается своему жениху. После этого она переходит жить к своему мужу и упорно трудится, чтобы заработать достаточно денег на вторую жену для своего мужа, которая помогала бы ей вести хозяйство.

Поскольку Киракангано уже больше не было, мне был необходим человек, который мог управлять моим лагерем и взял бы на себя мелкие заботы по обеспечению сафари. Следопытам ведь предстояло сопровождать меня в кустарниках во время охоты, и, кроме того, я сомневался — обладали ли они необходимыми качествами для выполнения функций управляющего? Мне повезло и в этом отношении. Я нашел охотника племени вакамба по имени Мулумбе, уже довольно пожилого человека, на которого можно было полностью положиться. У нас так хорошо пошли дела с Мулумбе, что он находится при мне до сих пор, управляя штатом прислуги. Кроме того, он исполняет обязанности моего личного заряжающего и во время охоты носит для меня запасное ружье.

Однажды ночью меня разбудил яростный лай деревенских собак. У меня это не ассоциировалось с присутствием носорогов. Так как запах льва наводит страх на собак, я полагал, что запах носорога, произведет на них аналогичное действие. Позже я узнал, что собаки приходят в неопишемую ярость, как только учуют носорога. Когда рассвело, вождь Мутуку сказал мне, что носороги побывали на шамбах — повсюду виднелись их огромные следы. Вместе со следопытами я немедленно отправился по следу, который привел нас в кустарник.

Вначале заросли не были густыми и не причиняли нам беспокойства. Однако вскоре мы натолкнулись на непреодолимую стену молодой, утыканной шипами поросли. К счастью, в сухое время года на кустарниках

почти нет листвы. Еще не опавшие ссохшиеся и пожелтевшие листья составляли резкий контраст с сероватой окраской носорогов.

По пути нам постоянно попадались маленькие (не больше шотландского зайца) зверьки «дик-дик». Они неожиданно выскакивали из-под кустов, подобно кроликам, нередко заставляя нас вздрагивать.

Перед нами выросла непроходимая стена колючих кустарников. Чтобы пробиться через нее, приходилось идти по извивающимся тропам, проложенным носорогами. Я очень опасался неожиданной встречи с носорогом на одной из этих узких троп. Здесь наши движения были крайне ограничены, и мы не смогли бы подойти к животным с подветренной стороны.

Пасущийся носорог, как правило, идет против ветра. Зная это, можно подойти к нему совершенно неожиданно. В нашем положении оставалось только надеяться на лучшее.

Сопровождавшие меня следопыты (в прошлом браконьеры) были большими знатоками своего дела, и их работа заслуживала высшей оценки.

Отыскивая едва заметные следы носорога на твердой каменистой почве, я временами от сильного напряжения вообще переставал видеть. Мои же следопыты шли по следу без всякого напряжения, словно по хорошо обозначенной дороге. Один из них шел впереди, отыскивая след. Я страховал его, держа наготове свое ружье. Когда один утомлялся, его сменял другой. Таким образом, они избегали чрезмерного перенапряжения зрения.

Вдруг следопыт, шедший впереди, остановился и, подняв голову, стал прислушиваться. Несколько секунд я ничего не слышал. Затем мне удалось уловить слабый звук, издававшийся зубами носорога, пережевывавшего ветку. Зверь пасся в кустах слева от нас. Мы стали продвигаться по возможности бесшумно. Один из

следопытов постоянно следил за направлением ветра: он поднимал кусочек ссохшейся земли, пальцами истирал ее в мелкий порошок, улетучивающийся при малейшем дуновении ветерка. Не меньшее внимание мы уделяли тому, чтобы не наделать лишнего шума.

Я считаю, что слух у носорога развит лучше, чем у других крупных животных, и он способен услышать шаги подкрадывающегося человека на очень большом расстоянии.

У меня на ногах были надеты американские мокасины — идеальная обувь для такой охоты. Если случайно наступить в мокасинах на ветку, то сразу чувствуешь, что она вот-вот сломается, и можно вовремя убрать ногу. Мои босоногие следопыты двигались еще тише. Кроме того, они обладали дополнительным преимуществом — были совершенно раздеты, за исключением небольшой повязки из ветоши вокруг бедер. Ветки кустов, задевавшие их кожу, не создавали никакого шума. Но как они выносили пытку, когда шипы держидерева, впиваясь в тело, оставляли царапины на теле — я не могу себе представить.

Мы постоянно останавливались, прислушивались к звуку, издаваемому жующим носорогом. Пока этот звук доходил до нас, мы знали, что носорог не подозревал о нашем присутствии. Вдруг звук прекратился. Один из следопытов показал пальцем, и я увидел перед собой неподвижно стоявшего в кустах носорога. Он поднял голову, вращая ушами, стараясь уловить, откуда донесся слабый шорох, обеспокоивший его.

Уши носорога действуют независимо друг от друга он может одновременно одно ухо наклонить вперед, а другое назад, чтобы улавливать звуки спереди и сзади.

Я стоял неподвижно, надеясь, что животное выйдет в удобное положение для выстрела. Следопыты начали проявлять нетерпение, характерное для местных охотников, которые видят перед собой дичь, но не

слышат выстрелов. На спине носорога стояло несколько птиц-клещеедов. Эти замечательные птички очень бдительны и заменяют носорогам глаза. Птицы питаются клещами, которых вытаскивают из складок кожи носорога, и оберегают своего патрона, предупреждая о приближающейся опасности. Когда следопыты заерзали от нетерпения, птицы их заметили. Они немедленно поднялись в воздух и с криками «чур-чур» полетели в нашу сторону. Носорог насторожился. Он повернулся по направлению полета птиц, поставив оба уха вперед. Затем, высоко подняв хвост, пробежал мимо нас. Едва покрыв расстояние в десять ярдов, он заметил наши неподвижные фигуры, повернулся и медленно зашагал в нашу сторону. Он походил на огромный рогатый танк, у которого в моторе спрятан мозг. Трудно представить себе, что думает животное в такой момент. Я полагаю, что носорога можно сравнить с раздражительным близоруким старым полковником, который вдруг обнаруживает постороннего в своем собственном саду. Первый его импульс

— прогнать пришельца. Внезапно его осеняет мысль, что человек может оказаться опасным, и он начинает колебаться. Если он считает, что может с честью ретироваться, то именно так и поступает. Если же его беспокоит желудок, он делается раздражительным, и это может привести к разного рода неприятностям.

«Старик» наклонил голову и ринулся через кусты прямо на нас. Я выстрелил. Носорог опустился на колени. Через мгновение он вновь вскочил. Вторая пуля попала в плечо, он упал и больше не поднялся.

Едва звуки моих выстрелов заглохли, как из-за наших спин донеслись восторженные крики. Вскоре появилась целая процессия полураздетых местных жителей, спускавшихся длинной цепочкой по звериной тропе, проходившей через кустарники. Они несли

всякого рода сумки — от плетеных соломенных корзин до мешков, переброшенных через голое плечо на ремешке. Каждый крепко держал в руке самодельный нож. Местные жители почти постоянно голодают из-за опустошительных набегов, совершаемых носорогами на их шамбы. Подобно муравьям, они напали на носорога, и мне с большим трудом удалось задержать их, пока со зверя снималась шкура. Как только эта операция была закончена, туша полностью скрылась под копошащейся массой черных тел. Поднимались и вонзались бесчисленные ножи, и я уверен, что некоторые отчаянные люди нанесли серьезные раны друг другу. Хищные птицы с коричневым оперением камнем падали на толпу, иногда похищая кусок мяса прямо из рук. Птицы действовали столь стремительно, что часто человек не мог сообразить, что случилось. При этом он стоял, глядя на пустые руки, дивясь тому, куда исчезло мясо.

Рога и шкуру я сохранил для представления властям. Шкура носорога сдается по десяти пенсов за фунт и идет на изготовление столешен, кнутов, сидений стульев и кресел. Если ее хорошо промаслить, она приобретает очень красивый темно-янтарный цвет.

Рога стоят по тридцати шиллингов за фунт и более, то есть на десять шиллингов дороже, чем слоновая кость самого высшего сорта. Эти рога имеют весьма любопытное назначение. Жители стран Востока считают их сильным стимулирующим средством. В Индии и Аравии на них большой спрос.

Для других целей рог носорога совершенно непригоден. Его даже нельзя назвать рогом. Это скорее отвердевший волос. Он не поддается обработке, как слоновая кость, так как крошится под ножом.

Когда мы вернулись в лагерь, я решил испытать на себе силу этого средства. Снадобье было приготовлено точно по рецепту, полученному от индийского купца. Я

вырезал примерно квадратный дюйм рога, истолок его в порошок, положил в муслиновый мешочек, похожий на мешочек, в котором заваривают чай, прокипятил его в чашке воды, пока жидкость не приобрела темно-коричневый цвет. Я принял несколько доз этого снадобья, однако с сожалением должен сказать, что никакого бодрящего действия не почувствовал. Может быть, мне не хватало веры в него? Вполне возможно также, что охотник, проводящий время в зарослях кустарника в окружении носорогов и местных следопытов, не имеет соответствующего вдохновения, чтобы эта доза оказала действие.

Я без особого труда убил 12 носорогов в этом районе. Затем сюда прибыл господин Беверли из Департамента земледелия, который вместе с большой группой рабочих приступил к корчеванию кустарников. Мы провели длительное совещание, на котором наметили дальнейший план кампании.

— Прежде чем послать рабочих для корчевания кустарников, я должен быть уверен, что носороги в этом районе полностью уничтожены, — объяснил мне господин Беверли. — Если кто-нибудь пострадает от носорогов, остальные откажутся работать и вряд ли можно будет предъявить к ним какие-либо претензии. По-моему, — сказал господин Беверли, — вам и вашим следопытам следует продвигаться впереди нас. Как только вы сообщите, что район очищен от носорогов, мы последуем за вами.

Это было разумно, хотя и означало, что следопытам и мне постоянно придется находиться в самых густых зарослях, чтобы уничтожить носорогов всех до одного. Но за это нам платили деньги!

На следующий день я выступил вместе со следопытами. Едва мы исчезли в кустарниках, как рабочая команда господина Беверли, орудуя своими

ножами, приступила к расчистке кустарников, окружавших шамбы местных жителей.

Местность, в которую мы попали, уже не представляла собой плоскую равнину. Это были предгорья, изрезанные узкими долинами. В таких условиях ветер постоянно затрудняет охоту. Сначала он устойчиво дует в одном направлении. Но стоит только перевалить за хребет, как он начинает дуть в совершенно ином направлении. В результате часто приходится разочаровываться: осторожно подкрадываясь, вдруг обнаруживаешь, что ветер дует от тебя в направлении носорога. Возможно, это было только игрой моего воображения, но мне казалось, что даже почва здесь усиливала звук каждого шага. Твердая пористая масса вулканического происхождения, образующая почву в большей части этого района, под ногами издавала глухой звук. Казалось, что идешь по крыше огромной пещеры.

В первый же день младший из следопытов едва не лишился жизни. Юноша уже усвоил основы обращения с нарезным ружьем и горел желанием проверить свои достижения на деле. Увидев идущего вдоль полосы кустарника носорога, он немедленно устремился к нему. Носорог исчез, образовав брешь в густой поросли. Следопыт ринулся за ним. Ветер дул в направлении, благоприятном для следопыта. Но носорог, по-видимому, услышал шаги охотника, быстро повернулся и бросился на него.

Юноша не растерялся — он подпрыгнул высоко в воздух, раздвинув ноги, У носорогов два рога — один за другим. Первый рог не задел юношу, но он напоролся на второй, и носорог подбросил его в воздух. Ружье отлетело в противоположную сторону. Удар о землю оглушил следопыта и он остался лежать на месте. Я бросился к нему, полагая, что он убит. Однако он

отделался лишь несколькими синяками и ободранной кожей в паху. Других повреждений не было.

Когда я поднял юношу, он, извиняясь, сказал:

— Буана! Я не успел выстрелить. Между нами не было свободного пространства. У меня даже не хватило времени вскинуть ружье и прицелиться.

Я прекрасно понимал молодого человека. Несмотря на свой огромный вес, носорог удивительно быстро развивает большую скорость. Во время бега он способен мгновенно изменить направление. А на такое не всегда способна даже лошадь, обученная для игры в поло. Носорогов не останавливают самые густые кустарники, утыканные острыми шипами, как будто это заурядная огородная зелень. В зарослях кустарника все животные уступают ему дорогу. Дважды мне приходилось наблюдать, как слон уклонялся от столкновения с этим свирепым зверем.

В обоих случаях носорог и слон шли по узкой тропе навстречу друг другу. Оба, видимо, одновременно обнаружили друг друга. Носорог невозмутимо стоял посередине узкой тропы, не думая уступить дорогу, а слон, нервно понюхав воздух, осторожно двинулся в сторону.

Я совершенно не понимаю, почему эти животные обладают столь свирепым нравом. Однажды один охотник-спортсмен, которого мне пришлось сопровождать, развил интересную теорию. Этот человек имел несчастье столкнуться с разъяренной самкой носорога и, поскольку она напала на него без всяких видимых причин, он решил, что ее поведение безрассудно. После этого я заметил, как внимательно он рассматривает помет носорога, мимо которого мы проходили. В конце концов он совершенно серьезно заявил:

— Хантер, вы знаете почему эти звери столь раздражительны? Это потому, что они постоянно

страдают запором!

Я навсегда запомнил это замечание. И в самом деле, возможно, в этом есть доля правды, поскольку носороги глотают неполностью пережеванную пищу, что легко заметить по их помету.

Идти неуклонно вперед через заросли кустарников, систематически убивая всех носорогов, которые могут явиться угрозой для рабочих команд, мне удавалось не всегда. Дело в том, что я постоянно получал тревожные вызовы из различных деревень, жителям которых угрожали особенно агрессивные носороги. Эти просьбы невозможно было игнорировать. К счастью, рабочие команды не могли двигаться быстро, и я мог откликаться на неотложные вызовы.

Несколько раз меня вызывал вождь Мутуку. Другие вожди проявляли нетерпение, считая, что я проводил слишком много времени в районе вождя Мутуку. Однажды ко мне пришел вождь по имени Мачока в сопровождении всей свиты и молил меня оказать ему помощь в уничтожении особенно зловредного носорога, который нападал на его людей. Я несколько раздраженно старался объяснить ему, что не могу находиться повсюду одновременно, и как только покончу с носорогами в районе вождя Мутуку, то приду в его район. Вождь ушел от меня в расстроенных чувствах, несмотря на то, что я обещал прибыть к нему в течение ближайших двух дней.

Несколько позже во второй половине дня я с удивлением увидел, что Мачока снова появился со своей свитой у моего лагеря. Оказывается, по возвращении в свою деревню он узнал, что в его отсутствие носорог убил женщину, собиравшую валежник. Жители его деревни сохранили тело убитой в качестве доказательства.

Вряд ли нужно говорить о том, каковы были мои чувства, когда я услышал это ужасное сообщение. При

таких условиях обращение вождя Мачоки переходило в разряд чрезвычайной срочности. Я сказал вождю Мутуку, что носорогами в его районе займусь позже, и выступил тотчас же.

Мы обнаружили убитую женщину на склоне хребта, покрытого мелкой галькой. Вокруг нее был разбросан валежник, который она собирала. По склону спускалась тропинка, вытопанная многими поколениями босоногих людей. Здесь носорог и убил свою жертву.

По следу я определил, что это была самка. Вскоре рядом с ее следом я обнаружил след детеныша. Присутствие детеныша, несомненно, объясняло необычайную ярость самки.

Обычно охотники не идут на уничтожение самок, особенно с детенышами. Но на этот раз другого выхода не было.

Господин Соваж — профессиональный траппер попросил меня принять в свою группу двух юношей из местного населения на тот случай, если нам удастся поймать живьем молодого носорога. Дело в том, что на этих животных большой спрос в зоопарках. Теперь, когда такой случай представился, я предупредил этих юношей, чтобы они были наготове.

Когда все были в сборе, мы двинулись по следу. С гребня горы, где была убита женщина, открывался вид на огромную долину, сплошь заросшую высоким кустарником, где, несомненно, и скрылась самка носорога с детенышем. С того места, где мы стояли, кустарник не казался особенно густым. Собрались десятки местных жителей, чтобы наблюдать, как мы будем охотиться за животным, убившим несчастную женщину, а заодно и получить свежего мяса. Они уселись вдоль хребта на сотни ярдов по обе стороны от нас, внимательно наблюдая за местностью. Я решил, что действительно легче обнаружить носорога отсюда,

нежели идти по его следу через кусты. Вместе со следопытами я присел в ожидании.

Прошло полчаса. Вдруг кто-то возбужденно вскрикнул, несколько рук протянулось, указывая на точку далеко в долине. В течение нескольких минут я ничего не мог разглядеть, затем стал различать какой-то предмет цвета грифельной доски, то исчезающий, то снова появляющийся. Он легко мог сойти за глыбу гранита.

По прямой линии носорог находился не более чем в полумиле от нас. Ветер дул в благоприятном направлении, и у меня появилась уверенность, что можно будет очень быстро подкрасться к нему. Одного следопыта я взял с собой, а другому велел оставаться на гребней наблюдать за движением носорога.

Спустившись в долину, я вскоре обнаружил, что вид на нее с вершины горы был обманчивым: кустарники оказались гораздо более труднопроходимыми, чем можно было представить. Едва мы вошли в них, как потеряли из виду хребет горы. Пройдя примерно половину расстояния до носорога, мы наткнулись на лежбище самки. У носорогов имеются специальные лежбища, которые они устраивают в самой тенистой части зарослей. Там они отдыхают в жаркое время дня. Поскольку время приближалось к полудню, животное должно было скоро прийти сюда. Я решил ждать.

Примерно через полчаса, следопыт вытянул руку перед собой, согнув палец в моем направлении. Он услышал приближающегося носорога. Прошло еще несколько минут, прежде чем я увидел самку, идущую в нашем направлении. Детеныш бежал за ней. На роге взрослого носорога были видны следы засохшей крови убитой женщины. Самка ненадолго остановилась, а подбежавший к ней детеныш стал ее сосать. Ветер устойчиво дул в одном направлении, но она каким-то образом почувствовала наше присутствие и

забеспокоилась. Круто повернувшись в нашу сторону, она стала изучать нас своими маленькими свиными глазками. Детеныш же продолжал сосать. С гребня доносились голоса местных жителей, которые нервировали животное. Самка была готова или броситься на нас, или бежать. Убивать самку — неприятное дело, но отступить было нельзя. Я выстрелил, и она грузно опустилась на землю. Смерть не причинила ей боли. После выстрела на мгновение наступила тишина, а затем раздались возбужденные голоса и топот ног.

Когда детеныш услышал шум приближающейся толпы, он стал тыкать носиком мать, заставляя ее встать. Убедившись, что это бесполезно, он отважно повернулся к людям. В мужестве маленького носорога сомневаться не приходилось. Когда жители столпились вокруг убитой самки, детеныш стал бросаться на них, по-видимому, полагая, что защищает свою мать. По размерам он был немного больше свиньи. Передний рог на его носу еще только формировался. За ним можно было видеть четко очерченный кружок, обозначающий место, где в один прекрасный день вырастет второй рог. Хотя маленький носорог не мог причинить вреда людям, они испуганно шарахались от него. Вместе со следопытом мы безуспешно пытались поймать детеныша. Я начал опасаться, что мы не сможем поймать животное, не причинив ему вреда, но в это время подошли трапперы.

Они прибегли к любопытному, весьма эффективному методу. Один из них пополз по земле вдоль спины убитой самки и, протянув руку через ее туловище, схватился за вымя и помахал сосками. Уставший, проголодавшийся детеныш не смог удержаться от соблазна: соски означали пищу и утешение. Он подошел и стал сосать. Тогда один траппер ловко ухватил его за левое ухо, а другой,

подскочив, схватил за правое. Детеныш завизжал, как поросенок, но его быстро связали.

Маленького носорога мы доставили в лагерь, сделав носилки из джутовых мешков, которые натянули между двумя длинными шестами. Чтобы нести носилки, потребовалось шесть носильщиков. Прибыв в лагерь, мы привязали маленького носорога под большим тенистым деревом и кормили его козьим молоком из бутылки. Первые два дня он проявлял большую агрессивность, нападая на каждого, кто осмелится приблизиться к нему. При этом он издавал угрожающие звуки, как взрослый носорог. Он кричал «прафф», вибрируя верхней губой.

На третий день он стал привыкать, подобно молодому теленку принимался сосать наши пальцы. При этом он игриво бодался, напоминая рычащего щенка. Нередко я сам кормил молодого носорога, и он скоро стал узнавать меня и обоих моих помощников, повсюду следовал за нами. Однако, если к нему подходили незнакомые жители деревни, он тут же пригибал свою голову и, выдохнув серию злобных «прафф», бросался в нападение, как взрослый носорог.

К этому времени мы уже провели несколько недель в кустарниках и убили 75 носорогов. Я решил доставить шкуры и рога в Макачос. Выстроившиеся гуськом полураздетые девушки несли мои трофеи до места, где их можно было погрузить в грузовик. Вторая половина дня выдалась очень жаркой. Пот бусинками сбегал по их темным телам, однако девушки не обращали на жару никакого внимания. В руках у них было по рогу. Пробегая гуськом через заросли, каждая старалась ткнуть рогом в голый зад девушки, шедшей впереди. При этом они отлично подражали хрюканью и рычанию разъяренного носорога. Так мы шли под аккомпанемент раскатов звонкого смеха. Когда мы сделали привал на обед у песчаного русла высохшего ручья, до меня

донесли раскаты хохота. Выглянув из-за берега, я обнаружил, что девушки занялись новой игрой. Одна девушка ложилась на спину, а другая, схватив ее за обе ноги, волочила по песку. Перед нашим приходом в песке рылось стадо слонов. Все вокруг было усеяно пометом. Игра заключалась в том, чтобы протащить девушку к куче помета и забросать ее кусками спекшейся грязи.

Я доставил груз шкур и рогов в Макачос и, откровенно говоря, был рад отвлечься на несколько дней от непрерывной охоты, так как от перенапряжения меня стали мучить бессонница и кошмары.

В этих страшных снах я вновь сталкивался с теми животными, которых убил накануне, только сейчас животные брали надо мной верх. Я стоял с заклиненным ружьем или бил мимо, а нападавший зверь топтал меня. Я просыпался весь в поту, боясь вновь заснуть, зная, что сон повторится.

Следопытов никогда не мучило это эмоциональное похмелье. Какому бы риску они ни подвергались днем, ночью они засыпали, как мертвые.

Моим помощникам представилась полная возможность показать свою отвагу в ближайшие несколько недель, так как то, что осталось позади, не могло сравниться со страхами, которые осаждали нас сейчас. Едва я успел сдать свои трофеи, как от жителей деревень стали поступать отчаянные сообщения. Носороги внезапно стали проявлять гораздо большую, ничем не объяснимую агрессивность.

Вместе со следопытами я срочно вернулся в кустарники. Вождь Мачока привел меня на шамбы своей деревни, чтобы я мог осмотреть нанесенный ущерб. Не было сомнений в том, что его жалобы справедливы. Он заявил, что многие жители его деревни подверглись нападению со стороны зверей и только благодаря

необычайной быстроте своих ног ни один из них не был убит.

Несмотря на приближавшийся вечер, я немедленно вышел по следу носорога с двумя следопытами. Пройдя большое расстояние, я уже готов был отказаться от дальнейшего преследования — пробираться сквозь кустарники в согнутом положении очень тяжело. Вдруг один из следопытов обратил мое внимание на хриплое повизгивание, раздававшееся справа от нас. Мы пошли на звук. У ямы с водой два носорога ухаживали друг за другом. Такую картину я наблюдал впервые.

Оба животных стояли носом к носу, обнюхивая друг друга, и издавали булькающее похрюкивание. По всей видимости, самец проявлял медлительность, которая не устраивала самку. Она рассердилась и стала сильно бодать его в бок, не проявляя при этом никакой нежности. Она наносила ему жестокие удары. Самец же только громко рычал от боли, но на удары не отвечал.

Я никак не мог понять причину такого грубого поведения со стороны самки. Однако через несколько минут самец стал проявлять признаки страсти.

Вдруг один из следопытов локтем слегка толкнул меня в бок: через кусты пробирался еще один самец-носорог. Он наверняка был привлечен запахом, издаваемым самкой в период течки. Вновь прибывший стал неуклюже, с важным видом прохаживаться вокруг пары; он брызгал слюной, бросаясь на невидимые предметы, желая показать свою неотразимую красоту. Время от времени он уходил в кусты, но самка оставалась на месте, и он возвращался. Один из следопытов на своем языке пояснил мне, что этот носорог надеется лишить соперника подруги.

Инициативу проявила самка. Она пошла в глубь кустарника, а за ней последовал первый самец — ее избранник. Отвергнутый самец стоял, провожая их взглядом. Я поднял ружье, но следопыты энергично

закачали головами: они решительно протестовали против того, чтобы убивать, животных в такое время. Я отдал должное их рыцарским чувствам хотя и знал, что лучше стрелять по носорогам именно сейчас, а не тогда, когда рядом с самкой будет бежать детеныш.

Однако, как часто случается в зарослях, инициатива оказалась не в наших руках.

Отвергнутый носорог или увидел, или почуял нас и тотчас же бросился в нашу сторону. Мне пришлось выстрелить. Услышав выстрел, два других носорога пришли в бешенство и, воинственно рыча, стали неистово бегать по кругу. Затем они бросились на нас.

К этому времени мне удалось перезарядить ружье.

Первой шла самка. Ее спина у плечей была покрыта пеной. Я выстрелил, и она грузно упала, подняв облако красноватой пыли. Самец отскочил и бросился в кустарник.

Теперь выяснилась причина необычной ярости носорогов в этом районе: начался их брачный период. Именно поэтому они стали легко возбудимыми и агрессивными. Я узнал, что брачный период у носорогов длится от сентября до ноября.

Самец чувствует запах самки на много миль. Вокруг нее собираются несколько самцов. Но носороги не дерутся из-за самки, подобно многим другим животным. Выбор целиком зависит от нее. Она в конце концов выбирает себе пару и оба удаляются.

Остальные самцы примиряются с ее решением и уходят искать себе других самок. Самка имеет дело только с одним самцом в сезон. Пока она нуждается в нем, животные находятся вместе.

Чтобы позвать самца, самка издает особый звук. Мой опыт говорит, что только покрытая самка подзывает самца подобным образом. Другие охотники придерживаются иного мнения, полагая, что такой зов подает любая самка в период течки. Браконьеры из

племени вакамба очень ловко подражают этому звуку. Они часто устраиваются в безопасности на дереве, держа наготове луки с отравленными стрелами. Время от времени они издают подобные звуки, пока не подманят самца на расстояние выстрела.

В брачный период самцы-носороги становятся чрезвычайно беспокойными. Вместо того, чтобы, как обычно, медленно продвигаться по кустарникам, объедая ветки, они бродят в поисках самок. В это время у них сильно обостряется слух.

Я приложил много усилий к тому, чтобы обучить всех трех следопытов правильному обращению с ружьем. Они все еще проявляли большое желание стрелять по любой видимой части тела носорога. Однажды я шел с двумя следопытами — с самым молодым и «древолозом». Я предупредил их о том, что сегодня стрелять будут только они, сказав, что пойду с ними только как наблюдатель. Еще раз предупредил — нельзя стрелять, если сомневаешься в том, что наверняка убьешь зверя.

Мы шли по кустарнику, пока не наткнулись на свежий след носорога. Древолоз взобрался на высокую акацию и птичьим свистом просигналил, что видит четырех носорогов. Когда он спустился, мы пошли за ним. Впереди шли оба юноши. Один из них нес двуствольное нарезное ружье Джеффери, а другой — магазинное нарезное ружье. В случае, если возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства, они должны были отойти в сторону, давая мне возможность стрелять по зверю. Однако оба заверили, что никаких непредвиденных обстоятельств не возникнет. Они были готовы справиться со зверем в любых условиях. Заросли были негустыми, и поэтому идти бесшумно не составляло труда. Оба следопыта внимательно прислушивались. Зная, что чувства моих туземных

помощников гораздо острее моих, я не сомневался в успехе.

Носороги паслись в чаще кустарника. Сколько я ни вглядывался в зверей, я не мог отличить хвоста от головы. Один из носорогов начал двигаться. Я решил, что он пройдет по прогалине. Это сообразил и старший из следопытов и отвел предохранитель своего ружья. Когда раздался металлический щелчок, оба зверя повернулись в нашу сторону. После этого наступила продолжительная пауза, во время которой птицы симбионты, кружа над нами, издавали крики, а носороги застыли на месте.

Затем один из носорогов снова стал двигаться. Когда он прошел по прогалине, я определил, что это самец. Следопыт вскинул ружье и взял точный прицел. Носорог не спеша прошел по открытому месту, постепенно его голова, шея и плечи исчезли в кустах. Следопыт упустил момент для выстрела, которым он мог бы убить носорога наповал. Мне следовало приказать ему не стрелять, но я решил подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события. Вдруг следопыт выстрелил. Самец завертелся волчком и бросился на него. Затем появился второй зверь — самка. Следопыт сделал второй выстрел и промахнулся. Теперь младший из следопытов, с нетерпением поджидавший случая отличиться, вскинул свое ружье и, едва прицелившись, потянул за спуск. Выстрела не последовало. Юноша еще раз нажал спуск; однако выстрела не было.

Несмотря на то что нападавшие носороги находились от него в каких-нибудь двадцати ярдах, он открыл замок ружья и протянул в мою сторону казенник, показывая, что патрон дал осечку не по его вине.

Через несколько секунд оба следопыта были бы подняты на рога. К счастью, старший из них не потерял

присутствия духа и бросился ничком на землю, давая мне возможность выстрелить. Никогда в жизни мне не приходилось так быстро стрелять; еще ни разу мои выстрелы не были столь удачными. Дав по одному выстрелу из левого и правого стволов, я убил обоих зверей. Носороги издохли, причем голова одного лежала на шее другого

Когда я подошел, чтобы осмотреть ружье младшего следопыта, я обнаружил, что капсюль патрона не был пробит бойком. Заряжая ружье, юноша не довел рукоятку затвора до нужного положения. Поняв свою ошибку, молодой следопыт взвыл от досады. Это был храбрый парень и хороший мастер своего дела, но он слишком торопился проявить свои способности.

Наша охота задержалась на несколько недель из-за начавшихся дождей. В это время года нам посчастливилось найти идеальное место для лагеря. Моя палатка была разбита в роще ветвистых фиговых деревьев. Трава здесь была сочной, зеленой. Поблизости протекал небольшой прозрачный ручеек — жизненная артерия любого лагеря. Перья, найденные на земле, указывали на наличие цесарок и куропаток в непосредственной близости от лагеря. Это особенно обрадовало меня, поскольку предвиделась перемена в пище, а запасы продовольствия подходили к концу. Мы обсудили вопрос о нашем питании с Мулумбе так же, как хозяйка дома обычно обсуждает подобные вопросы с поваром. Это был, несомненно, приятный разговор, так как в последнее время наши беседы такого рода стали на редкость однообразны:

Я: Какой у нас будет суп сегодня вечером, Мулумбе?

Мулумбе: Суп из мяса носорога, буана.

Я: А что на второе?

Мулумбе: Филе носорога, буана.

Я: А что у нас на завтрак?

Мулумбе: Сердце носорога, буана.

Какую бы часть носорога я ни ел, меня постоянно преследовали видения нападающего носорога, который погиб, защищая свою наследственную территорию. Видения такого рода никак не способствовали пищеварению.

Приятно было полежать в палатке, прислушиваясь к дождю, барабанившему по полотну. Это напоминало мне то время, когда я еще жил в Шотландии и прислушивался к дождевому шквалу, идущему с Солвей-Фирта, который хлестал по крыше дома моего отца.

Когда кончились дожди, я обнаружил, что природа этого района значительно изменилась, при этом — не к лучшему. Появились насекомые. Казалось, что капельки дождя сами превратились в летающих муравьев и москитов. Похожие на сосиски жуки постоянно жужжали вокруг зажженного на ночь фонаря, часто попадая в суп. Повсюду кишели скорпионы, сороконожки и большие волосатые пауки, которых вода выгнала из нор.

После дождей охотиться стало труднее. На кустарнике появилась листва, которая ухудшила видимость. Из земли поднялась огромная жгучая крапива; стебли этой крапивы в иных случаях доходили до дюйма в диаметре. Даже слоны избегают попадать в эту крапиву, которая в нескольких случаях явилась причиной смерти лошадей — они посмели полежать на ней. Единственным преимуществом с точки зрения охоты было то, что в результате дождей земля стала мягче и двигаться бесшумно стало легче.

Темп охоты замедлился, но к тому времени мы убили уже 137 носорогов. Правда, оставшиеся животные проявляли большую осторожность.

Когда мне показалось, что мы почти полностью выбили носорогов в этом районе, я заявил вождю Ндеева, старосте близлежащей деревни, о своем

намерении возвратиться в Макачос. Он был очень расстроен и послал группу следопытов по всем горам и долинам на много миль вокруг, чтобы отыскать какого-либо зловредного носорога.

За день или два до нашего ухода в лагерь прибежали, едва переводя дыхание, двое жителей, сообщивших, что в нескольких милях от нас обнаружены три носорога. Третьего человека они оставили на дереве вблизи того места, где были обнаружены звери, чтобы он мог за ними наблюдать. Я тут же выступил со своими следопытами. Мы нашли наблюдателя, и он рассказал нам, что носороги углубились в чашу. У большого кактуса мы обнаружили их следы.

Нас сильно беспокоили шипы колючих деревьев. Это пугало кустарниковых зарослей, держидерево, казалось, росло повсюду. Шипы росли парами в виде миниатюрных крючков для ловли щук. Многие низкорослые акации имели шипы, которые росли в противоположные стороны. Как ни стараешься увернуться, обязательно в них попадешься. Следовавший за мной следопыт все время выдергивал колючки из моей рубашки, чтобы они не беспокоили меня. Мои уши горели от постоянных щипков и уколов этих колючек.

Мы подошли к особенно густым зарослям, сквозь которые тропа, протоптанная носорогами, проходила словно тоннель. Чтобы идти по ней, нам пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Мы пробирались гуськом. Затем впереди я увидел две груды землистого цвета. Тень листы затуманивала их контуры, образуя какую-то пятнистую смесь. Сколько я ни вглядывался, я не мог отличить головы от хвоста.

Следопыт показал влево: он обнаружил третьего носорога. В нескольких шагах от нас была прогалина. Вместе со следопытом мы вышли на нее и с большим

облегчением выпрямились. Не отводя глаз от двух носорогов, я знаком приказал следопыту, следить за третьим. Небольшое движение вызвало подозрение у стоявших впереди носорогов, и они развернулись к нам мордами.

Я выстрелил в самку, она тяжело опустилась на колени. Самец в ярости описал круг, дав мне возможность перезарядить ружье. Затем он бросился вперед; пуля из правого ствола попала ему чуть повыше груди. Он не остановился и продолжал нестись прямо на меня, наклонив голову к земле. До меня донесся шум ломающихся кустов слева. Третий носорог тоже бросился на нас.

Я не посмел отвести глаз от несшегося на меня самца. Еще раз выстрелив, я попал чуть пониже уха и свалил его. В тот же самый момент я услышал топот третьего носорога справа, он на полном ходу пробежал мимо меня, и я заметил, что на его рогах повис следопыт. Я быстро перезарядил ружье. С того места, где я стоял, было почти невозможно точно бить по зверю, не рискуя задеть следопыта. Я подождал какую-то долю секунды и выстрелил в плечо носорога. Зверь свалился, а юноша слетел с него, как всадник с лошади, отказавшейся прыгнуть через препятствие. Следопыт лежал на земле, не двигаясь, и я в страхе подумал: «О боже, я убил их обоих!»

Наверное, пуля, прежде чем попасть в носорога, прошла тело следопыта. У меня не хватило духа подойти, осмотреть юношу, и я продолжал стоять, стиснув ружье и глядя на них диким взглядом.

Затем я увидел, что юноша начал шевелиться, и ничто не могло доставить мне больше радости. Я бегом пустился к нему. Прежде всего я стал искать пулевую рану, но таковой не было. Пуля, должно быть, прошла в какой-то доле дюйма от тела юноши. Рога носорога не порвали его кожу. Когда носорог опустил голову, чтобы

подбросить следопыта, юноше удалось схватить зверя за передний рог и удержаться на нем, пока зверь мчался мимо меня. Я считаю, что за все годы моей охоты это был один из самых счастливых случаев спасения человека, который был на волоске от смерти.

На другой день следопыт уже шутил и смеялся вместе с другими и, казалось, забыл об этом случае.

К ноябрю я, наконец, выполнил свою задачу. С носорогами было покончено во всех районах, в которых власти намеревались уничтожить кустарники. Я убил 163 носорога. Такое количество может показаться невероятным, но мои доклады хранятся в Найроби в Департаменте по охране дичи. Туда же сданы все шкуры и рога убитых зверей.

Вместе со следопытами я пустился в обратный путь. Мы теперь могли спокойно идти в Макачос через кустарники, так как почти не было никакой вероятности встречи с носорогом. Идя гуськом, мы взобрались на небольшой холм и, пораженные, остановились. Рядом со мной слышались изумленные вздохи следопытов.

Еще три месяца назад мы шли по той же самой местности, которая сейчас лежала перед нами. Тогда это были густые заросли колючих кустарников и акаций с перепутанными узкими тропами носорогов. Теперь это была голая местность, похожая на полированный стол. Рабочие команды господина Беверли неуклонно шли за нами, выкорчевывая кустарник. То, что всего лишь недавно представляло собой кусочек дикой Африки в том виде, как ее сотворил господь бог, теперь было превращено в земледельческий район. Там не было ни кустика, ни деревца. Растительность была уничтожена, и я мог видеть белевшие тропы носорогов, которые пересекали всю местность. Молодая трава уже начала стирать их. Своенравные звери, которые в течение веков ходили по этим тропам, были уничтожены. То

здесь, то там на равнине виднелись кучи их побелевших костей.

Казалось, только вчера мы ползали на четвереньках по этим мрачным белым тропам под густым навесом веток кустарника, а сейчас здесь уже появились хижины. Мы проходили мимо женщин, рывших землю под шамбы. Цивилизация еще на несколько миль продвинулась в джунгли. Через несколько поколений носороги, которые убивали женщин, собиравших валежник в кустарниках, будут не более как воспоминание, легенда или сказка. Она будет передаваться детям, сидящим вокруг очага в вечернее время, так же, как сейчас рассказываются сказки о драконах.

Глава тринадцатая

Инспектор по охране дичи.

Звери — разбойники

Некоторые части района Макинду кишели мухами цеце. Однако расчеты показали, что стоимость корчевания кустарников, растущих на скалах из лавы, слишком велика и район оказался безопасным для носорогов.

Меня назначили инспектором по охране дичи этого района. В мои обязанности входило охранять носорогов от браконьеров — и белых, и туземных. Я проникся чувством глубокой нежности к этим драчливым зверям, покуда охотился на них. Поэтому назначение принял с большой радостью. Возникли только осложнения личного порядка.

Если бы мы с Хильдой переехали на жительство в Макинду, пришлось бы продать наш дом, расположенный на Нгонг-Роуд. Это само по себе не было слишком большой жертвой. Теперь, когда дети уже подросли, дом стал слишком велик для нашей семьи. Обе наши дочери вышли замуж и жили отдельно. Одна из них находилась в Англии, а другая путешествовала по всему миру со своим мужем, служившим в Британской армии. Старший сын Гордон также жил отдельно от нас. Одно время он предполагал пойти по моим стопам и стать профессиональным охотником, так как проявлял большие способности к охоте, и я очень гордился сыном. Вскоре он женился. Имея на руках семью, решил взяться за более надежное дело, и стал фермером.

Многие поколения нашей семьи в Шотландии были фермерами. Я сбежал в Африку, чтобы уклониться от

общей участи, а мой старший сын, живя среди лучших в мире охотничьих угодий, отказался от профессии охотника, чтобы вернуться к традиционному занятию нашего рода. Придерживаясь поговорки о том, что «каждая лохань должна стоять на собственном дне», я был рад, что мой сын нашел именно тот способ зарабатывать себе на жизнь, который был ему по душе.

Мой второй сын стал архитектором и был целиком поглощен развертывающимся по всей стране строительством. С нами все еще оставались два младших мальчика. Хильда опасалась, что они не пожелают вместе с нами переехать в Макинду, поскольку все их интересы были сосредоточены в Найроби. После длительного обсуждения мы все же решили продать наш большой дом и купить небольшой домик со всеми современными удобствами вблизи Найроби для наших мальчиков. Я предполагал жить в Макинду, Хильда собиралась частично проводить время в Макинду вместе со мной, частично в Найроби с мальчиками.

Хильда поехала вместе со мной в Макинду, чтобы устроить жилище на новом месте. Этот полустанок на железной дороге Найроби — Момбаза понравился мне с первого взгляда. Одно время здесь находилось управление железной дороги; позже оно переехало в Найроби, но чрезвычайно удобные домики, построенные для железнодорожных служащих, остались на месте. Большинство их пустовало.

Мы с Хильдой сняли хороший домик и въехали в него. В ясный день с крыльца можно было видеть покрытую снегом вершину горы Килиманджаро. Глядя на нее, иногда казалось, что пик плывет среди белых облаков. По ночам мы слышали воющий смех гиен и нередко просыпались под барабанную дробь, доносившуюся из близлежащих туземных деревень. В ста ярдах от нашего дома бродили страусы и лишь в

ненастные дни по утрам нельзя было увидеть качающихся на своих длинных ногах жирафов, стада которых проходили через кустарник.

Обязанности дворецкого исполнял Мулумбе. При нем находились три его жены. Остальных он оставил в деревне, чтобы они присматривали за шамбами. У нас, кроме того, был поваренок, который готовил пищу и убирал в доме. При мне находились состоящие на жалованье у местных властей следопыты. Все эти люди составляли небольшое общество, окружавшее нас.

Мы жили очень счастливо в Макинду, наслаждаясь всеми прелестями домашнего уюта, и в то же время чувствовали, будто мы живем в зарослях кустарника. Нам некогда было скучать. Просыпались мы на рассвете; босой юноша приносил поднос с утренним чаем. По настоянию Хильды он всегда был в белоснежной рубахе с красной феской на голове. Хильда как-то попыталась заставить его ходить в обуви. Но местные жители, родившиеся среди кустарников, надев обувь, утрачивают свою природную ловкость и бесшумность, поэтому ей пришлось отказаться от этой затеи.

Мы питались отлично. Местные жители каждое утро снабжали нас свежими яйцами. На нашем домашнем складе имелся значительный запас бекона. Иногда Хильда разнообразила меню песчаной куропаткой или перепелом, если мне накануне случалось подстрелить птицу. Будучи истым шотландцем, я любил на завтрак есть овсяную кашу, и Хильда всегда следила, чтобы у нас никогда не истощались запасы овсянки.

После завтрака я зажигал первую трубку, а в то время мои помощники, сняв с грузовика брезент, грузили ружья и жбаны с водой. Мы выезжали с восходом солнца. В заповеднике по существу нет дорог. От моей машины оставались колеи, которые их заменяли. Сидя за рулем, я всегда вглядывался в

мягкую пыль в колеях, чтобы обнаружить след зверя. Следопыты вместе с пожилым Мулумбе ехали в кузове, внимательно осматривая окружающую местность.

Охотничьи угодья моего района слишком обширны, чтобы за ними можно было поддерживать постоянное наблюдение. Однако по различным признакам можно примерно определить, как идут дела. Появление хищных птиц, кружащихся в небе, всегда требует расследования. Это значит, что какой-то зверь погиб — возможно от естественной причины, а возможно и по вине браконьеров. Увидев стадо ориксов, газелей Томсона или жирафов, я останавливал машину и смотрел в бинокль. Если какое-либо животное отставало, я выяснял причину. Возможно, что оно пострадало от болезни, которая могла передаваться остальным животным. Если, на мой взгляд, животное было серьезно больным, я убивал его и брал несколько проб крови, которые отсылал в Найроби на анализ.

В зависимости от времени года я менял маршруты объезда. В период дождей, когда трава бывает сочной, животные распределялись по всей территории заповедника. В это время невозможно очень внимательно следить за ними, поскольку тяжелый грузовик пройти не мог по жидкой грязи. Однако в такое время у меня не было особых причин для беспокойства, так как я знал, что если я не могу пробраться сам, то никакой другой грузовик также не сможет этого сделать. Поэтому браконьеры-европейцы фактически лишались возможности действовать. В то же время браконьеры из местных жителей тоже не могли причинить особого вреда, так как животные были настолько рассеяны по всей местности, что к ним трудно было подкрасться.

С окончанием периода дождей трава начинала подсыхать и животные постепенно сосредоточивались в определенных районах, где трава была достаточно

обильной. Если за несколько недель до сухого времени года трава доходила до плеч маленьких газелей Томсона, то теперь она выщипывалась животными настолько чисто, что походила на подстриженный газон для игры в гольф. В этот период требовалась наибольшая бдительность, поскольку животные легко выделялись на траве и представляли собой хорошую цель.

Носороги, которые ранее свободно бродили по всему району заповедника, теперь имели тенденцию сосредотачиваться вблизи нескольких ям с застоявшейся грязью и водяных источников. Я старался внимательно следить за этими ямами с грязью и часто проверял, не появятся ли там следы зверей или людей.

Примерно к одиннадцати часам я возвращался в Макинду. Часто случалось, что в ожидании моего прихода на крыльце дома сидели двое или трое закутанных в одеяла местных жителей. Кое-кто из них был болен и нуждался в помощи. Иные приходили с жалобами на то, что носорог из заповедника опустошал шамбы.

После обеда мы с Хильдой отдыхали, пока не спадал палящий зной. По вечерам я расследовал жалобы местных жителей, пристреливал новые ружья, устранял мелкие неисправности в грузовике или занимался другими бесчисленными делами, связанными со службой инспектора по охране дичи.

Часто меня одолевало чувство, будто основной моей обязанностью было вести постоянную борьбу против посягательств цивилизации. На берегах одного ручья в заповеднике росла замечательная роща эвкалиптов. Туда местные женщины частенько ходили за сухим валежником. Однажды пришло сообщение, что один концерн в Найроби подал прошение, чтобы ему разрешили вырубить эту рощу на лес. В связи с растущими потребностями жилищного строительства в

Найроби необычайно возрос спрос на древесину. В своем докладе я указывал, что роща сохраняет берега ручья от осыпания, и если ее вырубить, в период дождей весь район окажется затопленным. Хотя на этот раз в прошении было отказано, я знал, что лесные концерны не остановятся на этой попытке. Надо сказать, что большая часть Кении уже навсегда разорена в силу хищнического разрушения естественных богатств.

Хильда частенько ездила в Найроби навещать наших мальчиков. Время от времени, но не часто, сопровождал ее и я. Наш домик в Найроби чрезвычайно красив и удобен. Хильда творила чудеса в части разведения цветников и устройства газонов. Но современный Найроби не по душе мне. Не люблю я ни шума, ни толпы. Там мне не по себе. Проведя в Найроби несколько дней, я не нахожу себе места и стремлюсь вернуться в Макинду. Поезд приходит в Макинду в 11 час. 30 минут ночи, но стоит мне подать сигнал электрическим фонарем из окна вагона, как через несколько минут на станционной платформе появляется Мулумбе и кое-кто из домашней прислуги, чтобы помочь мне донести багаж.

Время от времени в Макинду случались неприятности, но эти неприятности были понятны для меня, и я мог с ними справиться. Например, помимо Мулумбе, у меня был еще один опытный следопыт, представитель племени вакамба, по имени Мачока. Между этими двумя следопытами было сильное соперничество, и иногда оно выливалось в открытую неприязнь. Когда я однажды возвратился из поездки, сын Мачоки сказал мне, что в мое отсутствие отец его умер. Я спросил молодого человека, вызывал ли он врача.

— Нет, буана, — заявил юноша с горечью. — Мулумбе завидовал моему отцу и натравил колдуна,

чтобы он околдовал его. И белый врач не мог бы спасти отца.

Племя вакамба — замечательный народ. Это племя одно из самых лучших охотничьих племен во всей Африке. В настоящее время местным жителям запрещено охотиться, поэтому одна из главных моих обязанностей в Макинду — предотвращать браконьерство со стороны местных жителей, в особенности в черте заповедника.

Стоило мне отлучиться из Макинду на несколько дней, как я обнаруживал признаки, указывающие на деятельность браконьеров. Во время объезда я обнаружил труп бабуина, убитого отравленной стрелой. Со зверя была снята шкура. Это показалось мне странным, поскольку шкура бабуина не представляет никакой ценности. Затем вдоль берегов речушек у источников воды я обнаружил множество ловко замаскированных засидок. Эти засидки, как правило, представляют собой небольшие гнезда, устроенные в зарослях колючих деревьев. В них едва может укрыться один человек, и обнаружить их очень трудно. Браконьер устраивался в засидке и сидел там, пока какое-либо животное не приходило на водопой. Пущенная точно в цель отравленная стрела сделает свое дело.

Однажды во второй половине дня, шагая вместе со следопытами по кустарниковым зарослям, мы натолкнулись на маленькую бому, какие обычно устраивают браконьеры во время привалов. До нас донеслись голоса местных жителей, сидевших в боме. Когда мы подошли, браконьеры услышали нас. В тот же миг все они вскочили на ноги, схватив луки с отравленными стрелами. Не растерявшись, один из моих следопытов крикнул:

— Этот человек сам браконьер, промышляющий слоновой костью. Он не инспектор по охране дичи!

Находчивость следопыта, возможно, спасла мне жизнь, так как охотники племени вакамба быстро и точно стреляют из своего оружия, и малейшая царапина ядовитой стрелы может кончиться смертью.

После этого браконьеры оказали нам более дружественный прием. Я посидел и побеседовал с ними. Все они носили шапочки из шкур бабуина, что объясняло секрет ободранного бабуина, найденного мною в зарослях. Во время охоты на носорогов я неплохо овладел разговорной речью вакамба и поэтому мог без труда беседовать с ними. Особенно меня заинтересовал старший из браконьеров, видимо их предводитель. Поговорив с ним несколько минут, я убедился в том, что он первоклассный следопыт. Он говорил авторитетно, и его заявления были вескими.

Эти люди охотились не для того, чтобы добыть себе пищу, они убивали слонов ради их бивней и носорогов ради рогов. Они уже знали, что некоторые бесчестные иностранцы-купцы покупают эти ценные предметы, давая за них шиллинг или более за фунт. Правда, они не знали, что после этого купцы контрабандным путем переправляли слоновую кость и рога в Момбасу, где товар тайно грузился на арабские шхуны и продавался за границей с огромным барышом.

Маленький старик, вождь браконьеров, предложил повести меня в кустарник и показать, как они бьют антилопу. Я пошел с ними. Проходя по открытой полосе среди зарослей, мы натолкнулись на носорога. Вакамба спросил меня:

— Хотите посмотреть, как их бьют?

Говоря это, он вытянул отравленную стрелу из колчана. Я поторопился остановить его.

— В таком случае, — сказал браконьер, — я его только попугаю.

Отравленную стрелу он опустил в колчан и достал обычную.

— Не причините носорогу вреда?

— Не беспокойтесь, я его только прогоню, — сказал старый браконьер уверенно.

С легкостью, выработанной в результате долголетней практики, он вложил стрелу в лук и, едва прицелившись, выпустил ее. Стрела попала в основание рога зверя: сильно ударив по нему, она, однако, не причинила никакого вреда. Носорог только хрюкнул и изо всех сил пустился бежать в кусты.

Мне скоро пришлось убедиться в том, что эти люди были, несомненно, хорошими следопытами и охотниками. Не имея при себе ничего, кроме луков, стрел и палочки для добывания огня, они могли очень долго жить в кустарниках. В сухое время воду они добывали из баобабов. У этих огромных деревьев, как правило, полые стволы, которые служат естественными цистернами, сохраняющими дождевую воду.

С необычайным мастерством браконьеры подражали призывному крику самки-носорога, привлекая самца на расстояние выстрела из лука. Из своих засидок на деревьях они охотились даже на львов. Яд, которым они отравляли свои стрелы, был настолько сильным, что убивал и слонов.

Старый браконьер уверял, что слон с отравленной стрелой в брюхе свалится замертво, не успев пробежать и четырехсот ярдов.

— Иногда мы попадаем стрелой слону в плечо или в ногу, — объяснял мне старик. — В таком случае слон может убежать на много миль, прежде чем яд сделает свое дело. Но это нас не беспокоит: мы ждем день или два, а затем взбираемся на высокое дерево и ищем кружащихся в небе хищных птиц. Они и приводят нас к убитому зверю.

Луки охотников из племени вакамба настолько мощные, что выпущенная из них стрела пробивает насквозь масайский щит из шкуры буйвола и убивает

прикрывающегося им воина. Учитывая, что в старое время щиты масаи надежно прикрывали воинов от пуль арабских мушкетов, вы можете составить себе представление о пробивной силе оружия племени вакамба.

Яд, изготавливаемый ими, намного сильнее широко известного яда, которым пользуются пигмеи. Старый вождь рассказал мне, что яд изготавливается из сока дерева мричу. Научное название этого дерева — *Acocanthera Friesiorum*.

— Мы всегда обнаруживаем его по трупам пчел и колибри, осмелившихся напиться из необычайно красивых пурпурных цветов этого дерева, — поучал меня старик. При изготовлении яда кора этого дерева кипятится в течение нескольких часов до черной смолоподобной массы. Затем смола смешивается со змеиным ядом, ядовитыми пауками и корнями некоторых растений. Иногда в кипящую массу бросают живую землеройку.

У браконьеров интересный способ испытания силы этого яда. Перед тем как отправиться на охоту, браконьер надрезает верхнюю часть своей руки и дает струйке крови пробежать до запястья. Затем он прикладывает к крови наконечник отравленной стрелы. В тот же миг кровь начинает чернеть, и яд ползет к ране вверх по руке. Прежде чем яд достигнет открытой раны, браконьер смахивает его вместе с почерневшей кровью. По тому, насколько быстро яд ползет по струйке крови вверх к ране, можно определить его силу.

Подружившись с браконьерами, я им, наконец, открыл, что я инспектор по охране дичи. Браконьеры, вполне естественно, были очень подавлены и, очевидно, считали себя преданными. Однако у меня не хватило духа сдать их властям. В конце концов они охотились в течение столетий до прихода европейцев и, конечно,

были страстными спортсменами, а между спортсменами всегда существует чувство братства, независимо от цвета их кожи. Я им объяснил, однако, что сейчас нельзя убивать носорогов ради рогов и слонов ради бивней.

Выслушав меня с большим вниманием, старый вождь сказал:

— Я понял: слоны и носороги принадлежат властям, остальные животные принадлежат нам.

Это, конечно, не был в точности тот смысл, который я вкладывал в свои объяснения, поскольку все дикие звери находились под охраной правительства. Но ведь охота на антилопу и массовое убийство диких животных очень отличаются друг от друга. Кажется, мне удалось объяснить им это. Расстались мы друзьями.

Впоследствии мне ни разу не приходилось встречаться с ними во время объездов, и думаю, что мы полностью поняли друг друга.

Я не хочу сказать, что прощал отравление животных, но считаю, что в любом случае при охране закона надо придерживаться здравого смысла. Я строго запрещал убивать носорогов и слонов. После того, как почувствовал, что завоевал доверие местных жителей, я стал постепенно отучать их от охоты на животных ради мяса. Но должен признаться, что во время периодически возникавшего голода, когда был неурожай и народу грозила голодная смерть, я следил менее строго за выполнением всех правил.

На мой взгляд, есть весьма существенная разница между профессиональным браконьерством ради прибыли и постановкой ловушек или же охотой на антилопу, которая забредет на шамбы местных жителей. Профессиональных браконьеров я никогда не щадил. Трудно преувеличить тот урон, который они наносят. Однажды на площади в 12 квадратных миль мною были обнаружены скелеты двадцати носорогов—

все они были убиты браконьерами в течение одного года. Еще более страшно то, что большое число раненых животных уходит в кустарники. Если яд старый или слабый, животное не погибает, но становится разбойником и яростно ненавидит людей. Такое животное бросается на первого встречного человека. Прежде чем его убьют, оно, как правило, искалечит несколько человек.

Должен признать, что браконьеры бывают первоклассными следопытами и отличными охотниками. Хотя я и сознаю, что таких людей необходимо арестовывать, очень трудно питать к ним чувство ненависти. Лично я ненавижу иностранных купцов, которые побуждали этих людей убивать носорогов и слонов, перекладывая риск на браконьера и оставляя себе одну лишь прибыль. В то же время купцов этих почти невозможно заставить предстать перед судом.

Однажды после многих трудов и хлопот мне удалось проследить нескольких иностранных купцов, которые платили охотникам из племени вакамба за браконьерство. Я присутствовал во время процесса над ними в Найроби. Обвиняемый, главарь организации, был умным человеком. Он нанял лучших адвокатов в колонии. После долгого словесного препирательства его оправдали. Пособники были осуждены на тюремное заключение. Я же вернулся в Макинду, чтобы ловить местных браконьеров.

Среди нарушителей законов об охоте попадаются и белые охотники-спортсмены. Если охотник-спортсмен устраивает охоту с помощью крупной компании, снаряжающей сафари в Найроби, беспокоиться не приходится: его будет сопровождать охотник с хорошей репутацией, который следит за тем, чтобы законы об охоте строго соблюдались. Если клиент по своей неосторожности или глупости ранит животное, то

сопровождающий его профессиональный охотник добьет раненого зверя. Однако имеются несколько профессиональных охотников, которые занимаются «вольной» охотой и не состоят на службе у какой-либо крупной компании. Некоторые из этих людей не хуже честных охотников-профессионалов; другие чрезвычайно ненадежны. Таких охотников не возьмет к себе на службу ни одна компания, снаряжающая охотничьи сафари.

Иные бессовестные охотники сознательно набьют больше зверей, чем им разрешено, и в случае поимки заявляют, что они были вынуждены убить животных сверх нормы ради самозащиты и якобы лишь ждут случая, чтобы вернуться в Найроби для сдачи шкур и рогов властям. Был случай, когда такой охотник застрелил трех гепардов, заявив, что на него напали эти животные.

Гепард — животное из семейства кошачьих, с длинными ногами, очень ласковое. Одно время на них был высокий спрос среди индийских раджей, которые приручали их и держали для охоты на антилоп, как обычно держат борзых для охоты на зайцев. Гепарды настолько ласковы, что даже взрослое животное легко становится ручным. Мне думается, что за всю историю Африки не было ни одного случая, чтобы гепард напал на человека, а этот охотник имел наглость заявить, что на него трижды нападали эти замечательные звери. Конечно, его сурово покарали.

Что же касается опасных зверей, то предлог самозащиты иной раз бывает очень трудно опровергнуть. Один местный белый охотник причинил мне много беспокойства. Он постоянно заявлял, что стоит ему отправиться с сафари, как на него напал носорог, в которого он вынужден был стрелять с целью самозащиты. Вполне естественно, у этого охотника отбирались трофеи. Я сильно подозревал, что ему

просто нравилось охотиться на носорогов, и он бил их при первой возможности. Я передел одного из моих помощников-следопытов в одежду жителя кустарников и подослал его к этому охотнику, когда он отправлялся с сафари.

Вскоре следопыт доложил мне, что охотник застрелил носорога. Я передал его дело в соответствующие инстанции. Он вел себя весьма высокомерно, заявив, что к показаниям, «бушмена-негритоса» суд никогда не отнесется с доверием, если их опровергнет белый человек. Но для этого типа я приготовил сюрприз. Вместе со своим следопытом я выяснил все подробности убийства носорога, разыскал труп носорога и вырезал из него пулю. На суде мне удалось показать, что пуля попала в носорога под таким углом, который исключал возможность нападения зверя на охотника в момент выстрела. Я даже принес кусок шкуры в качестве доказательства. Охотник был признан виновным, и на него был наложен большой штраф.

Одна из трудностей в охране крупных зверей заключается в том, что они не знают границ своего заповедника и нередко выходят за его пределы, наносят ущерб местному населению. Стоит этому случиться, как поднимается крик о том, что заповедник представляет собой угрозу для района и всех крупных зверей следует уничтожить. Когда звери заповедника действительно причиняют ущерб местному населению, то их следует уничтожать, но часто случается, что выдвигаемые обвинения ни на чем не основаны.

Уничтожать зверей-вредителей — одна из основных обязанностей инспектора по охране дичи. По-моему, самые вредные животные в Африке — это не крупные дикие звери, а гиены и бабуины. Ущерб, наносимый крупным зверем, бросается в глаза, а урон, причиняемый гиенами и бабуинами, хотя и не столь

сенсационный, но зато постоянный. Инспектору по охране дичи приходится постоянно уничтожать этих зверей, обычно по отчаянной просьбе какой-либо отдаленной деревни.

Привожу следующее письмо, которое довольно типично для такого рода сигналов:

«Уважаемый сэр!

Позвольте поздравить вас по случаю победы и окончания злосчастной войны в Европе.

Однако у нас в деревне сейчас идет война между гиенами и волами. Волам приходится туго. Каждую ночь гибнет один или два.

Наши поселенцы потеряли четырех коров, которые уже съедены. Вы можете прийти расспросить жителей и удостовериться в этом лично.

Наш народ сейчас находится в угнетенном состоянии.

Надеемся на Ваше любезное содействие и помощь».

Такие письма могут показаться забавными, но в каждой строчке сквозит отчаяние людей, доведенных до крайности.

Гиены занимаются не только тем, что поедают трупы животных. Несмотря на свою трусливость, они сами совершают нападение, если преимущество явно на их стороне. Мне пришлось беседовать с одной женщиной, хозяйкой скотоводческой фермы. Постоянный урон, причиняемый гиенами, довел ее до последней степени отчаяния. Гиены больше всего любят нападать на самку, рождающую детеныша, — в этот момент самка беспомощна, и гиены это хорошо знают.

Нередко гиены бродят стаями и в таком случае нападают не только на стельных коров. Как-то мне пришлось быть свидетелем их необычайной решительности. Сидя вечером у палатки, я услышал громкий стук копыт. Одной рукой я схватил нарезное

ружье, а другой включил электрический фонарь, направив его в сторону звука. Мимо лагеря пронесся обезумевший от страха вол, на спине которого сидела гиена. Гиена уже вонзала зубы в горб вола, а следом бежало еще с добрый десяток гиен.

Я знал, что только лев умеет вскакивать на спину вола, и поэтому едва мог поверить своим глазам. Я крикнул помощнику, чтобы он взял фонарь, и мы пошли за животным. В двухстах ярдах от палатки мы услышали сильный шум. Вол уже лежал мертвым, а гиены рвали его на части. Мне удалось застрелить несколько тварей, прежде чем остальные удалились, яростно рыча из-за того, что им помешали.

Позже я узнал, что гиена подкрадывается к спящему животному и прыгает ему на спину, пока оно не проснулось. До этого я и не представлял, что гиены могут проявить так много инициативы.

В Африке считают, что гиены уничтожают отбросы. Местные жители предпочитают выносить отбросы в кустарники, нежели закапывать их в землю, приучая тем самым гиен искать пищу вблизи деревень. Во многих районах они еще выполняют функции гробовщиков.

Я полагаю, что обычай, по которому трупы людей отдаются на съедение гиенам, побуждает их нападать на живых людей. Зарегистрировано несколько нападений на спящих людей.

Мне пришлось познакомиться с одним молодым туземцем, который был страшно изуродован гиеной. Вместе с несколькими друзьями он спал у костра. Как правило, местные жители устраиваются вокруг костра головами к огню. Этот молодой человек был частично накрыт одеялом, другой одежды у него не было. Ночью к нему подбежала гиена и, откусив мошонку, убежала.

Обычно гиен уничтожают ядом. Сначала это действует безотказно, но очень скоро животные теряют

доверие к мясу, от которого несет запахом человека. Мне много раз приходилось бить антилоп и отравлять их. По следам я определял, что ночью здесь были гиены, обнюхивали антилопу и уходили, не прикоснувшись к ней.

Для борьбы с этими паразитами я предпочитаю пользоваться ружьями-ловушками. Ружье привязывается к какому-либо предмету, от спуска ружья через звериную тропу протягивается веревочка. В загон из колючего кустарника для приманки кладут убитую антилопу. Почти всегда можно обнаружить у входа мертвую гиену.

После гиены самый вредный зверь в современной Африке, по всей вероятности, бабуин. Если бы бабуинам не была свойственна бессмысленная жестокость, их можно было бы даже полюбить за храбрость и сообразительность.

Когда бабуины совершают набег на кукурузные поля, они проявляют большую находчивость. Один бабуин устраивается на дереве в качестве наблюдателя; при появлении человека у поля он подает сигнал коротким лающим криком. Все остальные при этом обращаются в бегство, не забывая перед уходом схватить несколько кукурузных початков.

Лай издается только в том случае, если приближается мужчина, вооруженный луком и стрелами. Если же к полю подходит женщина, то бабуины выказывают по отношению к ней величайшее презрение. В самом деле, старый бабуин-самец часто подходит к женщине с весьма воинственным видом, царапая землю и злобно жестикулируя. «Зарегистрированы случаи», когда бабуины уносили маленьких детей местных жителей. Мне это кажется маловероятным. Однако среди местных жителей это поверье широко распространено.

Бабуины-самцы очень храбры. Когда вся банда бабуинов обращается в бегство, тыл неизменно прикрывают самцы. Я думаю, что не родилась еще собака, которая могла бы сцепиться с самцом-бабуином и выйти из схватки живой. Обезьяна хватает собаку и вонзает в нее клыки, а затем отталкивает ее своими руками. Крупный бабуин-самец обладает невероятной силой. Если он вцепится в собаку, то может вырвать большой кусок мяса. Зубы бабуина даже больше, чем у льва, и представляют весьма грозное оружие.

Как правило, бабуинов также уничтожают при помощи яда. Как и в случаях с гиенами, этот способ действен только до тех пор, пока обезьяны не видят его последствий. Однако стоит несколько животным издохнуть, как остальные становятся осторожными и отказываются притрагиваться к отравленной приманке.

Хотя бабуины и не обладают особо острым обонянием, они чрезвычайно осторожны. Они слишком умны для того, чтобы на них можно было охотиться при помощи привязных ружей-ловушек. Если бабуины встревожены, охота на них — очень трудоемкий и утомительный процесс.

Львы-людоеды — еще один вид вредителей, которых время от времени приходится уничтожать охотникам, состоящим на государственной службе. С большим интересом прочел я несколько замечательных повествований об охоте на тигров-людоедов в Индии. Должен сказать, что они меня очень удивили. Создается впечатление, что только после того, как тигр убьет и съест четырехста или пятьсот человек, какой-нибудь молодой субалтерн-офицер, турист или местный охотник-спортсмен решаются попытать свое счастье и убить зверя.

В Кении зверь-людоед рассматривается как большая угроза, и поэтому принимаются все меры к его немедленному уничтожению. Как только поступает

сообщение о появлении зверя-людоеда, Департамент по охране дичи немедленно высылает в этот район опытного охотника с указанием уничтожить зверя-людоеда любым способом. При этом могут применяться капканы, яд и привязные ружья-ловушки. Редко случается, чтобы зверь-людоед получил возможность убить двух человек.

Большинство людоедов или старые звери, которые уже не в состоянии охотиться, или же уроды. Возможно, в такого льва попала стрела местного охотника или же зверь был изуродован острыми рогами антилопы.

Иногда вполне нормальный, здоровый лев убивает человека, но, как правило, случайно. Чаще всего это бывает в районах, где домашний скот захватывает пастбища, вытесняя диких травоядных животных, — естественную добычу льва. В попытке подобраться к домашнему животному лев может убить пастуха как препятствие, стоящее на его пути. Если по какой-либо причине скот убежит, лев может вернуться. Льву может понравиться вкус человеческого мяса, и он становится людоедом. Такое стечение обстоятельств весьма редко, но если оно имеет место, лев неизбежно становится людоедом. Я не думаю, что лев начинает заниматься людоедством потому, что он обнаруживает, насколько легко убивать людей. Однако стоит льву пристраститься к человеческому мясу, как он пускается в самые рискованные предприятия, чтобы удовлетворить свою страсть. Мне известны случаи, когда лев бросался сквозь стадо, чтобы убить пастуха.

В некоторых районах, по-видимому, складываются особые условия, толкающие львов на людоедство. Это какая-то наследственная особенность, которую невозможно объяснить. Например, львица-людоед обучает львят людоедству. Молодые львы убивают не инстинктивно. Мать обучает их охотиться на зверя по своему выбору. Однако эта тенденция к людоедству,

кажется, возникает только каждое третье или четвертое поколение. Особенно часто такие случаи происходят в районе Тсаво, который известен своими львами-людоедами. На сегодня большая их часть в этом районе уничтожена, хотя все еще поступают сообщения об одиночных львах-людоедах.

Помимо ружей-ловушек, самый лучший способ для уничтожения львов-людоедов, по-моему, применение яда. Львы чрезвычайно восприимчивы к стрихнину и гибнут от этого яда в течение нескольких секунд. Для охотника старого закала, каким являюсь я, применение яда никогда не доставляло удовольствия — здесь нет места для спорта и для искусства. Но способ этот очень действен, и в некоторых случаях его следует применять.

Если лев-людоед убивает местного жителя и оставляет часть тела жертвы несъеденной, он почти наверняка вернется к трупу. Если охотник отравит тело, лев гибнет почти наверняка. Местные жители очень трезво подходят к этому вопросу, что доказывает следующая история.

Мой друг капитан Том Салмон, инспектор района вблизи Макинду, получил сообщение о том, что лев убил мать местного вождя. Капитан Салмон немедленно отправился в деревню, и вождь повел его по следу людоеда. По пути они обнаружили руку женщины, а позже — ее наполовину съеденное тело. Вблизи не было ни одного дерева, на котором можно было бы устроить махан, ни кустарников, где можно было бы устроить бому. Под лучами палящего солнца земля стала слишком твердой, чтобы можно было поставить пружинные капканы. После долгих колебаний Салмон спросил у вождя — нельзя ли отравить тело. Он объяснил при этом, что если не убить льва, зверь нападет на других людей.

Вождь согласился, и Том сделал несколько надрезов на теле, заложив в каждый по небольшой ампуле стрихнина.

Придя сюда на другое утро, они обнаружили мертвого льва, лежавшего поперек тела женщины. Зверь проглотил всего лишь одну ампулу, заложенную в левое бедро. Он погиб почти мгновенно. Том обратился к вождю и принес ему свою глубокую благодарность за то, что он отнесся с таким пониманием к этому вопросу.

— Власти, — заверил Том вождя, — устроят соответствующие похороны вашей матери. Никаких расходов не пожалеют, ставьте ваши условия, и все они будут выполнены.

Хотя исполнение обязанностей инспектора занимало все мое время, Департамент по охране дичи нередко давал мне задания уничтожать животных, совершающих набеги на шамбы местных жителей. Это, как правило, были слоны. Иногда сигнал «СОС» подавался и местными жителями в следующем виде:

«Инспектору по охране дичи.

Сэр!

Обстоятельства вынудили меня обратиться к Вашему превосходительству ввиду критического положения, в котором оказались жители нашей деревни в Туссо. Они неоднократно просили меня написать Вашему превосходительству письмо, чтобы Вы оказали им помощь в спасении пастбищ от окончательного уничтожения. Я не решался беспокоить Вас, думая, что эта беда пройдет, однако случилось обратное. Вторжение слонов приняло угрожающие размеры, поэтому жители деревни находятся в опасности так же, как и их жилища; по ночам в деревню приходят слоны. Все люди с грустью спрашивают: «Что мы будем есть в этом году?». Нам всем придется переселяться из этого района. Лично я слонов не боюсь, но я опасаясь, что жители нашей деревни вынуждены будут пойти по

миру и голодать. Я надеюсь, что Ваше превосходительство найдет способ избавить их от этой беды.

С благодарностью и почтительными приветами искренне Ваш ученик Миссии».

Приходится удивляться, насколько умны слоны. Они совершенно точно знают, когда нет никакой угрозы со стороны охотника. Однажды Департамент по охране дичи дал мне задание уничтожить стадо слонов, которое наносило ущерб кокосовым плантациям в деревне Лунга-Лунга, расположенной на границе Кении и Танганьики. Слоны проводили день в Танганьике, а ночью пересекали границу и опустошали плантации на территории Кении. В обычных условиях задача уничтожения этих разбойников не представляла особой трудности. Однако в данном случае был затронут сложный юридический вопрос. Департамент по охране дичи Кении не мог уполномочить охотника действовать на территории Танганьики. Если бы Департамент стал вести дело с соблюдением мелочей юридической процедуры, к концу волокиты все плантации были бы уничтожены. Поэтому передо мной была поставлена задача — уничтожить слонов на территории Кении. Это можно было сделать только ночью, поскольку слоны, казалось, понимали, что в Танганьике они находятся в безопасности, и к рассвету переходили границу.

Вместе с Мулумбе я отправился в деревню Лунга-Лунга, расположенную вблизи побережья Индийского океана на расстоянии около пятидесяти миль к югу от Момбасы. Около деревни протекает небольшая речка Умба. Кокосовые плантации простирались до самой речки, и пальмы нависали над самой водой. Сейчас плантация находилась в плачевном состоянии. Деревья, которые выращивались в течение многих лет, были изломаны слонами, земля усеяна скорлупой кокосовых орехов и пальмовыми листьями.

Вместе с Мулумбе я некоторое время изучал следы слонов. Это были молодые самцы-холостяки, достигшие половой зрелости и изгнанные из стада старыми, более крупными самцами. Эти молодые самцы образовали своего рода клуб и бродили по джунглям, ожидая того времени, когда они наберутся сил, чтобы бросить вызов и отбить у старых слонов самок.

Я знал, что охотиться на слонов ночью бесполезно. Их надо удерживать на плантации до рассвета. Это трудная задача, поскольку при первой же тревоге все стадо бросалось на территорию Танганьики. После долгих размышлений я придумал, что нужно сделать.

Плантация, которую опустошали молодые слоны, была не более 500 ярдов длиной и 200 ярдов шириной. Я сказал, чтобы местные жители обложили край плантации, обращенный к границе Танганьики, валом из хвороста; пробираясь к кокосовым пальмам, слоны смогут пройти через него. Но, когда они попытаются вернуться, жители запалят хворост. Я полагаю, что стадо не осмелится прорываться через пламя, чтобы скрыться на территории Танганьики, а если нам удастся задержать слонов до наступления рассвета, я смогу начать отстрел.

В этот вечер я сидел у хижины с тростниковой крышей, наблюдая, как ветерок раскачивал пальмы, и вспоминал молодость, проведенную в Шотландии. Немало ночных экспедиций задумывал я в то время, ставил силки на зайцев или сети на куропаток. Сейчас, собственно, я занимался тем же, только дичь была несколько крупнее.

В конце концов писк москитов загнал меня внутрь хижины на койку.

Часа в три утра я услышал тревожный крик местного жителя, который вызывал моего заряжающего. Я вскочил с койки. Слоны уже пришли на плантацию. Вместе с Мулумбе мы собрались в

несколько секунд. Ночь была темная, как внутренность пузырька с чернилами. Однако наш проводник бежал в темноте, как среди бела дня. Мулумбе легко следовал за ним. Я же попадал в каждую ямку, встречавшуюся на моем пути, мысленно моля бога, чтобы он не дал мне вывихнуть ногу.

Стадо было на другой стороне речки Умба. Мы перешли ее вброд по песчаному дну. Возбуждение заставило нас совершенно забыть, что речка кишит крокодилами. Когда мы вышли на другой берег, я ясно услышал, как слоны ломали пальмы.

Со всех сторон из темноты стали появляться жители деревни, горя желанием начать охоту. Я организовал бригаду поджигателей и расставил их на равных промежутках вдоль вала из хвороста. Когда все заняли свои места, я дал команду поджечь хворост.

Сухие прутья вспыхнули, как бензин. В какой-то миг встала целая стена пламени, которая прыгала в обе стороны вдоль южной стороны плантации, насколько хватало взгляда.

Ну и зрелище это было! При виде пламени ошарашенное стадо более чем из двадцати слонов замерло безмолвными изваяниями. Многие из них стояли с задранными вверх хоботами, застигнутые в момент ломки пальм. Вдоль стены пламени полуголые люди плясали и кричали, размахивая горящими факелами и возвещая слонам, что скоро наступит возмездие за их злодеяния. Слоны не издали ни единого звука. Они явно обдумывали, как выйти из огненного полукруга. Стадо могло бы повернуть и бежать в глубь Кении, а потом, сделав большой круг, миновать пламя. Но я рассчитывал на то, что они направят свои силы и разум на то, чтобы вернуться в Танганьiku прямым путем. Мои расчеты оправдались. После нескольких секунд нерешительности стадо бросилось на нас, делая отчаянную попытку прорваться на родную территорию.

Наступил критический момент. Если стадо сейчас прорвется, нам никогда не удастся его настигнуть. Открыть по слонам огонь я не смел. Звуки выстрелов в момент, когда слоны уже находились в паническом состоянии, только придали бы им силы. Отличился Мулумбе. Схватив горящий факел из рук одного из местных жителей, он крикнул бригаде поджигателей, чтобы она следовала за ним. Пренебрегая опасностью, он бросился на стадо, размахивая своим факелом и крича, как сирена. Остальные поджигатели бросились вслед за ним, бросая факелы в наступающих слонов, Слоны заколебались, а затем повернули по направлению к плантации.

Как долго не наступает рассвет! Никогда еще, казалось, часы не тянулись так медленно. Я вглядывался в направлении океана, надеясь увидеть серый просвет на небе, предшествующий восходу солнца. Наконец, я услышал воркование голубей, сидящих на деревьях, и понял, что ждать осталось не так уж долго. Жители деревни утомились, но я подбадривал их. Они подбрасывали хворост в костры и снова кричали и размахивали факелами.

Часов в 5 стадо сделало новую попытку прорваться через огонь. На этот раз слоны разделились на две группы и бросились на стену горящего хвороста с разных сторон. Жители хватали из огня горящие головешки, забыв о боли, и бросали в наступающих слонов. И на этот раз удалось отогнать стадо. Со стороны второй группы слонов до меня донесся плеск, очевидно они намеревались перейти речку вброд. Это было к лучшему. Плеск воды давал мне ясное представление о том, где они находятся. Уже достаточно рассвело, и можно было ясно видеть. Я заметил, что коричневые тела тихо продвигаются слева от нас. Вторая группа хотела обойти дальний конец огненной стены и бежать.

Теперь наступило время начать отстрел. Я послал Мулумбе к стаду, находившемуся справа от речки Умба, сам же прыгнул сквозь стену пламени и пошел вперед, чтобы перехватить другую группу. Идти было нетрудно, так как слоны плотно утоптали землю, пока бродили в темноте. Я шел медленно, стараясь не обнаружить себя. Прямо перед собой примерно в сорока ярдах я увидел пять слонов-самцов. Выстрелами из обоих стволов я тут же уложил двух животных. Пока я перезаряжал ружье, один из оставшихся в живых слонов развернулся и бросился па меня. Вот тут-то и сказался основной недостаток двустволки. Часто бывает так, что время, необходимое для перезарядки ружья, решает вопрос жизни и смерти охотника. Невероятно быстро приближающаяся голова слона внушала неприятное чувство. Наконец, мне удалось замкнуть ружье и выстрелить. Слон упал, не вздрогнув.

Оставшиеся два слона стояли, подняв хоботы над головами. Животные нюхали воздух, стараясь определить мое местонахождение. Затем они внезапно развернулись и бросились наутек по направлению к речке Умба. Я пустился вслед за ними. Впереди слышались крики местных жителей; затем донесся треск магазинного нарезного ружья Мулумбе, вслед за которым послышался знакомый хлопок попавшей в цель пули. Мой помощник вступил в дело.

Крики местных жителей становились все громче и громче. Вдруг до меня дошло, что они кричали от ужаса, а не от возбуждения. Я бросился на крик и прибежал как раз в момент, когда один слон сталкивал с места большую деревенскую хижину с низкой крышей. Перед моими глазами маячил огромный огузок зверя. Голову он почти прижал к земле, напирая лбом на стену хижины. Я видел, как ивовые прутья, из которых были сплетены ее стены, сначала напряглись, а затем уступили. Обитатели хижины выскакивали из трещин,

как кролики из садка, когда в него вдруг забирается хорек, и разбегались во все стороны. Я выстрелил в плечо слона; он повернул и бросился бежать к пальмам, при этом кровь струилась у него из хобота. Не успев пробежать и половины расстояния, он упал с громким стоном. Когда я подошел к нему, он был уже мертв.

Я пошел к тому месту, откуда в последний раз до меня донесся выстрел из ружья Мулумбе. Через несколько секунд я уже был с помощником. Он улыбнулся и, подняв руку, показал мне четыре пальца. Остальные слоны собрались вместе, укрывшись среди кокосовых пальм. Вместе с Мулумбе мы стали осторожно подкрадываться к ним.

Повсюду на территории плантации кричали жители деревни. Вдруг Мулумбе остановился и помахал рукой, показывая, что слоны идут в нашем направлении. Мы застыли в ожидании.

Через несколько секунд из-за деревьев появилась группа слонов. Их было четыре. Мы открыли по ним огонь. Слоны остановились и в течение нескольких секунд кружили на месте. Трех мы убили. Оставшийся слон ускользнул в речку. Позже мы обнаружили, что этот слон прошел мимо нас бродом и сбежал в Танганьики. Больше он на плантацию не возвращался. Всего мы убили одиннадцать слонов. Бивни у них были особенно высокого качества, совершенно без трещин и прочих дефектов, но небольшие — в среднем по 30 фунтов, ведь они принадлежали молодым животным!

Слон-самец может взбеситься лишь в редких случаях. После этого он становится «разбойником». Однако я должен сказать, что всегда отношусь с большим подозрением к сообщениям о бешеных слонах, поскольку любой самец временно становится «бешеным» в период течки. У слонов период течки бывает не только у самок, но и у самцов. В этот период самец становится чрезвычайно нервным и

раздражительным. Из двух крохотных отверстий возле ушей вытекает мускусная жидкость; запах этой жидкости является признаком, что начался период течки. По рассказам, самки очень заботятся о самце в этот период. Они окружают его и успокаивают своими голосами. При этом гладят его хоботами. В случае опасности они спешно уводят самца, зная, что в таком состоянии его нельзя оставить без присмотра.

Когда слон в это время совершает набег на деревню или же нападает на местных жителей, они часто заявляют о том, что напал слон-разбойник. На самом же деле это не так. Как только пройдет период течки, слон снова станет нормальным. Настоящий слон-разбойник — всегда бешеный слон, когда такое животное появляется, его надо как можно быстрее уничтожить.

Мой опыт говорит, что слон не становится разбойником, если он не изуродован или пулей охотника, или стрелой местного жителя. Я знаю только об одном исключении из этого правила, когда слон страдал от естественного недостатка.

В 1945 году племя вакамба обратилось ко мне с просьбой уничтожить слона-самца, который нападал на людей и совершал опустошительные набеги на поля жителей деревень. Жители настолько боялись этого зверя, что дали ему прозвище «сайтани», что значит «дьявол». Они полагали, что в него вселился злой дух. Жители заверили меня, что зверь обладает сверхъестественными качествами, поскольку он оставлял след, не похожий на след какого-либо другого слона.

Я весьма неумно сделал, поехав в одиночку, оставив Мулумбе во главе следопытов в заповеднике Макинду, так как полагал, что «сайтани» окажется простым слоном-разбойником, с которым легко покончить. Более

130 миль пришлось проехать до речки Чунья, протекающей к югу от Найроби.

Когда я прибыл в деревню, на которую в последний раз совершил набег этот слон, жители показали мне его след. След действительно был необычным. За всю мою жизнь мне еще ни разу не приходилось видеть подобные следы. Животное имело естественный недостаток — нога его была изуродована от рождения. Это, по-видимому, и явилось причиной того, что остальные слоны избегали его, и ему приходилось пастись в одиночку.

Слон опустошал бахчи местных жителей. Он проявлял большую изобретательность в поднятии скользких арбузов. Из-за их круглой формы слону нелегко было поднимать арбузы хоботом, поэтому он сначала наступал ногой на арбуз, слегка разминая его. Помятый арбуз легче было брать.

Как правило, слоны дважды не совершают набег на одну и ту же деревню. Однако этот слон стал настолько агрессивным, что приходил в одну и ту же деревню до тех пор, пока полностью не опустошал шамбы. После этого он переходил в другую деревню. Жители заверили меня, что «сайтани» снова придет ночью. Я решил его встретить.

Я уже говорил, что стрелять ночью почти невозможно. Но этот случай казался мне исключительным. Если бы мне удалось убить слона вечером, пока он опустошает шамбы, мне не пришлось бы потратить много часов на то, чтобы идти по следу, и, таким образом, у меня была возможность вернуться в Макинду на следующее утро. Я решил попробовать. Одному из местных жителей я показал, как пользоваться электрическим фонарем с мощной батареей. Мы условились, что, когда я его легко толкну в бок локтем, он включит фонарь и осветит слона,

чтобы я мог сделать по нему выстрел. Договорившись об этом, я лег спать и заснул почти мгновенно.

Мне недолго пришлось поспать, так как вскоре в мою хижину прибежал взволнованный житель, крича о том, что «сайтани» уже находится на кукурузном поле. Я схватил ружье и вышел вместе с помощником, несшим фонарь. Со всех сторон доносился говор взволнованных жителей, сидевших по хижинам. Я слышал, как они старались загородить входы, хотя хрупкие хижины не могли их защитить от разбойника.

Затем, заглушая говор напуганных жителей, до меня донесся другой звук — уверенное хрупанье жующего слона. Я медленно пошел вперед, сдвинув предохранитель. Непроницаемая темнота ночи, казалось, сжимает человека со всех сторон. Я шел, ориентируясь только по треску и щелчкам ломаемой впереди кукурузы.

Мы подошли к краю поля и, петляя, стали пробираться сквозь высокие стебли кукурузы. Кукуруза росла настолько густо, что нам приходилось буквально пробиваться сквозь нее. Затем на фоне темного неба я увидел неясный силуэт огромной глыбы.

Вдруг слон перестал жевать; он услышал шорох и стал прислушиваться. Я мысленно представил себе, как он стоит неподвижно, возможно со стеблем кукурузы во рту, оттопырив во всю ширину свои огромные уши, чтобы уловить малейший звук. Мы находились от него примерно в пятнадцати ярдах. Я легонько толкнул юношу локтем, чтобы он включил фонарь.

Но все мои инструкции были полностью забыты. Нервный юноша то включал, то выключал фонарь. Слон, который не знал, где мы находимся, теперь по свету определил наше местонахождение. Вдруг он бросился на нас. Я услышал треск ломающихся кукурузных стеблей, похожий на треск горящих в костре шипов колючего кустарника. Мой помощник пустился бежать,

крича от ужаса. На какой-то миг я заколебался, так как ничего не видел, а только слышал, что зверь рвется ко мне. Ничего не осталось делать, как только бежать, и я побежал.

Я рванулся через кукурузу, каждую секунду ожидая, что слон вот-вот настигнет меня. Ночью слон может определить местонахождение охотника по его запаху, а охотник все равно что слепой.

Когда я достиг края кукурузного поля, то остановился, чтобы прислушаться. Все было безмолвно. Я тихонько пробрался в хижину, уступив первый раунд разбойнику.

Теперь жители деревни еще более уверились в том, что слон-разбойник обладал сверхъестественной силой, которая превосходила возможности человека, даже белого. Но я готов был поспорить со зверем на этот счет и послал записку Хильде с просьбой срочно прислать ко мне Мулумбе. Как только он прибыл, мы пошли по следу хромого разбойника.

Слон, ночью наелся кукурузы до отвала и поэтому не останавливался в пути, чтобы поесть, как обычно делают слоны. След вел через кустарники, и я знал, что нам придется пройти большой и тяжелый путь. Вначале идти по следу было легко: земля была мягкой и мы, заглядывая вперед, видели глубокие отпечатки деформированной ноги. Слон оставлял большие кучи помета примерно на равных расстояниях. По температуре помета можно определить, как давно он прошел. Если в помете большое количество непереваренной пищи, значит зверь нервничает, и охотнику следует проявлять особую осторожность. Если в одном месте большая куча помета, значит животное останавливалось на продолжительный отдых, а это увеличивало шансы на то, чтобы догнать его.

Но вот мы натолкнулись на каменистый гребень. Мулумбе остановился, как гончая, потерявшая след.

Гребень высоко вздымался над кустарниками. Он был совершенно голый, за исключением нескольких камней и гальки, лежавших на нем. Только Мулумбе мог обнаружить гальку, которая была потревожена ножищами разбойника. Приходится удивляться, как такое огромное животное может идти по камням, почти не тревожа их. В конце концов мы миновали хребет и, спустившись на другую сторону, стали ходить взад-вперед, пока снова не обнаружили след. Здесь продвижение было до отчаяния медленным. Почва была твердой, каменистой, и на ней почти не оставалось никаких следов. Ползая на животе, как змея, Мулумбе подлезал под кусты и обнаруживал следы, о существовании которых я не мог и подозревать. После того как слон пройдет, мелкая поросль тут же принимает свое прежнее положение.

Насколько раньше я был полон надежд, настолько теперь впал в уныние. Мне казалось безнадежным искать одного затерявшегося в лесах Африки слона.

Я машинально брел за Мулумбе, вспоминая все мои прошлые неудачи.

Мы с трудом пробирались через заросли кустарника сансевиерии. Листья этого ужасного растения оканчиваются столь острыми и крепкими колючками, что их часто используют в качестве граммофонных игл. Фермеры-скотоводы обсаживают свои сады кустарниками сансевиерии, которые обеспечивают надежную защиту против скота. Мне приходилось встречать коров без глаза — животное паслось слишком близко к живой изгороди из кустов сансевиерии.

Теперь представьте себе страдания двух человек, которые должны продираться через целую плантацию этого дьявольского растения.

Мы шли до тех пор, пока не напали на хорошо утопанную звериную тропу, и по ней продолжали свой путь через кустарники. Вдруг Мулумбе остановился и

пальцем указал на землю — я увидел знакомый след изуродованной ноги.

Мы настигали зверя. Мулумбе шел первым. Я смотрел вперед, чтобы встреча с разбойником не была неожиданной. Затем в кустарнике послышались хорошо знакомые звуки, издаваемые жующим слоном. Слон продвигался, лакомясь нежными веточками. Видимо, он дожидался темноты, чтобы вернуться на деревенские шамбы. До меня донеслось бурчание в его животе.

Звериная тропа вела через прогалину в узкой полосе зарослей. Разбойник находился по ту сторону прогалины на расстоянии менее пятидесяти ярдов. Забыв обо всем, я оттолкнул Мулумбе и чуть ли не бегом пустился к прогалине.

Вдруг я почувствовал, как Мулумбе схватил меня за джемпер и резко потянул назад. Мулумбе приложил ухо к земле — звук лучше проходит по земле, нежели по воздуху, — затем стал резко высовывать и убирать язык. Это был сигнал тревоги. В кустарнике впереди нас появилась крупная самка носорога. Она вся была облеплена грязью из водяной ямы, а ее мокрые рога блестели в лучах заходящего солнца. Она шла по тропе прямо на нас, но не заметила ни Мулумбе, ни меня, так как прислушивалась к звуку жующего слона.

Если бы не Мулумбе, я столкнулся бы с носорогом. Но тут же возникла другая проблема: самка шла по звериной тропе, на которой стояли мы. «Если я выстрелю по ней, — думал я, — то слон наверняка бросится наутек». И в то же время я не мог позволить ей подойти слишком близко к нам. Похоже, что «сайтами» действительно охранял таинственный бог джунглей.

Носорог подходил все ближе и ближе, продолжая прислушиваться к пасущемуся слону. Я был весь в напряжении. Носорог подошел настолько близко, что малейшее движение вызвало бы его нападение.

Мулумбе, стоявший за мной, был бесподобен. Пока приближался носорог, он не шевельнулся. Я решил стрелять, как только самка приблизится на расстояние пяти ярдов. Это расстояние было отмечено пучком травы, лежащим на тропе. Самка остановилась и прислушалась к разбойнику, затем сделала еще несколько шагов.

В детстве, когда я учился в школе, мы обычно развлекались глупой игрой: глядели сосредоточенным взглядом в затылок мальчика, сидевшего на несколько рядов впереди, и старались внушить ему, чтобы он повернулся. Сейчас, глядя на самку носорога, я хотел заставить ее повернуться. Казалось, что она совершенно безразлично относится к моим умственным усилиям. Вдруг, когда до пучка травы оставалось менее ярда, носорог повернулся и пошел в направлении кустарника, расположенного справа от нас. Я услышал, как Мулумбе выдохнул воздух из легких.

Теперь между нами и разбойником ничто не стояло. Я пошел вперед к прогалине в кустарнике. Слон уже находился в тридцати ярдах от нас. Между нами возвышался куст; я стал его обходить. Проложив половину пути, я услышал, что слон перестал жевать. Он услышал меня. В такой момент самым разумным было бы застыть на месте, я же не мог заставить себя сделать это. Я был в слишком большом напряжении. Я обежал вокруг кустарника и увидел слона: он стоял, растопырив уши и подняв хобот вверх, стараясь услышать или же учуять меня. Лучшей позиции для выстрела и желать было нельзя. Когда я поднимал ружье, он решил обратиться в бегство. В какой-то миг он прижал свои уши к телу, тем самым обозначив, куда бить, чтобы попасть в сердце, поскольку сердце слона расположено на четыре дюйма ниже края уха, прижатого к туловищу. Я дал выстрел из обоих стволов один за другим.

Он рванулся через кустарник, как будто я не попал в него. Я остался на месте, зная наперед, что случится дальше. На расстоянии пятидесяти ярдов он упал на колени. Перезарядив ружье, я осторожно пошел к нему, но больше стрелять не пришлось: разбойник был мертв.

Его клыки не представляли никакой ценности, я взял только изуродованную ногу слона, чтобы доказать жителям деревни, что «сайтани» действительно мертв.

Глава четырнадцатая

О ружьях, охотниках и страхе

Самые мощные нарезные ружья для охоты на крупного зверя имеют огромный калибр — 577 или 600^[41]. Пуля калибра 600 весит 900 гранов и бьет с силой, равной четырем тоннам. Если такая пуля попадет в лоб слону, то она отбросит его в сидячее положение. После этого со слоном можно покончить выстрелом из второго ствола. Никакой слон не устоит перед ударом такой пули, если она попадет в нужное место.

Откровенно говоря, я не пользуюсь этими сверхмощными ружьями. Мне немного стыдно признаться в истинной причине этого. Научился стрелять я еще мальчиком, и мне никто не объяснил, что стреляющий должен плотно прижимать приклад к плечу, чтобы уменьшить силу отдачи. При стрельбе из дробовика или легкого ружья это особой роли не играет; однако при стрельбе из сверхмощного нарезного ружья, если приклад недостаточно крепко прижат, он больно ударяет в плечо. Я, конечно, знал об этом, но в разгаре охоты обычно забывал.

В основном я пользуюсь двуствольным бескурковым ружьем калибра 500 фирмы «Голланд и Голланд» с выбрасывателем. У, этого ружья длина ствола 24 дюйма, вес — 10 фунтов 5 унций^[42]. По-моему, из нарезных ружей ружья фирмы «Голланд и Голланд» самые лучшие, так же как ружья фирмы «Джемс Перде и сыновья» лучшие среди гладкоствольных. Мое ружье калибра 500 не подводило меня ни разу, иначе мне не пришлось бы писать эти строки.

Вместе с тем я твердо убежден, что неумно охотиться на слона, буйвола или носорога с ружьем калибра менее 450. Однажды во время охоты в Южной Танганьике мне пришлось встретиться с голландским охотником-спортсменом по имени Ледибоор, который горел желанием добыть африканского слона. Он только что прибыл с острова Явы и перед этим убил несколько индийских слонов. Он с гордостью показал мне свое ружье калибра 405^[43], которым с большим успехом пользовался на Цейлоне.

Я откровенно сказал этому охотнику, что его ружье слишком легкое. Все африканские животные, даже антилопы, чрезвычайно живучи. Они гораздо более живучи и не гибнут от ран, от которых наверняка бы погибли дикие звери Азии, Европы или Америки. Однако я знаю, что самое трудное — убедить другого охотника в правильности своих взглядов. Он вежливо выслушает тебя, а затем, вопреки здравому смыслу, будет цепляться за свои собственные взгляды. Ледибоор бил слонов в Индии ружьем калибра 405; раз так, считал он, это ружье сможет остановить и нападающего африканского слона.

Несколько недель спустя господин Миллер, ученый-энтомолог, изучавший муху цеце в районе Килосса, случайно проходил мимо моего лагеря и сообщил, что голландский охотник Ледибоор убит слонем во время охоты.

Ледибоор заметил стадо слонов и взобрался на дерево, чтобы лучше стрелять по ним. Он свалил слона и пошел к зверю. Оказалось, что слон был всего-навсего оглушен; он вскочил на ноги и бросился на Ледибоора. Господин Миллер сказал, что, судя по останкам Ледибоора, смерть его не была мучительной.

Слоны убивают охотника разными способами. Некоторые топчут его, иные подхватывают охотника

хоботом и натягивают на клыки. Бывает и так: слон убивает охотника, размозжив ему голову одним ударом хобота. Стоит слону убить человека каким-либо способом, и он всегда прибегает к нему в последующих случаях.

Охотясь в кустарниках, ни один охотник не может предвидеть все возможные случайности. Тем не менее я все еще убежден, что такой опытный охотник, как Ледибоор, мог остаться живым, если бы был вооружен достаточно тяжелым ружьем.

Иногда мне приходилось читать сообщения охотников, что после того как они выстрелили из обоих стволов мощного ружья в нападающего слона, слон не останавливался, а продолжал наступать. Я могу по этому поводу сказать, что или у охотника было слишком легкое ружье, или же пули не попадали туда, куда следует.

У слона есть несколько уязвимых мест. Охотники, промышлявшие в давние времена слоновой костью, предпочитали стрелять в ушные отверстия или же немного впереди этих отверстий. Когда пасется непотревоженное стадо, лучше всего стрелять в основание уха. Другое верное место — сердце. Однако попадание в сердце не дает столь быстрых результатов, как попадание в ухо, хотя и при попадании в сердце зверь падает, не пробежав и ста ярдов.

Я предпочитаю бить в лоб: если пуля попадает в лоб, слон падает на колени. При этом пуля пробивает череп и попадает в мозг, вызывая мгновенную смерть. Я чаще всего стрелял именно в эту точку и добивался самых действенных результатов. Когда слон находится на расстоянии десяти ярдов, такой выстрел валит его наверняка. На расстоянии менее десяти ярдов мешает разница между высотой человека и слона. Охотнику приходится стрелять вверх, а пуля ударяет в голову слона под таким углом, что не задевает мозга. Когда

это случается, охотнику редко удается сделать второй выстрел.

Однажды я охотился на стадо слонов, которые в самое сухое время года не давали местным жителям подойти к водному источнику. Я подкрадывался к двум слонам-самцам, как вдруг внезапно появился третий на расстоянии менее пяти ярдов. Казалось, что он вырос из земли. Заметив меня, слон свирепо на меня уставился. Я стоял совсем близко, чтобы стрелять в лоб. Нельзя было стрелять ни в ухо, ни в сердце. Оставалось одно — бить примерно на фут ниже уровня глаз: пуля пробивает хобот и попадает в мозг. Слон издох, не успев сделать ни одного шага в моем направлении. Это был, несомненно, смертельный выстрел, но я не желал бы еще раз попасть в такое же положение.

Вспоминаю другой случай, когда выстрел в хобот не оказался столь удачным. С этой охоты я вообще мог не вернуться.

Мулумбе и я шли по следам нескольких слонов-самцов, которые опустошали картофельное поле. Пока мы пробирались через заросли, я услышал треск. Один из самцов обламывал ветки, Мы пошли в направлении треска и едва сделали несколько шагов, как Мулумбе остановил меня. Вытянутыми губами он указал мне на слона, лежавшего от нас менее чем в 12 футах.

Слон спал. Кто-то рассказывал, будто слоны никогда не спят лежа. Это не так. Мне несколько раз приходилось наталкиваться на стада спящих слонов, лежавших на боку и храпевших при этом. Но я знал также, что, если потревожить спящего слона, он может вскочить на ноги в мгновение ока. С того места, где я стоял, виден был только огузок зверя. Мне пришлось бы долго обходить его через густой кустарник, чтобы выстрелить по выбору в уязвимое место. Я стал медленно продвигаться. Впереди меня были густые заросли кустарника. Я пытался пробираться через них

по возможности бесшумно. Я ничего не слышал и ничего не видел. Однако внезапно вся стена кустарника, казалось, повалилась на меня. Я инстинктивно глянул вверх. Как только я это сделал, молодое деревцо ударило меня в лицо, задев правый глаз. Наполовину ослепленный, страдая от страшной боли, я увидел тянущуюся ко мне через кусты тонкую змеевидную коричневую кишку. Это был хобот. Слон вскочил на ноги и бросился на меня столь быстро и бесшумно, что вырос передо мной до того, как я сумел сообразить в чем дело.

У меня почти не было времени вскинуть ружье. Направив дуло на хобот, я нажал спуск. Отдача ружья калибра 500 чуть не вывихнула мне большой палец. Однако сила выстрела заставила слона повернуть; послышался страшный треск кустарника, и слон исчез.

Я попал в него. Кровь из его хобота залила оба ствола и обрызгала мне джемпер. Когда я стрелял, слон уже протянул хобот, чтобы схватить меня.

Некоторое время я вообще ничего не мог делать. Я сел и занялся своим глазом, который сильно пульсировал. Когда боль несколько утихла, я решил пойти по следу животного. После таких переживаний охотник должен во что бы то ни стало продолжать преследование зверя, иначе может навсегда потерять веру в себя и никогда уже не рискнет снова выйти на охоту.

Вместе с Мулумбе мы пошли по кровавому следу. Вскоре след потерялся. Видимо, пуля лишь задела слона. Зверь побежал, чтобы скрыться в самой чаще леса. По правде говоря, слон оказался быстрее и хитрее нас. Когда наступил вечер, мы вынуждены были бросить преследование и вернуться в деревню. Мне удалось застрелить его только на другой день.

Часто мне приходится слышать разговоры о том, что преуспевающий охотник «не знает, что такое страх».

Это, конечно, не относится ко мне, и я сомневаюсь, чтобы это относилось к кому-либо другому.

Профессиональный охотник, преследуя опасного зверя, ведет сложную и тонкую игру. Он должен постоянно иметь в виду ветер, характер зарослей, состояние следа, особенности зверя, свои собственные сильные и слабые стороны. Он должен двигаться бесшумно, а это значит, что надо следить за тем, куда ставить ногу, и в то же время не упускать из виду кустарник впереди на случай возможной засады. Охотник должен всегда держать наготове ружье, сняв предохранитель, и, если возможно, не ставить себя в такое положение, при котором нельзя в мгновение ока вскинуть ружье и сделать выстрел. Истинный охотник любит эту игру ума; для него она — дыхание жизни. Если он сосредоточится на этом, места для страха не остается. Он осуществляет тысячи мелочей, о которых часами думал, сидя у костра или же беседуя с товарищами по профессии. Поскольку каждая охота не похожа на другую, охотник постоянно применяет новые приемы. В своем стремлении проверить, насколько действенны эти приемы, он редко думает об опасности.

Я не могу вспомнить случая, чтобы я ощущал страх в момент нападения зверя. Этот миг настолько короток и стремителен, что времени на страх не остается. Я бы сказал, что чаще всего страх охотник испытывает, когда он или его клиент ранил опасного зверя, а тот скрылся в кустарнике. В таком случае профессиональный охотник должен начать преследование. След ясен, поскольку видны следы крови, и обычно ведет в непроходимую чащу кустарника. Охотник знает, что где-то в этом кустарнике его поджидает раненый зверь. В зарослях положение охотника чрезвычайно невыгодно — ему часто приходится ползти на четвереньках. Зверь может напасть на него до того, как он успеет вскинуть ружье.

На миг охотник колеблется: может быть, лучше оставить зверя и уйти? Вот тут-то и наступает критический момент, Охотник должен заставить себя пойти навстречу опасности. Стоит ему вступить в заросли — страх пройдет и охотник снова становится квалифицированным специалистом, работающим над выполнением трудной задачи.

Помню, как однажды меня вызвали в Департамент по охране дичи и предложили уничтожить двух ходивших парой слонов-самцов, которые опустошали шамбы жителей в Южной Кении. Один из этих слонов был очень стар, другой — совсем молод. Среди слонов довольно часто возникает глубокая дружба между старыми опытными самцами и молодыми. Два друга покидают стадо и живут в джунглях, образуя своего рода товарищество, куда молодое животное вкладывает силу и острые чувства, а старое — знание жизни и мудрость возраста.

Местные жители знали об этом. Когда они обнаруживали двух слонов, ходящих в паре, они сообщали о своей находке ближайшему белому человеку, занимающемуся охотой. Охотник сразу же пойдет по следу в надежде на то, что один из слонов окажется столетним патриархом с парой прекрасных бивней.

Вместе с Мулумбе мы пошли в деревню, шамбы которой опустошали слоны. Из разговора с жителями деревни я пришел к несомненному выводу, что эта пара слонов — опытные разбойники. Перед тем как совершить набег, они обходили шамбы, чтобы подойти с подветренной стороны. При этом они осторожно нюхали воздух, чтобы убедиться в отсутствии опасности, и всегда уходили с шамб задолго до рассвета, скрываясь днем в самых густых зарослях. Изучив следы, мы обнаружили, что к своему логову слоны также шли против ветра. Наверняка они опасались возможной

засады. Их логово было расположено в самой глубине огромного болота, сплошь поросшего крапивой, окруженного зарослями густого кустарника. Выходя из него, чтобы направиться в шамбы, слоны редко пользовались одной и той же тропой. Я был уверен, что эту сложную тактику разработал старший слон, младший был просто способным учеником.

Двое жителей из местной деревни — профессиональные сборщики меда

— заявили, что они знают каждый фут этого болота. Они добровольно вызвались быть нашими проводниками.

Должен сказать, что я не люблю охотиться в компании с необученными местными жителями. Существует широко распространенное мнение, что все жители Африки по природе своей прекрасные следопыты. Ничто не может быть дальше от истины, чем это! Когда возможно, я предпочитаю идти в заросли только с одним помощником — заряжающим.

Вскоре мы обнаружили следы слонов на вытоптанной траве. Когда видишь свежий след, всегда переживаешь волнение. Это чувство охватывает охотника независимо от того, сколько лет он охотился. При одном виде огромных отпечатков сводит челюсти и мороз пробегает по коже. Впереди борьба, а это всегда волнует.

В болоте мы столкнулись с росшей полосами ядовитой лесной крапивой. Когда охотник идет по следу, он настолько увлечен, что едва замечает ее ожоги. Действие яда сказывается позже. Обожженного начинает лихорадить, его одолевает слабость.

По краю болота обычно стоит завеса из жалящих лесных мух, по размеру и форме напоминающих слепней, которые во время уборки урожая своими укусами доводят до неистовства лошадей в Шотландии. Лесные мухи совершенно бесшумны и садятся на

человека так же мягко, как пух чертополоха. Затем следует внезапный кинжальный удар хоботка, отсасывающего кровь. Постоянное раздражение, вызываемое этими мухами, вместе с лихорадящим действием крапивного яда отвлекает охотника и делает его небрежным. Он рвется вперед, пренебрегая возможной опасностью, и часто попадает в засаду.

Непрерывным усилием воли я заставлял себя держаться настороже. Такое состояние испытывает выпивший лишнее человек, который чувствует, что ему следует соблюдать осторожность в речи и движениях. До нас донесся треск ломаемой спереди ветки. Это означало, что мы подоברались к слонам. Мулумбе и я быстро проверили свои ружья. Наши проводники отошли назад. Заметив, что, задевая шляпой о ветки, я произвожу шум, я отдал ее одному из проводников. Мулумбе проверил направление ветра, который оказался переменным. Мы решили идти в обход и подкрасться вплотную.

Слоны уже перестали жевать, и в джунглях наступила абсолютная тишина. Мулумбе шел впереди, прокладывая путь через кустарник. Справа начали вырисовываться контуры огромной коричневой глыбы. Мой помощник подвел меня к месту, с которого я мог сделать выстрел. Я прицелился на несколько дюймов впереди уха слона и выстрелил. Огромное животное упало, как бревно. Это был старый слон. Я не мог видеть его бивней, однако в этот момент подходить к нему не хотел и ждал, пока молодой слон выдаст свое присутствие каким-либо движением.

В течение нескольких минут не раздалось ни единого звука. Затем мы услышали, как второй слон стал пробираться через джунгли в нашем направлении. Он услышал выстрел, но, по-видимому, не понял его значения. Он искал своего друга, желая проверить, все ли в порядке.

Как я ни старался, я не мог выбрать уязвимого места, чтобы убить его с первого выстрела, и ждал, пока он подойдет поближе. Вдруг наши проводники, сборщики меда, подошли с тыла и обнаружили убитого слона. Они закричали от радости. В этот момент молодой слон моментально развернулся и бросился бежать. Пока он делал поворот, я навел ружье для выстрела в ухо. С досады я выстрелил, не взяв точного прицела. Нажимая на спуск, я уже знал, что беру слишком высоко — пуля попала слону в верхнюю часть головы.

Как я уже сказал, ни один уважающий себя охотник не оставляет раненого животного в кустарнике. Однако знать о существовании такого неписаного правила — одно, а придерживаться его — совсем другое. Проползая через густой кустарник, охотник испытывает чувство полной беспомощности. Это ощущение можно сравнить лишь с ночным кошмаром, когда ноги отказываются бежать, а какой-то зловещий призрак преследует тебя.

В таких случаях чувствуешь себя в положении мухи, попавшей на липкую бумагу. В одежду впиваются шипы, ноги опутывают дикие лозы, и если попытаешься бежать, то можешь растянуться, ударившись лицом о землю. Иногда ноги утопают в густой клейкой грязи, и пока вытаскиваешь одну ногу, другая увязнет еще глубже. Вокруг головы образуется ореол из лесных мух, которые жалят в лицо и сквозь одежду. От ожогов лесной крапивы, которые час назад едва чувствовал, бросает в жар, а крапивный яд вызывает тошноту и головокружение.

Сверх всех этих неприятностей неотступно преследуют мысли о поджидающей смерти. Где-то в кустарнике, в засаде стоит раненый слон. Он неподвижен, хобот поднят, чтобы лучше внюхаться в воздух, а уши оттопырены, чтобы уловить малейший

звук. Приблизиться против ветра невозможно, так как надо идти по следу. Стоящий неподвижно зверь имеет огромное преимущество перед охотником, который к нему подкрадывается. Животное ожидает, отдыхая и готовясь к нападению. Слон точно знает, где охотник, а охотник не имеет никакого представления о том, где скрывается слон. Даже если надо идти по следу животного пять миль, каждый шаг пути проходишь с огромным напряжением. Момент для нападения выбирает преследуемый зверь. Охотник только знает, что нападение произойдет в тот момент, когда он меньше всего этого ожидает.

В такое время джунгли безмолвны, как сама смерть. В джунглях много птиц, по деревьям бегают обезьяны, а по кустарникам шныряют мелкие млекопитающие. Однако при подходе к преследуемому животному звуки постепенно затихают. Создается впечатление, что весь лес погрузился в молчание. Не слышно ничего, кроме собственного дыхания и хлюпанья грязи, из которой вытаскиваешь ноги. Обоняние улавливает лишь запах собственного пота. Все, что происходит за этими пределами, для охотника не существует,

Мы подошли к полосе столь густо растущих кустарников, что пришлось преодолевать их ползком. Перед собой я видел только голые пятки Мулумбе. Извиваясь, я полз вслед за ним, моля бога, чтобы Мулумбе вышел к прогалине, где можно хотя бы встать на ноги. Продвигаясь таким образом, я начал ощущать приступ тошноты. Мне представлялось, что молодой слон-самец стоит где-то в кустарнике впереди, прислушиваясь к нам. Он выжидает момент, чтобы броситься через заросли, по которым может идти так же легко, как человек по высокой траве. Мне даже захотелось, чтобы он, наконец, бросился на нас и покончил все разом. Наконец, Мулумбе удалось приподняться на колени. Я подполз к нему. Он ничего

не сказал, а только смотрел вперед. Там стоял слон и глядел прямо на нас. Зверь еще не понял, что он обнаружен. Он ждал, чтобы мы подошли к нему поближе. Слон стоял в чрезвычайно густых зарослях кустарника. Я не видел, куда можно выстрелить, чтобы убить его наповал, и не знал, как поступить дальше. Если бы я попытался вызвать нападение, он мог бы броситься в бегство, вместо того чтобы напасть, и занять лучшее положение еще дальше от нас. Так мы стояли, глядя друг на друга, и каждый ждал, чтобы другой сделал первый шаг.

Решила вопрос муха. На мою щеку сел слепень и укусил так больно, что я не выдержал и потрянул головой. Как только я пошевелился, слон бросился на меня.

Художники любят рисовать нападающего слона с широко растопыренными ушами и вытянутым вперед хоботом. Это не соответствует действительности. Нападающий слон прижимает свои уши, чтобы легче было продираться через заросли, а хобот его свернут на груди. В таком положении зверь может хоботом нанести удар влево или вправо, чтобы сбить человека с ног. Нападая, слон издает крик, от которого кровь застывает в жилах. Если бы я не ожидал нападения, этот крик парализовал бы на несколько секунд мою волю и слон успел бы покончить со мной.

У меня не было времени для того, чтобы прицелиться; я вскинул ружье и выстрелил вслепую, направив дуло между маленькими, налитыми кровью глазками. Удар пули отбросил его назад. Прежде чем зверь пришел в себя, я успел подбежать к нему и выстрелил из второго ствола в ухо. Выстрел из тяжелого ружья со столь короткого расстояния разнес ему череп. Тело слона расслабилось, и он замер.

Хотя я убил более тысячи слонов, уничтожая слонов-разбойников, а также охотясь на них в доброе старое

время из-за бивней, я едва не погиб не от слонов, а от ядовитой крапивы. Это приключение, чуть ли не стоившее мне жизни, произошло совсем недавно, и я не могу вспоминать о нем без содрогания.

Я охотился на слонов-разбойников в районе Меру, Они действовали разрозненно на большой территории. Большая часть ее была покрыта огромными полосами исполинской крапивы. Мне часто приходилось видеть это растение, и ранее я считал его просто одной из неприятностей, встречающихся в джунглях. Однако мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы крапива росла столь густо. День за днем я охотился среди этих ужасных растений и переносил ожоги.

Однажды вечером после особенно долгого дня охоты я вернулся в лагерь и, усевшись в походное кресло, закурил. Однако я почему-то потерял вкус к моей доброй старой трубке. Для меня это всегда являлось признаком болезни. Не прикоснулся я и к ужину. Позже меня начало лихорадить, и я настолько ослабел, что едва мог постелить постель на походной койке. Утром поднялась температура, начался бред.

Я еще сознавал, что нужно быстрее добраться до врача. Мои помощники уложили все лагерное снаряжение и слоновую кость в грузовик. Я сказал, чтобы они сели в кузов. Однако они предпочли идти пешком, откровенно признавшись, что в моем состоянии я обязательно попаду в аварию, от которой мы все погибнем. Я пустился в путь один.

Дорога вилась по крутым обрывистым берегам, через речки с илистым дном и коварным сыпучим песком. Иногда колеи шли по кустарникам, и мне в моем тяжелом состоянии было трудно найти дорогу. Каким образом мне удалось выбраться, навсегда осталось для меня тайной. Могу сказать, что провидение отнеслось ко мне благосклонно. В конце

концов я добрался до города Меру с единственной гостиницей, носящей название «Свинья и свисток».

Когда я вывалился из кабины грузовика, хозяин гостиницы мистер Фред Дэйви только взглянул на меня и тут же приказал приготовить постель. С его помощью я добрался до номера. Какое блаженное чувство облегчения охватило меня, когда я очутился в постели! Фред немедленно послал Хильде телеграмму: «Срочно приезжайте, муж опасно болен, приведите машину и зарезервируйте место в больнице Найроби».

Мы находились в двухстах милях от Найроби, а дорога была такая, что хуже невозможно себе представить. Ни я, ни Фред не ожидали, что Хильда сможет прибыть раньше вечера другого дня, но моя дорогая жена прибыла в ту же ночь, около двенадцати часов. Она договорилась об отдельной палате в больнице. Задняя кабина машины, в которой она прибыла, была сплошь уложена мягкими подушками, Она даже не забыла захватить с собой запасного шофера, который смог бы довести мой грузовик в Найроби.

Все это было мне рассказано позже. Когда прибыла Хильда, я почти потерял сознание. До меня доходил звук ее голоса, но видеть ее я не мог.

Фред Дэйви вызвал врача. Врач сказал, что я быстро теряю силы; чтобы спасти меня, нужно доставить в Найроби как можно скорее. Как только рассвело, мы пустились в путь.

В больнице меня лечил доктор Джеральд Андерсон. Его первое заключение было далеко не обнадеживающим... Если бы я прибыл на несколько часов позже, спасение было бы невозможно. Он сказал, что в течение ближайших шести часов сможет сказать — буду я жить или нет. Хильда не отходила от моей постели, молясь за меня. Меня обложили льдом и, чтобы сбить температуру, делали инъекции препарата

МБ-693. Большую часть времени я находился в почти бессознательном состоянии. Откуда-то издали доносились тихие приятные голоса. Боли я не чувствовал так же, как не чувствовал ни уныния, ни сожаления. Я как бы плыл через пространство, удобно улегшись на подушках. Я был уверен, что умру, но страха при этом не испытывал.

Два дня спустя врач сказал, что опасность миновала. Но мне пришлось провести несколько недель в больнице, прежде чем я выздоровел. Хильда почти не оставляла меня. Наконец, я вернулся домой, но лишь много месяцев спустя полностью оправился от последствий страшной охоты на слонов в районе Меру.

Глава пятнадцатая

Фотографирование крупных зверей

В настоящее время охоту на крупного зверя все дальше вытесняет фотографирование диких зверей на воле. И тем и другим можно увлекаться в зависимости от индивидуальных склонностей спортсмена.

В дни моей молодости снимали только мертвых животных. Это, конечно, не представляло никаких трудностей. После того, как спортсмен застрелит животное, он позирует на убитом звере, а охотник-профессионал щелкает затвором фотоаппарата. Однако в нынешние времена люди стремятся снимать живых зверей, а живые звери редко проявляют желание сотрудничать. Охотник-профессионал, сопровождающий фотографа, поставлен в весьма трудное положение.

Первое время фотографирование сочеталось с отстрелом; это никогда не давало хороших результатов. Нельзя одновременно пользоваться фотоаппаратом и ружьем — слишком различны эти виды спорта. Охотнику-спортсмену нужны трофеи, он мало интересуется условиями погоды или позой животного. Фотографу же необходимо, чтобы солнце было под определенным углом, а зверь находился на открытой местности, иначе не получится ясного снимка. Мне и в голову не приходило, что я доживу до того дня, когда добрая половина сафари, выступающих из Найроби, будет снаряжена фотоаппаратами вместо нарезных ружей.

Когда фотоаппарат приобрел не меньшую популярность, чем ружье, я понял, что мне следует

изучить новый вид спорта. Лично я еще не видел такого снимка, который мог бы сравниться с хорошим трофеем. Однако моей задачей как профессионального охотника было — дать клиентам то, чего они желают.

Съемка диких зверей гораздо труднее, чем охота на них. Чтобы убить животное, требуется какой-то миг, а для того, чтобы получить удовлетворительный снимок, нужно потратить очень много времени. Я проводил долгие часы, ломая голову над изобретением всякого рода трюков, которые заставили бы животных стоять неподвижно столько времени, сколько необходимо для съемки.

Каждому спортсмену хочется убить льва. Каждому фотографу хочется снять льва. Я всегда относился к львам с большой осторожностью, поскольку я считал их весьма опасными зверями. Я думал, что фотографировать львов почти невозможно. Однако если применить кое-какие трюки, исходя из психологии льва, то снимки можно делать без особого труда.

Первый фотографический сафари, который мне пришлось сопровождать, ставил своей целью сфотографировать львов на равнине Серенгети. Это был моторизованный сафари. Автомобильные сафари вообще почти полностью вытеснили пешие сафари старых времен. Мы без особых трудов могли носиться по необъятным равнинам, которые когда-то доставляли столько мучений. Как только мы подъезжали к наносам песка, то просто ехали вдоль гребня, пока не подъезжали к месту, где можно было пересечь песок. Несколько лишних миль для машины не играют никакой роли.

На равнинах Серенгети львы водились во множестве. Встретить за день пятьдесят львов не считалось необычным. Среди них встречались львы всех возрастов: от величественных старых зверей с тяжелыми гривами, которые качались из стороны в

сторону при каждом шаге их владельца, до молодых пятнистых львят, игравших со своими матерями, словно котята. Нередко мы встречались с семейными группами, состоявшими из десятка или более львов, устроившихся в тени акаций. Это была замечательная картина. Однако для фотографирования необходимо было заставить животных выйти на яркое солнце или хотя бы встать, чтобы они не сливались с высокой травой. Добиться этого, не потревожив их, очень трудно.

В конце концов мы разработали следующий порядок действий. Разъезжая на грузовике, мы обнаруживали прайд львов, обычно лежавших вблизи зарослей. Я проезжал мимо, стараясь подъехать сбоку (фронтальный подход обычно внушает львам тревогу). Я останавливал грузовик между прайдом и зарослями. Если этого не сделать, львы будут беспокоиться и скроются в кустарниках. Однако, когда пути отхода им отрезаны, прайд обычно остается на месте, пока его не встревожишь по-настоящему.

Но фотографирование еще не начинается. Маневрирование на грузовике затевается для того, чтобы внушить львам доверие. В течение нескольких минут львы внимательно присматриваются к грузовику, как бы глубоко задумавшись над чем-то. В конце концов, видя, что мы не имеем никаких злых намерений, они с безразличным видом отворачиваются. В этом случае можно записать себе победу в первом раунде. Затем мы оставляли прайд и ехали по равнине, пока не обнаруживали стадо антилоп. Одну антилопу мы убивали для приманки. Убитое животное прицеплялось крюком к длинной веревке, прикрепленной к грузовику, чтобы можно было волочить его по земле. С убитой антилопой, волочащейся за грузовиком, мы возвращались к прайду, держась по ветру. В нужный момент приманку отцепляли, а грузовик объезжал

прайд с подветренной стороны. После этого мы останавливались и ждали.

Через несколько минут запах антилопы доносился до львов. Один за другим звери вставали, внюхиваясь в воздух расширенными ноздрями. В конце концов один из львов обычно подходил к приманке, а за ним тянулись и остальные члены прайда. Вожак снимал пробу с антилопы в то время, как остальные, стоя в отдалении, наблюдали. Через несколько минут весь прайд уже разрывал на части труп животного.

На этом заканчивается второй раунд. Теперь можно вести себя свободнее. Мы медленно подъезжаем к питающемуся прайду и приступаем к фотографированию, приближаясь по мере того, как львы привыкают к нашему присутствию.

В первые дни, когда начиналось фотографирование львов, выставляя ноги или руки из грузовика или даже говорить было неосторожностью. Львы тут же срывались с места и прятались. По всей видимости, они не связывали грузовик с людьми, возможно, принимая его за какую-то разновидность животных.

Вскоре львы настолько привыкли к нам, что стоило нам медленно проехать мимо прайда львов с длинной веревкой, тянувшейся за грузовиком, как один из них, а то и больше бросались в погоню и играли с концом веревки, как домашние кошки. Этот трюк всегда давал наиболее забавные снимки.

Но некоторые львы иначе реагировали на появление грузовиков. Помню, как в одном из прайдов, который нам пришлось фотографировать, был особенно свирепый большой самец с черной гривой. Этот древний ветеран африканских степей постоянно бил других членов прайда. Удары его не отличались нежностью, а рычание производило весьма неприятное впечатление. Когда мы пытались его сфотографировать, он повернулся к грузовику с яростным ревом «уууф»,

который заставил меня схватиться за ружье. В конце концов в это дело вмешалась одна из его жен. С истинно женской интуицией она, по-видимому, почувствовала, что мы не собираемся причинить им вред. Не желая допустить сцену, которая лишила бы семью обеда, она оставила антилопу и подошла к старому самцу ласково мурлыкая и стала тереться своей спиной о его тяжелую челюсть. После нескольких минут таких ласк старый самец успокоился. Львица вернулась к антилопе. Это был отличный пример того, как тактичная самка успокоила раздраженного самца.

В те времена фотографирование львов было сопряжено с трудностями и даже опасностями, правда не слишком значительными. Однако в нынешние времена оно является не более, как шуткой. Когда поголовье диких зверей стало быстро сокращаться в результате охоты, власти объявили ряд больших районов заповедниками. Львы, обитающие в этих заповедниках, чувствовали себя под защитой и проявляли удивительное безразличие к людям. Эти звери вообще очень легко приспосабливаются к обстановке. Когда они поняли, что люди проявляют к ним хорошее отношение, убивают для них животных, они стали чуть ли не паразитировать за счет такого «странного» поведения людей.

Во многих заповедниках львы настолько привыкли к людям, что выстрел из нарезного ружья даже привлекает их. Они уже усвоили — выстрел означает, что какой-то фотограф бьет для них антилопу. Подобно большим собакам, они бегут рысцей за каждым грузовиком, ожидая, что их будут кормить. Если грузовик остановится, лев чаще всего ложится в его тени.

Конечно, все это очень облегчает задачу фотографирования львов. Однажды я получил телеграмму от клиента, который на собственном

самолете летел в Кению с группой друзей. Он и его друзья хотели бы пофотографировать львов. Они просили меня устроить им небольшую посадочную площадку в степи. Взяв грузовик и нескольких помощников, я отправился в указанное место и приступил к расчистке площадки от высокой травы. Пока мы занимались этим, я увидел, как мимо прошел прайд из восьми львиц и замечательного старого льва-самца. Самолет должен был прилететь через час или около того, и я решил устроить клиенту сюрприз. Вскочив в один из грузовиков, я отъехал в сторону и убил хартбиста Коукса. Мы приволокли труп антилопы к краю посадочной площадки. Львы тут же прибежали и принялись за животное. Когда появился самолет и затем сел, львы как раз заканчивали свою трапезу. Совершенно не испугавшись самолета, они подбежали к нему, как бы спрашивая: «А не привезли ли вы нам еще мяса?». Спортсмены, которые ожидали, что им предстоит долгая и тяжелая охота на львов, остановились у открытых дверей самолета и смотрели на зверей, не веря своим глазам.

Должен сказать, эта шутка доставила мне огромное удовольствие; я знал, что мой клиент в течение многих лет будет рассказывать эту историю за ужином.

Местные жители испытывают большой страх перед львами и с трудом привыкают к мысли, что звери стали такими ручными. Когда мы выставляли приманку в ожидании приезда фотографов, прайд львов подходил к нам в самом спокойном и дружественном расположении духа. Однако наши помощники из местных жителей неизменно обращались в стремительное бегство. Обычно вид бегущего человека побуждает хищного зверя пуститься в преследование. Даже домашняя собака бросается за человеком, который бежит от нее. Однако эти львы ничем не интересовались, кроме приманки. Я слышал, как местные жители рассказывали

друг другу о том, что львы не едят белых людей, а только чернокожих. Это единственно, чем они могли объяснить свое поведение.

Считая, что простое фотографирование крупных зверей недостаточно, люди стали делать попытки производить звукозапись их голосов. Мне однажды пришлось сопровождать одного человека с его высокой и стройной женой, который во что бы то ни стало хотел записать голоса львов. Они привезли с собой новейшую звукозаписывающую аппаратуру, установленную в специальном грузовике. Я застрелил зебру в качестве приманки, и мужчина установил микрофон у трупа животного. Мы надеялись, что при помощи микрофона можно будет записать рычание и другие звуки, производимые львами во время еды.

В скором времени прайд подошел к приманке. В прайде была довольно старая львица и другие львы все время оттесняли ее от зебры. В конце концов старая дама разозлилась. Оглянувшись, она увидела микрофон и решила, что он съедобен. Подойдя к нему, она схватила его в зубы и стала жевать. Клиент был в ярости: все труды пошли насмарку. Он подпрыгивал вверх и вниз, дико размахивая руками, стараясь заставить львицу уйти. В увлечении он сбил с себя шляпу. Львица тут же бросила микрофон и, подскочив к шляпе, схватила ее. А это была единственная шляпа, которую мой клиент привез с собой в сафари; на его лице было весьма интересное выражение, когда он наблюдал, как львица рвет шляпу на куски. Я не выдержал и рассмеялся. Мой клиент заслуживал высокой оценки за тот поток непечатных слов, которые он, к ужасу своей набожной жены, излил на львицу.

В одном отношении фотографы абсолютно похожи на охотников-спортсменов: какой бы замечательный трофей ни добыл охотник-спортсмен, он всегда хочет добыть еще лучше. То же самое относится и к

помешанному на фотографии: какие бы снимки такой фотограф ни сделал, он стремится заполучить что-нибудь еще более сенсационное. И на какие только удивительные вещи не пускаются эти люди! Однажды мне пришлось сопровождать группу фотографов, которые в течение многих недель фотографировали львов во всевозможных позах. После того как они засняли львов, питающихся убитым для них зверем, отдыхающих в тени колючих деревьев и бегающих за грузовиком, они захотели, чтобы звери принимали еще другие позы. Я применил все известные мне трюки. Я подвесил убитую антилопу к ветви дерева, чтобы львы подпрыгивали; я сделал так, чтобы труп животного волочили мимо грузовика, и львы, идущие по запаху, прошлись параллельно аппарату. Однако все это проделывали и другие фотографические сафари, а эта группа хотела превзойти своих соперников. В конце концов одному из участников группы пришла в голову гениальная идея.

— Почему бы нам не заснять львов за одним обеденным столом с людьми? — предложил он. — Вот будет сенсация! Такого еще не фотографировали!

Сказано — сделано. Мы поставили стол, накрыли его льняной скатертью и украсили вазой с цветами. Были разложены приборы и поставлены стулья. В меню входил салат из овощей, фрукты и пиво. Была убита зебра и ее приволокли к столу. По моему приказу убитое животное закрепили на месте, чтобы львы не утащили его из-под фокуса аппаратов. Три оператора заняли положение в грузовике, а остальные участники уселись за стол.

Чтобы привлечь львов, я дал несколько выстрелов из нарезного ружья. Вскоре к нам примчался прайд львов. Звери усердно принялись за зебру. Замурлыкали киноаппараты. Трясущиеся от страха местные жители, одетые в белые халаты, подавали еду. Их мужество в

значительной мере поддерживалось щедрыми чаевыми. Рядом шли два пира. При этом львы не обращали на нас ни малейшего внимания.

Такова охота с аппаратами на львов в сегодняшней Африке. Это, конечно, далеко не то, что было в старое время, когда охота на львов требовала ясной головы и точного прицела, если охотник намеревался вернуться живым из кустарников.

Фотографирование других крупных животных не столь простое дело, особенно когда фотографы постоянно требуют «действия». Мне приходилось сопровождать многих фотографов, и чтобы они ни говорили в момент выступления, рано или поздно все хотят сфотографировать нападающее животное. Когда клиент нанимает меня, чтобы я его сопровождал в фотографическом сафари, он обычно начинает с торжественных клятв:

— Хантер, я хочу, чтобы вы ясно поняли одну вещь — я не из тех людей, которые получают удовольствие от убийства несчастных диких зверей. Я только хочу их фотографировать. Мы не допустим стрельбы на этом сафари.

Некоторое время все именно так и идет. Клиент видит своего первого носорога, первого буйвола и первого слона. Он снимает тысячи футов киноплёнки, затем начинают проявляться признаки беспокойства. В конце концов животные в своем поведении не дают много разнообразия, помимо того, что стоят и едят. Для киносъемок требуется действие. Еще колеблясь, оператор говорит мне:

— Хантер, нельзя ли заставить этих зверей броситься на нас, но только для снимка?

— Это можно легко устроить, — говорю я. — Но тогда мне придется застрелить зверя.

На лице фотографа написано колебание. Видно, что он искренне любит животных. Однако его мысленному

взору представляются кадры на экране — нападающий носорог, бросающийся прямо в объектив киноаппарата. Такой кадр волнует. Он уже слышит восклицание своих друзей — какое самообладание надо проявить, чтобы заснять нападающего зверя! В конце концов он решает пожертвовать «единственным» животным ради эффектного кадра.

Самое подходящее животное для «сцен нападения» — носорог. Слоны проявляют слишком много нерешительности, буйволы — слишком много злобности, а носорог достаточно грозен для того, чтобы получились отличные кадры, и в то же время его легко толкнуть на это. Вот как проводится такая съемка!

Мы ездим на грузовике, пока не обнаружим носорога, пасущегося в открытой местности. Фотограф устанавливает аппарат, определяет экспозицию и надевает на объектив светофильтры. Я беру ружье и жду, пока он приготовится. Следующий шаг заключается в том, чтобы осторожно пробраться между носорогом и зарослями; если зверя потревожить, он бросается в кустарник. Когда мы занимаем позицию, клиент наводит фокус. Носорог прекращает пастись и поднимает голову — посмотреть, что происходит. Обычно ему интересно разобраться в чем дело. Носорога нетрудно вспугнуть криком или же размахивая руками. Однако нам нужно, чтобы он перешел в нападение. Я жду, пока носорог остановится, затем начинаю слегка покачиваться из стороны в сторону. По какой-то причине, известной только носорогам, резкое движение или громкий крик обращает их в бегство. Однако легкие однообразные движения побуждают их к нападению.

Носорог пригибает голову к земле и бросается на нас. В последний момент я стреляю и он падает у самого аппарата. Позже фотограф пускается в объяснения:

— Я против того, чтобы убивать диких животных, но в этом случае оно на нас напало и охотнику пришлось стрелять для самозащиты.

Намерения носорога можно точно определить по положению его хвоста. Если хвост носорога поднят вверх — значит зверь напуган и стремится скрыться. При нападении хвост опускается. Когда я вижу, что хвост носорога идет вверх, я шепчу своему клиенту, чтобы он не двигался и не издавал никаких звуков, пока я не заставлю животное совершить нападение.

Все эти уловки довольно несправедливы по отношению к несчастным носорогам, и если фотограф желает снять нападающего носорога, я настаиваю на том, чтобы он получил разрешение на отстрел зверя. После этого фотограф имеет право убить двух носорогов любыми средствами по его желанию.

Однажды мне пришлось сопровождать молодого американца по имени Уолтер Сайкс, который хотел заснять носорогов. Уолтер, несмотря на свои шестнадцать лет, был до безумия увлечен фотографированием. Этому юноше, по всей видимости, удалось заснять самые лучшие кадры нападающих носорогов, которые когда-либо были засняты, так как в течение одного дня на нас было совершено шесть нападений, причем ни одно из них не было спровоцированным. Я не могу не восхищаться мужеством этого парня. Мне еще ни разу не приходилось сопровождать клиента, проявившего больше хладнокровия в самые трудные минуты.

В тот памятный день мы разбили лагерь в районе Яида. Уолтер уже заснял несколько замечательных кадров, но пожелал снять еще. Мы договорились, что я не буду вызывать носорогов к нападению, а если носорог все же бросится в нападение, то я постараюсь отвести его, вместо того, чтобы стрелять.

Путешествуя на грузовике по открытой равнине, утыканной колючими деревьями, мы обнаружили носорога, ощипывающего веточки. Я остановил машину, и мы стали осторожно к нему приближаться, следя за тем, чтобы ветер дул на нас. Носорог-самец продолжал пастись, причем его коренные зубы издавали звук, похожий на звук ручного декортатора^[44]. Уолтер навел свой аппарат и приступил к съемке. Вдруг носорог бросился на нас.

Когда он приблизился на расстояние чуть больше двадцати ярдов, я стал громко кричать, чтобы испугнуть его. По возможности я не допускаю, чтобы опасный зверь приближался на расстояние ближе чем двадцать ярдов. На меньшем расстоянии носорог по инерции понесется на охотника, если пуля из его ружья не попадет в нужную точку. Услышав мой крик, самец развернулся и, как хороший форвард в регби, промчался справа от нас.

— Я бы не поверил, что эти звери могут так быстро разворачиваться, — заметил Уолтер.

Хорошо, если бы некоторые охотники, которые заявляют, что не трудно увернуться от нападающего носорога, прыгнув в сторону, видели, как мгновенно этот зверь развернулся.

Я не знаю, почему звери в районе Яида проявляли такую агрессивность, но на нас в этот день бросилось еще пять носорогов. Одного мне пришлось отпугнуть, пустив пулю мимо; он промчался между моим заряжающим и мной. После этого случая я готов был прекратить дальнейшие съемки, однако Уолтер пожелал заснять еще ряд кадров. И хотя уже день близился к концу, мы продолжали поиски носорогов.

Мы направились в долину, которую можно было назвать «цитаделью носорогов», поскольку водилось их там бесчисленное множество. Мы обнаружили крупную

самку носорога, стоявшую под акацией. Уолтер начал ее снимать. Я заметил, что самка стала проявлять признаки беспокойства. Она могла броситься в любой момент. Вдруг мой заряжающий показал вытянутыми губами налево и направо. Еще двое носорогов приближались к нам с противоположных сторон.

У меня не было никакого желания быть посаженным на рога трех носорогов одновременно. Я тронул Уолтера за плечо, и мы стали отходить, по возможности быстро пятясь назад. Вдруг старая самка бросилась на нас.

Перед тем как броситься в нападение, она находилась в пятидесяти ярдах от нас — это расстояние я замерил позднее. Уолтер тут же навел свой киноаппарат и стал снимать. Я ожидал, держа ружье наготове. Я крикнул, чтобы испугнуть зверя, но он продолжал нестись на нас. Заряжающий тоже громко кричал и размахивал руками — самка не обращала на него никакого внимания. Не отводя глаз от видеоискателя, Уолтер пробормотал:

— Когда я скажу, бей ее, стреляйте!

В таких случаях профессиональный охотник должен оправдать доверие клиента. Уолтер полностью верил в то, что я убью носорога с первого выстрела. Я ожидал, держа ружье наготове, а зверь тем временем несясь на нас. Время проносится в момент такой опасности, как вспышка магния. Стук копыт носорога становился все громче и громче. Голова самки была прижата к земле под таким углом, чтобы подбросить жертву. Уолтер отказался отступить хотя бы на один дюйм и продолжал производить съемку. Когда самка приблизилась на двадцать ярдов, я поднял ружье, ожидая, что Уолтер даст мне команду стрелять. Он молчал. Носорог несясь на нас. Он приблизился на расстояние менее 15 ярдов. Дальше я ждать не мог. Мой палец начал сжимать спуск. В тот же миг Уолтер крикнул:

— Бей ее!

Его команда была произнесена почти одновременно с выстрелом. Раздался гром моего ружья. Самка погибла на ходу: пуля ударила ее в наклоненную часть головы между основанием уха и глазом и она с грохотом рухнула на землю, не двинув даже ногой. Побледневший, но невозмутимый Уолтер спокойно заявил:

— Сэр, я был свидетелем того, как вы вели себя в бою.

Немногие из приезжающих в Африку имели счастье видеть столько раз нападающих носорогов, сколько видел Уолтер Сайкс. Он был храбрым юношей и настоящим спортсменом.

Существует широко распространенное мнение, что фотографирование крупных зверей — безобидное развлечение, а охота с ружьем в руках — весьма жестокое занятие. На самом деле между этими двумя видами спорта существует лишь небольшая разница; если фотограф желает заснять действительно первоклассные кадры, он почти наверняка подвергнется нападению носорогов, буйволов или слонов. В этом случае животное должно быть убито. Фотографы редко учитывают этот фактор; они думают, что раздражительная самка с детенышем поймет их добрые намерения и позволит бесконечно снимать себя, но это случается редко.

Ничто не приводит крупных зверей в такую ярость, как жужжание киноаппарата или внезапный щелчок фотокамеры. Чтобы заставить слона перейти в нападение, лучше всего внезапно щелкнуть большим аппаратом. Этот фатальный механический звук был причиной многих нападений диких зверей.

Прежде чем я подвожу клиентов к стаду слонов, я всегда объясняю: когда я подам сигнал, нужно немедленно прекратить съемку и отойти. Фотограф неизменно дает искреннее обещание во всем

повиноваться; затем следует долгое подкрадывание, во время которого, кажется, все работает против нас. Слоны скрываются в густых зарослях, или же ветер не сочетается с углом солнца, или животные поворачиваются хвостами к объективам. Затем что-то тревожит крупного самца и он внезапно выскакивает из зарослей на солнечный свет. Он стоит неподвижно; его огромные уши растопырены до пределов, хобот поднят вертикально вверх, он внюхивается в ветерок. Я тут же даю сигнал клиенту, чтобы он отошел, так как хорошо знаю — при первом же щелчке затвора аппарата слон бросится на нас. Но фотограф видит только, что ему представился единственный случай сделать такой снимок. Он щелкает аппаратом, и в тот же миг слон бросается на нас. Вот вам еще один слон, «застреленный ради самозащиты»!

Если кто-либо хочет всерьез заняться фотографированием крупных зверей, во время которого они могут нападать, необходимо брать разрешение на отстрел животных, как и для охоты на них. Это намного упрощает дело. Если клиент вдруг указывает на слона, которого он желает сфотографировать, я ему просто заявляю:

— Вам разрешен отстрел одного слона. Если этот слон бросится в нападение, желаете ли вы, чтобы он был именно тем слоном, отстрел которого вам разрешен?

Если клиент говорит «да», то тут затруднений не возникает; он может снимать его столько, сколько пожелает. Когда слон бросается на нас, я его убиваю. Любое животное в конце концов переходит в нападение, если его непрерывно беспокоить, поэтому такое положение дел только справедливо. Однако я должен заметить, что животные проявляют удивительную терпимость к съемкам. Мне приходилось с удивлением наблюдать, как группа фотографов

входила и выходила из кустарников на расстояние тридцати ярдов от стада слонов, устанавливая при этом экспозицию, меняя объективы и принимая самые невероятные позы, чтобы заснять животных в необычайном ракурсе. Слоны, должно быть, знали о присутствии фотографов и тем не менее довольно терпеливо переносили их выкрутасы. Вероятно, слоны полагали, что фотографы — не более, как стадо бабуинов. Слоны близоруки, и поэтому такая ошибка при данных обстоятельствах была вполне естественной.

Я не хочу этим сказать, что каждый турист, возвращающийся из Африки с довольно хорошими снимками крупных зверей, обязательно убивал животных, чтобы получить эти снимки. Во многих частях Кении можно сделать хорошие снимки диких зверей с грузовика, особенно если имеется телеобъектив. Одно время было очень трудно и опасно фотографировать буйволов. Однако поскольку бегущий буйвол может развивать скорость не более 35 миль в час, грузовик легко может идти, не отставая, вслед за убегающим стадом. Чувствуя себя в безопасности, фотограф может делать вполне удовлетворительные снимки животных из кабины, почти не подвергаясь никакому риску. Основная трудность, с которой сталкивается фотограф, — это держать аппарат в устойчивом положении и избегать пыли. Сопровождая однажды сафари, организованное кинокомпанией «Колониал фирм корпорейшен», мы последовали за стадом буйволов по совершенно высушенной степи. Бегущие животные и едущий на большом ходу грузовик подняли такую пыль, что видимость была не лучше, чем в тумане. Один из буйволов, пытаясь убежать, повернул под прямым углом к стаду и наткнулся на наш грузовик. Он брюхом повис на капоте мотора, причем передние его ноги были по одну сторону капота, а задние по

другую. Так он ехал в течение некоторого времени, пока водителю не удалось его стряхнуть.

Охотник-спортсмен охвачен единственным желанием — убить животное; фотограф же часто требует, чтобы сопровождающий его охотник-профессионал поставил дикого зверя в определенную позу. Поскольку почти невозможно предугадать, как поступит дикое животное, это довольно трудная задача, требующая большого искусства. Во время одной такой охоты по моей вине чуть не погиб помощник из местного населения, когда я пытался поставить в определенное положение стадо слонов для операторов крупного киноконцерна.

Мы обнаружили стадо на открытой местности и установили аппараты. Однако стадо отказалось идти навстречу нашим желаниям. Слоны толпились, направив головы внутрь, а хвосты наружу. Это представляло собой жалкую картину, и режиссер приказал мне перегруппировать слонов так, чтобы они головами стали в направлении аппаратов. Подумав, я велел одному из помощников обойти стадо с наветренной стороны, чтобы слоны почуяли его запах. Я полагал, что внезапно донесшийся до слонов запах человека вынудит стадо повернуться в нашем направлении. Сам я не мог пойти туда, поскольку мне надо было оставаться при операторах с ружьем наготове на случай возможного нападения.

Посланный мною юноша был из племени масаи, отличный парень, очень храбрый. Масаи вообще отличаются быстротой в беге, а этот юноша был особенно быстроногим. Это обстоятельство и выручило его в данном случае. Юноша обошел стадо и стал медленно подходить к нему с наветренной стороны. Учув запах человека, слоны подняли хоботы. Я ожидал, что стадо развернется; вместо этого молодой слон-

самец вышел из группы и с яростным ревом бросился на юношу.

Слон был на слишком большом расстоянии от меня, чтобы я мог стрелять по нему.

Масаи бросился бежать со всех ног. Нападавший слон с каждой секундой нагонял его. Юноша сбросил одеяло — единственный предмет, прикрывавший его тело, — в надежде, что слон остановится и начнет рвать его своими бивнями, но слон не остановился. Масаи бежал быстро, однако слон мчался еще быстрее. Укрыться было негде, и я уже считал юношу погибшим.

Вдруг масаи подбежал к песчаному наносу шириной футов в шесть. Он перепрыгнул через него и побежал дальше. Слон же не смог перепрыгнуть нанос, который остановил его лучше, чем каменная стена. Яростно трубя, он бегал взад и вперед по краю наноса. В конце концов с явным неудовольствием он отказался от своего намерения и вернулся к стаду. Я с радостью заметил, что стадо повернулось головами к аппаратам и, таким образом, операторам удалось заснять слонов в том виде, в каком они желали.

Вполне возможно, что наступит день, когда фото— и киноаппарат полностью вытеснит в Африке охотничьи ружья. Во многих отношениях это, несомненно, будет замечательно. И все же я рад, что жил в эпоху, когда человек выходил против могучих зверей с нарезным ружьем в руках вместо аппарата для съемки картинок.

Глава шестнадцатая

Самые опасные звери

В течение многих лет клиенты спрашивают меня:

— Хантер, какого зверя вы считаете самым опасным среди крупных зверей Африки.

Ни один человек не может точно ответить на этот вопрос. Однако, рискуя повториться, я попытаюсь сформулировать свое мнение на этот счет.

Многое зависит от обстоятельств. Зверь, который может быть весьма опасным в зарослях, часто становится легкой добычей в открытой степной местности. Кроме того, сами охотники значительно отличаются друг от друга; один может считать данного зверя опасным, в то время как другой охотник будет придерживаться противоположного мнения. Например, нападающего льва охотник, умеющий быстро стрелять «не целясь», считает менее опасным, чем охотник с замедленной реакцией. Многое зависит от опыта. Некоторые охотники специализировались на отстреле какого-то одного зверя и, зная повадки, склонны считать его относительно легкой добычей. Те же охотники, сталкиваясь с другим животным, едва избежат смерти и, вполне естественно, придут к выводу, что этот зверь самый хитрый и агрессивный.

Таким образом, даже профессиональный охотник часто не может верно судить, насколько опасны те или иные звери.

Кроме того, многие звери полностью изменили свой характер в течение последних пятидесяти лет. В начале столетия на некоторых зверей было легко охотиться, в настоящее время они стали более хитрыми и опасными. В частности, я имею в виду слонов. Они узнали, что

человек их враг, и относятся к нему не с таким доверием, как раньше.

Несколько лет назад один из моих друзей вошел в товарищество с известным охотником, промышлявшим слоновой костью в доброе старое время. В свое время он убил больше двух тысяч слонов. Эти два человека выступили в составе охотничьего сафари для добычи слоновой кости. Мой друг хотел, чтобы я сопровождал их, за что мне была обещана треть добытой слоновой кости. Я отказался. Старый охотник был известен тем, что бил слонов из очень легкого нарезного ружья. Я почувствовал, что старик просто будет злить и обращать в паническое бегство слонов вместо того, чтобы помогать нам в добыче слоновой кости.

Мой друг смотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Хантер, — сказал он, — этот человек убил вдвое больше слонов, чем ты убьешь за всю свою жизнь. Он наверняка больше тебя смыслит в этом деле!

— Этот человек, — ответил я, — промышлял слоновую кость тридцать или сорок лет назад. Тогда слоны в основном обитали на открытой местности. Поскольку на них никогда до этого не охотились, они почти совершенно не боялись человека. В те времена охотник мог лечь на землю в степи и на выбор бить слонов из легкого нарезного ружья. Опасность нападения со стороны слонов была почти исключена. Теперь слоны обитают в зарослях кустарников, они больше смыслят в ружьях, чем многие охотники, и научились устраивать засаду на преследующего их охотника. В настоящее время охота на слонов гораздо опаснее, чем раньше.

Я не смог убедить моего друга. Он выступил в компании со старым охотником. Несколько месяцев спустя он вернулся в Найроби. Им не удалось добыть достаточно слоновой кости даже для того, чтобы окупить расходы на эту экспедицию.

Позже мой друг признался, что у них было множество случаев, когда они едва избежали смерти. Он считал счастьем, что вообще вернулся живым.

Мне пришлось охотиться на все виды крупных африканских зверей. Однако я жил в такое время, когда надо было убивать большое количество диких зверей, чтобы освободить земли, которые осваивались быстрорастущим населением. По некоторым крупным зверям я устанавливал рекорды. Я говорю это не из бахвальства, поскольку любой профессиональный охотник в таких условиях, возможно, убил бы не меньше, а больше диких зверей. Я упоминаю об этом факте, поскольку полагаю, что приобрел более богатый опыт в охоте на крупного зверя, чем многие другие охотники. Поэтому, излагая свое мнение по поводу пяти наиболее опасных крупных зверей Африки, я говорю как человек, который на них всех охотился довольно много. Но я не отношусь к установленной мною последовательности догматически, поскольку, как я уже сказал, очень многое зависит от времени, места, способностей охотника и характера зверя.

Прежде всего следует оговориться, что любое дикое животное может быть опасным, если оно загнано или ранено. Мне приходилось быть свидетелем жестокой битвы уотербака^[45] и сейблантелопа^[46] с дикими кабанами за свою жизнь. Поэтому я скажу только о «большой пятерке» выдающихся крупных зверей Африки: слоне, носороге, буйволе, льве и леопарде. Именно эти звери явились причиной смерти подавляющего большинства охотников, погибших во время охоты в Африке.

Самый умный из этих животных — слон. Если слон не разбойник, то именно ум делает его наименее опасным для охотника. Слон знает, что не может соперничать с человеком, вооруженным нарезным

ружьём, и делает все, чтобы избежать встречи с ним. При этом я не имею в виду раздраженную самку с маленьким слоненком, или же стадо слонов, которое охотники затравили настолько, что оно готово броситься на любого человека, едва завидев его. Я имею в виду обычное животное. При охоте на слонов самое трудное — приблизиться к ним на расстояние выстрела.

Конечно, у всякого правила есть исключение. Если слон знает, что на него охотятся, и видит, что он не может сбить человека со следа, тогда ему может прийти в голову «охотиться» на охотника. В таком случае слон чрезвычайно опасен, особенно если на него уже охотились ранее, и он узнал кое-что о характере человека.

Со мной однажды был случай, когда слон поджидал меня у собственного следа после того, как я убил двух его товарищей. Мне повезло, и я убил его прежде, чем он убил меня. Однако большинство слонов попросту стараются скрыться от охотника. Кроме того, нападающий слон почти всегда уклонится от выстрела, даже если ему нанесено серьезное ранение. Редкий слон будет продолжать свое нападение на охотника после того, как почувствует удар пули. По этим двум соображениям я считаю среднего слона наименее опасным из «большой пятерки».

В противоположность слону носорог часто бросается в нападение безо всяких видимых причин. Поэтому он более опасен, чем слон. Однако и носорог, как правило, пытается уклониться от встречи с человеком.

Мне как-то пришлось столкнуться с тремя носорогами, бросившимися на меня одновременно. Убив среднего носорога (самку), я увидел, как сопровождавшие ее самцы исчезли в кустарниках, пробежав мимо меня с обеих сторон с такой скоростью,

что я едва заметил, как они исчезли. Если бы эти носороги оказались буйволами, они наверняка довели бы нападение до конца.

Я не хочу сказать, что так бывает всегда. В другом случае, когда на меня напали три носорога примерно при таких же обстоятельствах, мне удалось свалить двух, шедших впереди, выстрелами из левого и правого стволов. Повернувшись, чтобы схватить запасное ружье, я обнаружил, что заряжающий исчез. Он сбежал, как только носороги бросились в нападение, прихватив с собой запасное ружье.

Третий носорог настиг меня. У меня ярко запечатлелась в памяти его морда. Глаза его были близко посажены друг от друга и казались небольшими щелками. В последний момент я попытался отскочить в сторону. Не успев отпрыгнуть, я очутился в воздухе с такой быстротой, которая меня удивила. К счастью, носорог продолжал бежать и не вернулся, чтобы разорвать меня своим рогом. Вообще носорогам свойственно идти в одном направлении. Я слышал, что в момент нападения они закрывают глаза, и мои наблюдения в то время, казалось, подтверждают эту теорию. Однако я постарался больше не изучать этого вопроса.

Я ставлю носорогов четвертыми в списке они более опасны, чем слоны, ввиду агрессивного характера, но менее опасны, чем буйволы, львы или леопарды.

Многие охотники-спортсмены считают самым опасным из крупных зверей Африки буйвола. Многие говорят за справедливость этого мнения. Буйвол продолжает нападать, несмотря на огнестрельную рану. Он чрезвычайно агрессивен и бросается в нападение при малейшем поводе. При этом он выставляет вперед большое утолщение на лбу у основания рогов, и лишь пуля из очень тяжелого ружья может его остановить. Если буйвол собьет охотника, он

почти всегда возвращается, чтобы растерзать свою жертву. Кроме того, буйвол отличается большой хитростью. Уходя от преследующего его охотника, он делает петлю и устраивает на него засаду у своего следа. К этому приему обычно прибегает раненый буйвол, который чувствует, что дальше идти не может. Как я уже указывал, у слонов и носорогов прекрасное обоняние, но плохое зрение. У львов и леопардов хорошее зрение, однако довольно слабое обоняние. У буйвола же в равной степени хорошо развито зрение, слух и обоняние. Все это составляет грозное сочетание.

По каким соображениям я все же считаю буйвола не самым опасным из крупных зверей Африки? Уязвимым делают буйвола его размеры. Ни один зверь весом более двух тысяч фунтов не может хорошо скрыться, разве что в очень густых зарослях кустарника! Кроме того, нападающий буйвол настолько крупная цель, что охотник наверняка куда-нибудь попадет.

Имеется еще одно соображение! когда буйвол бросается в нападение, создается впечатление, что он несется с быстротой ветра. Однако на самом деле он развивает скорость не более 35 миль в час. Это дает охотнику возможность вскинуть ружье и прицелиться. По этим причинам я ставлю буйвола на третье по опасности место.

Теперь разберем крупных представителей семейства кошачьих — львов и леопардов. Я считаю льва вторым опаснейшим зверем в Африке. Важные факторы, подтверждающие это мнение, — его умение скрываться в редком кустарнике и способность развивать с первого прыжка огромную скорость. По сравнению с буйволом лев довольно небольшая цель. То обстоятельство, что он несется на охотника, делая крупные прыжки, мешает взять прицел. Лев не уступает в храбрости буйволу, и выстрел не заставит его обратиться в бегство. Когда он переходит в нападение,

у него только два выхода — или убить, или быть убитым. Если он ударит человека всей своей тяжестью, то человек скорее всего потеряет сознание. В этом случае охотник должен считать, что ему повезло, так как он не почувствует, как вслед за этим лев будет терзать его когтями.

В своей главе о фотографировании я уже говорил о том, что львы становятся тем, что из них лепят. На львов можно охотиться с грузовика, почти не испытывая затруднений и не подвергаясь опасности. То же относится к охоте на львов из бомы или с махана. Однако преследование льва в зарослях кустарника полностью меняет положение. Здесь все преимущества на стороне льва. Он точно знает, где находится охотник, а охотник не имеет никакого представления о том, где скрылся лев. Охотник должен подойти к льву, поскольку лев сам не выйдет на охотника. Слона, носорога и буйвола можно заставить броситься в нападение, что дает охотнику некоторое преимущество. Лев же, притаившись, ждет, когда представится удобный момент убить охотника наверняка. Читатель должен учесть, что в данном случае я имею в виду одиночного охотника, преследующего одиночного льва. Если у охотника есть загонщики, которые выгоняют зверя на открытую местность, это намного упрощает дело. Я подразумеваю также, что лев знает о том, что его преследует охотник. Я не имею в виду случай, когда льва выгоняют из донги бросанием в него камней. Однако преследовать льва в кустарнике в сопровождении одного лишь заряжающего — трудный и опасный вид спорта.

Силу и мужество взрослого здорового льва трудно переоценить. Мне пришлось однажды быть свидетелем того, как лев бросился на трехтонный грузовик с десятифутового расстояния. Он совершил замечательный прыжок: его тело было вытянуто в одну

линию; создается впечатление, что оно обтекаемо. На меня часто бросались львы, но мне ни разу не приходилось наблюдать такую грацию и совершенную координацию движений. Лев ударился в заднюю стенку грузовика с такой силой, что вся машина затряслась.

Сидя за рулем, я не мог видеть, что происходит сзади. Взяв легкую винтовку Спрингфильд, с которой охотился на антилоп, я вылез из кабины и обошел грузовик сзади. Лев уходил от грузовика удрученный и разочарованный.

В обычных условиях лев — второй наиболее опасный зверь в Африке. Какой же самый опасный зверь? По моему, леопард. Я знаю, что многие охотники-профессионалы не согласятся со мной, однако я твердо придерживаюсь своего убеждения. Мне пришлось убить немало этих зверей. Сколько — я точно не знаю, так как мы охотились на них из-за шкур и никаких записей не вели. Когда я впервые прибыл в Кению, охота на леопардов считалась похвальным занятием, поскольку они причиняли тяжелый ущерб поголовью домашнего скота. Раны, наносимые когтями леопарда, неизбежно приводили к заражению крови, так как на его когтях, так же как и на когтях льва, есть пленка сгнившего мяса убитых животных. Обычно стоило леопарду слегка поцарапать овцу или корову, как животное заболело и издыхало. Леопарды не проявляли никакого колебания при нападении на скотовода, выходившего на защиту своего стада. Многие из первых переселенцев лишались глаза или части своего лица в результате нападения леопарда. Нападающий леопард всегда стремится схватить человека за лицо, стараясь выдрать жертве глаза когтями передних лап. Когти на задних лапах тоже не остаются без дела; одновременно он впивается зубами в шею или плечо.

Однажды вместе с другом я охотился на леопардов на территории племени масаи. Мы увидели, как один из

зверей взбежал по крутому каменистому склону. Мой друг выстрелил, попав ему в бок. Леопард прыгнул и исчез среди валунов. Мы обнаружили кровавый след и стали медленно взбираться по склону холма, идя на расстоянии нескольких ярдов друг от друга, держа ружье наготове. Идти по следу леопарда — утомительное занятие для нервов. Мы знали, что зверь поджидает, скрывшись где-то среди огромных валунов, готовый броситься на нас.

Мы прошли около двадцати ярдов, когда леопард выскочил из-за валуна и прыгнул на моего друга. Зверь как пуля просвистел в воздухе; это походило на вспышку желтого света. Мой друг умел быстро стрелять, но у него даже не было времени вскинуть ружье. Я выстрелил в леопарда, пока он летел по воздуху, почти не целясь, как будто у меня был дробовик, а не нарезное ружье. К счастью, пуля прошла через оба плеча леопарда и он мертвым упал на моего друга. Позже мы замерили длину его прыжка. Мой друг был на расстоянии двенадцати футов от того валуна, за которым сидел леопард.

При охоте на леопарда в зарослях разумнее всего иметь при себе дробовое ружье калибра 12, заряженное крупной дробью. Когда леопард бросается на охотника, вытянутое тело зверя представляет собой очень трудную цель. Я уже говорил, как нелегко попасть в нападающего льва, а леопард вдвое меньше по весу в сравнении со львом.

Многие полагают, что степень опасности зверя зависит от его размера. На этом основании можно предположить, что слон-самец гораздо более опасный зверь, чем весящий 200 фунтов леопард. Но это не так. Леопард уступает в силе льву, но он достаточно силен, чтобы нанести смертельную рану человеку, а последнее — единственное, о чем беспокоится охотник.

Леопард умный зверь. Зная, что по его следу идет охотник, он часто взбирается на дерево и ложится на ветку, висящую над тропой. Если охотник не обнаружит леопарда, тот его обычно пропускает. Но если охотник вдруг поднимет голову и встретится глазами с леопардом, зверь бросается на него с быстротой молнии. Большинство животных, видя, что они обнаружены, рычат и вновь обращаются в бегство. Однако леопард не таков. Едва он увидит, что его заметили, он тотчас нападает на охотника.

Дважды мне пришлось быть вместе с охотниками, которые проходили под деревом, на котором притаился леопард. В обоих случаях звери не подавали признаков жизни, пока охотники не поднимали головы. Тогда леопард прыгал. Только навык в самой быстрой стрельбе спасал охотника от увечья, а возможно и от смерти.

Ввиду того что леопарды так же хорошо чувствуют себя на деревьях, как и на земле, охотник должен присматриваться не только к зарослям справа и слева от тропы, но также к ветвям, висящим над ней. Это очень затрудняет охоту.

У леопарда есть одно уязвимое место: искусно скрываясь в листве, он часто оставляет свой хвост, свисающим с дерева. Мне неоднократно удавалось убивать леопардов, которые поджидали меня в засаде, лишь потому, что они забывали убирать свои хвосты. Во всех отношениях леопарды очень хитры и необычайно изобретательны. Взять хотя бы то, как они ловят домашних собак.

Хотя леопарды питают страсть к собачьему мясу, они, как ни странно, обращаются в бегство при виде собачьей своры. Достаточно полдюжину небольших шавок, чтобы на неопределенное время задержать леопарда, сидящего на дереве. Но на какие только

уловки не пускаются леопарды, чтобы поймать и убить одиночную собаку!

Часто они специально заманивают собак. Стоит собаке учуять запах леопарда, как она начинает яростно лаять, принимая, однако, все меры предосторожности, чтобы не покинуть свое безопасное убежище в палатке хозяина или же на парадном крыльце дома. Леопард перебирается на открытую площадку и укладывается, делая вид, что он совершенно безразлично относится к тявкающей собаке. Затем он начинает мурлыкать, прижав голову к земле наподобие собаки, желающей поиграть. Через несколько минут собака начинает проявлять любопытство. Она приближается к леопарду, чтобы узнать, в чем дело, осторожно нюхая и все еще насторожившись. Леопард, поджав задние ноги под себя, находится в самой удобной позе для прыжка. Однако он не похож на притаившегося зверя, он лишь изредка обращает внимание на собаку, оглядываясь время от времени и довольно мурлыкая. Наконец, собака не выдерживает и подбегает к леопарду на близкое расстояние. Внезапно, без малейшего предупреждения леопард прыгает на несчастное животное, как спущенная пружина. Ни одна собака, даже самая крупная и злая не может соперничать с леопардом. У леопарда четырехдюймовые клыки и страшные когти. Он хватает собаку за горло и в тот же момент вонзает когти в ее брюхо. Убив собаку, леопард уносит ее в ближайšie заросли и съедает.

Остатки своей жертвы леопард почти неизменно прячет в развилке ветвей дерева, чтобы сохранить свою добычу от других хищников. Крупный леопард способен нести животное весом в сто фунтов и поднять его по стволу дерева, даже если на дереве нет никаких ветвей. Днем он отсыпается на каком-нибудь дереве недалеко от того места, где оставил убитую жертву.

После наступления темноты он возвращается, чтобы поесть мяса.

В отличие от львов леопарды не полигамны. У них только одна подруга. Пары леопардов питают друг к другу сильные чувства. Однажды я выставил отравленную приманку на самку-леопарда, которая убивала домашних животных. На другое утро я пошел к приманке и обнаружил мертвую самку леопарда, лежащую на трупе приманки. Рядом с мертвой самкой был ее друг; головой самец лежал на ее туловище, как бы ласкаясь. Увидев меня, он вскочил. Леопард погиб рядом со своей любимой.

Преследовать леопардов в высокой траве хотя и не столь опасное занятие, как идти по его следу в джунглях, тем не менее весьма захватывающее. Никакими камнями невозможно заставить его выскочить из травы. Он не двинется, даже если в него попадет случайный камень. Лев почти всегда выдаст свое присутствие рычанием, леопард останется совершенно безмолвным.

Однажды старейшины масайской деревни пригласили меня для уничтожения леопарда, резавшего их скот. Два молодых морана, преследовавшие леопарда, были жестоко растерзаны его когтями. Когда я прибыл в деревню, то поразился тому ущербу, который нанес один зверь. За ночь он убивал по пяти-шести телят. При этом он даже не притрагивался к мясу.

Я пошел по его следу. Около деревни находилось несколько каменистых холмов, состоящих из валунов колоссальных размеров, которые лежали друг на друге, сохраняя равновесие. Казалось, что эти валуны были поставлены при помощи механических средств. Они лежали в течение многих столетий, на них не влияли ни морозы, ни оттепели. Валуны, несомненно, продолжают лежать и сейчас, хотя кажется, что малейшее

дуновение ветра может разбросать их. Между этими огромными валунами были глубокие расщелины, представлявшие собой идеальные логова для леопардов. Я проследил путь, по которому шел леопард среди огромных продолговатых камней, но до самого логова пройти не мог и вернулся в деревню.

Ночью в загоне для скота был слышен сильный шум. Животные бегали, жители деревни кричали. Когда наступило утро, оказалось, что убит еще один теленок. Как и раньше, у него было прокушено горло.

Я уговорил хозяина отдать мне теленка, чтобы выставить его в качестве приманки. Мои помощники устроили мне махан на удобном дереве, и я стал поджидать возвращения леопарда.

В десять часов вечера я заметил, как кто-то стал осторожно приближаться к приманке. Зверь подкрадывался бесшумно, и поступь его совершенно не нарушала мертвой тишины. Тень была настолько велика, что я принял ее сначала за тень львицы. Зверь продолжал подкрадываться к приманке, а затем припал к земле. На фоне земли он был едва различим. Я решил, что как только зверь привстанет, я его застрелю. Полчаса спустя крупная кошка встала на ноги и я увидел, как она помахивает хвостом. Прицеливаясь, я взял мушку пониже, потому что в темноте охотник всегда склонен брать слишком высоко. Зверь сделал огромный прыжок и исчез. Я был уверен, что пуля попала в него, однако свет был настолько слаб, что мне оставалось лишь надеяться на лучшее. Не желая рисковать, я оставался в засидке до наступления дня.

Когда наступил рассвет, я осмотрел землю и обнаружил кровь. Я прицелился недостаточно точно, иначе он пал бы в пределах первой сотни ярдов. Ничего не оставалось делать, как идти по следу до самого логова среди скалистых холмов.

Я выступил вместе с четырьмя моранами, вооруженными копьями и щитами. Кровавый след привел нас к входу в небольшую пещеру. Двое из моранов срезали длинное молодое деревце, которым они стали прощупывать отверстие, в то время как другие масаи стояли рядом со мной, держа копья наготове. Вдруг из пещеры донеслось низкое хрипящее рычание, усиленное каменистыми стенами пещеры. Леопард вылетел из пещеры, продолжая издавать рычание, вдыхая и выдыхая воздух. Он сбил обоих масаи, которые орудовали стволами молодого деревца, а затем бросился на одного из вооруженных моранов. Воин встретил нападение броском копья, но промахнулся. Через мгновение леопард уже был на его щите, когтями передних лап рвал лицо, а зубами вцепился в плечо. Воин упал на землю, зверь не выпускал его. Другой моран бросил копье в леопарда, причем отточенный, как бритва, кончик пролетел столь близко от меня, что разрезал брюки. В тот же миг леопард бросился на второго воина и схватил его за руку. Моран упал, а леопард разорвал ему кожу передними и задними лапами.

Все это произошло в какие-нибудь секунды, в более короткое время, чем то, которое необходимо для рассказа. Я приставил дуло своего ружья к густой шерсти на шее леопарда и выстрелил. Так было покончено с самым вредным хищником, уничтожавшим домашний скот в этом районе.

Я был поражен тем, насколько сильно этот леопард в какое-то мгновение поранил двух масаи.

Зная, как быстро происходит заражение от ран, нанесенных зубами и когтями леопарда, я тут же приступил к их обработке. Я наполнил шприц дезинфицирующим веществом ТЦП и промыл глубокие раны в плече морана. Неделю спустя оба морана уже оправились.

Подводя итог, я хочу сказать, что менее всего мне хотелось бы охотиться в зарослях на быстрого, свирепого и хитрого леопарда.

Сейчас во многих частях Африки в результате применения капканов, ядов и собак леопарды почти полностью уничтожены. В дни моей молодости мы придерживались того взгляда, что леопард хорош только в виде шкуры, вытянутой для просушки. Но теперь мы обнаружили, что леопард играл немалую роль в поддержании равновесия в природе. Леопарды, оказывается, убивали каждый год тысячи бабуинов, а теперь, когда леопарды почти полностью уничтожены, бабуины стали во многих частях колонии довольно серьезной проблемой. Лучший способ помешать размножению бабуинов — дать возможность их естественному противнику леопарду уничтожать их. Поэтому в настоящее время леопарды находятся под охраной.

Таковы странные пути, которыми человек пользуется, чтобы влиять на природу. Сначала он почти полностью уничтожает какую-нибудь разновидность зверей, а затем делает все возможное, чтобы восстановить эту разновидность.

Глава семнадцатая

Возвращение

Сколько бы шотландец ни прожил за границей, Шотландия всегда останется для него единственной родиной. Прошло более сорока лет с тех пор, как я уехал из Ширингтона, но я ни на миг не сомневался в том, что когда-нибудь вернусь туда. Часто, сидя у костра в Маренгском лесу, прислушиваясь к отдаленному бормотанию обезьян и рычанию охотящегося льва, я вспоминал гоготание диких гусей, когда они пролетали над Лохар-Мосс, и сладкий запах весеннего вереска. То была моя родина; Африка же была страной, где я пребывал временно.

После того как я едва избежал смерти от ожогов ядовитой крапивы, я стал подумывать о том, что, по всей вероятности, начинаю стареть. Мне шел 63-й год, но глаз мой был еще верен, и в кустарниковых зарослях я не уступал ни одному охотнику. Когда приходили сообщения о крупных зверях-мародерах, Департамент по охране дичи все еще обращался ко мне. Старик Мулумбе и я брали свои ружья и шли по следу зверей-разбойников. За редким исключением, через несколько дней нам всегда удавалось доложить об их уничтожении. Поэтому для меня было очень тяжело думать, что однажды мне придется отказаться от любимого занятия.

В конце концов я затронул этот вопрос в разговоре с Хильдой. Хотя было совершенно очевидно, что такая мысль еще ни разу не приходила ей в голову, она по какому-то любопытному совпадению вела переписку кое с кем из моих родственников в Шотландии. Она

предложила поехать на некоторое время в Ширингтон, чтобы просто-напросто осмотреться.

Чем больше я думал об этом, тем больше мне нравилась эта мысль. Я уже спал и видел яркую синеву вод Солвей-Фирта, длинную полосу дороги Банкенд-Аннан, по которой когда-то проезжала Мария Стюарт, королева Шотландии. Эта дорога проходила по необъятным, покрытым вереском низинам, простиравшимся насколько видел глаз.

Мы собрали свои вещи и попрощались с друзьями. Наши дети уже выросли, почти все поженились и упорно работали каждый по своей профессии. Поэтому нас ничто не удерживало в Кении.

В Шотландию мы прибыли поздней весной — самое лучшее время года для этой местности. Мы сразу же поехали на старую ферму в Ширингтон.

Вид, который открылся перед нашими взорами, привел меня в уныние. Все требовало ремонта. Конюшни и коровники имели запущенный вид. Вместо хорошо откормленных лошадей, которые остались у меня в памяти с юности, на ферме стоял ряд тракторов. Медовый запах клеверного сена уже не ласкал обоняние. Ферма пропахла бензином. Она больше смахивала на фабрику, чем на домашний очаг.

Мои родители умерли много лет назад, и ферма перешла в другие руки. Хильда и я побеседовали с новыми хозяевами. Они рассказали нам мало утешительного. Никто не шел в работники, да и рабочие руки стоили дорого.

— Все хотят работать на заводах, — с грустью сказал новый хозяин фермы. — Сейчас уже не увидишь краснощеких девиц и фермерских работников старых времен. Большая часть земли поросла травой — без работников ее невозможно было обработать.

Как хорошо я помнил ферму дней моей юности! Моя мать управляла целым штатом прислуги, отец работал в

поле с работниками, собирая урожай. Ферма дышала избытком нескольких столетий. И вот в течение жизни одного человека все это переменялось.

Мы поселились в старом доме около фермы. В мрачном настроении сели мы за стол в этот первый вечер. В Кении ужин начинался обычно с хорошего густого супа, за которым следовало рыбное блюдо, а затем первоклассные бифштексы с гарниром из трех или четырех видов овощей, если, конечно, Хильде не приходило на ум внести разнообразие в меню, подав дикого гуся, куропатку или же дикую утку. На сладкое был пирог, тропические фрукты и пудинг, а возможно, торт или мороженое. После этого в гостиную подавали кофе. Здесь даже овощей было мало. Правда, лососина из Солвей-Фирта оказалась очень вкусной.

Хильда прекрасная хозяйка, и на какой-то миг я не мог сообразить, почему она не подала хорошую отбивную.

Когда я взглянул на нее, я заметил, что она смотрит на меня с беспокойством.

— Джон, не забывай, что нам по норме полагается мяса не больше, чем на несколько пенсов в неделю, — напомнила она мне.

— Хорошо, — сказал я, — удовлетворимся хорошим омлетом.

— По норме полагается одно яйцо в неделю, Джон, — грустно сказала Хильда.

И как только люди могут жить в таких условиях! Но я не долго пребывал в состоянии растерянности. В тот же вечер я достал проволоку и пошел ставить силки.

Оказалось, что не все изменилось. Я еще помнил тропы через болота, по которым бегали дикие кролики. В этот вечер я поставил десять силков. Наутро я обошел их. Моя рука еще не утратила навыка, и в силки попались шесть замечательных жирных кроликов. Они наполнили мое сердце чувством большей гордости, чем

если бы я убил такое же число слонов, каждый бивень которых весил по сотне фунтов.

Сорок лет спустя я все еще умел поставить силок. Я желал только, чтобы Том Сэлман мог увидеть мою добычу. Том всегда утверждал, что следует ставить силок на полтора кулака от земли; по-моему же следует ставить их на два кулака от земли. Мы часто спорили по этому вопросу, попивая виски в Макинду. Однако качество пудинга обнаруживается только на вкус — я оказался прав, так как кролики хорошо попались в силки.

Возвращаясь домой, я почувствовал какое-то угрызение совести за свой эгоизм — ведь все это мясо я оставлял для Хильды и себя. Проходя мимо фермы, я увидел хозяйку, которая подметала парадное крыльцо. Я остановился и предложил ей кролика. Она безразлично посмотрела на зверька.

— Мы не держим свиней, — объяснила она.

— Вы что, кормите свиней кроликами? — спросил я. — Разве вы никогда не слышали о пироге с начинкой из кроличьего мяса?

— Мы их больше не употребляем в пищу, — пояснила мне хозяйка фермы. — Правда, я слышала, что люди ели их в старое время.

Я продолжал добывать кроликов и зайцев, однако мой интерес к этому спорту как-то притупился. Даже за деньги нельзя было нанять мальчика, который таскал бы за мной сумку с дичью. Через несколько часов связка кроликов почему-то начинала казаться тяжелой, и я понять не мог, почему не чувствовал этой тяжести, когда был мальчиком.

Я достал свою старую удочку и пошел удить рыбу. Мне удалось поймать несколько форелей, по фунту или немногим более каждая, однако для этого потребовалось слишком много времени. Вспоминается мне узкий деревянный мост, который был перекинут

через речку Лохар в нижнем ее течении, с которого я юношей ловил морскую форель, выплывавшую из Солвей-Фирта и с жадностью бросавшуюся на ярко расцвеченную муху. Пригожая шотландочка остановилась, когда я спросил ее об этом месте.

— Вы имеете в виду мост убийцы?

По моему виду она поняла, что я ничего не знаю.

— Разве вы не слышали, — спросила она, — о том, как один человек увидел свою любимую с другим и подстерег их на мосту? Мужчина, увидев нож, скрылся, а женщина осталась стоять, и подстерегавший перерезал ей горло от уха до уха, бросил ее тело в речку Лохар и сам бросился за ней. Вы, конечно, не пойдете туда ловить рыбу?

О тени моих предков! Мысли унесли меня в дикие места Кении. Я вспомнил, как удил усача на озере Эдварда у истока реки Семилики. Усачи там весом от десяти до пятнадцати фунтов, и за час можно поймать их целый десяток. Кроме того, в озере Рудольфа водился крупный нильский окунь, вес которого доходил до двухсот фунтов и более. Маленький окунь этой породы весом в пятьдесят или семьдесят пять фунтов даст хороший бой, прежде чем рыболов сможет его вытащить. Удить форелей в реке Лохар мне казалось просто потерей времени.

Лучшим воспоминанием юности была охота с дробовым ружьем. Однажды утром я вышел, взяв с собой дробовое ружье Перде, чтобы провести весь день в поросшем вереском болоте. Я пошел бродить по древним, хорошо знакомым полям, но почему-то они показались гораздо меньше, чем я их помнил. Мой глаз привык к необъятным просторам степей Кении, а эти уголья, казалось, были не больше, чем шамба жителя Африки. Видневшиеся вдали холмы, которые представлялись мне когда-то огромными горами, чьи пики врезались в небо, теперь как-то съежились в

сравнении с горами Кении и Килиманджаро. Кроме того, я уже не видел той дичи, которая во множестве водилась здесь раньше. Побродив сейчас целый день, редко встретишь косулю, зато хорьки и ласки водятся здесь в изобилии. Эти вредные зверьки захватили все.

Затем до меня донесся зов шотландских куропаток, и я снова почувствовал себя мальчиком. Крики неслись из низинки, поросшей вереском. Чтобы добраться до нее, мне надо было перелезть через ворота и пересечь выгон для скота. Взобравшись на ворота, я увидел небольшое стадо коров, которые паслись в поле под наблюдением старого бугая. Каким-то боком до моего сознания дошло, что у быка прекрасные рога.

Я наполовину пересек поле, как вдруг до меня донесся топот копыт. На какой-то миг мне представилось, что я снова в Кении. Сколько раз мне приходилось слышать грохот нападающего буйвола! Оглянувшись, я увидел, что на меня несется бык, пригнув голову и вытянув шею. Это была благородная картина.

Как-то вдруг я сообразил, что при мне нет нарезного ружья. До быка оставалось всего каких-нибудь пятьдесят ярдов, а он несся с яростью, достойной восхищения. Я никогда не любил обращаться спиной к дикому животному, но в данном случае мне ничего не оставалось делать, как обратиться в бегство. И я побежал.

К счастью, забор был невысокий, и я перемахнул через него как раз в тот момент, когда бык рогами ударил в деревянные ворота. Он сломал одну из поперечных перекладин и остановился, продолжая громко реветь. Бык неистово бил копытами по помету, лежащему на земле, как поступает обычно носорог, который также разбрасывает собственный помет. Редко мне приходилось встречаться с животным, проявлявшим такую неистовую ярость.

Когда я вернулся домой, то заявил Хильде, что впредь буду брать с собой нарезное ружье. Хильда тактично заметила, что фермеры будут возражать против уничтожения племенного скота.

— Хорошая страна, где человек не может защититься от диких зверей, — запротестовал я.

— В конце концов, Джон, — сказала Хильда ласково, — ведь ты залез на чужой участок.

Залез, на чужой участок! Такого со мной не случилось в течение сорока лет. Однако не было никакого сомнения в том, что Хильда сказала истинную правду. Вполне возможно, охота на куропаток тоже была запрещена законом — ведь мы вернулись в цивилизованную страну!

Хильда смотрела на меня с беспокойством. В конце концов она сказала:

— Джон, ведь мы прекрасно отдохнули. Не пора ли нам вернуться в Макинду?

Как приятно было услышать эти слова! Хильда, как всегда, оказалась права. Мы уложили вещи и следующим пароходом вернулись в Кению.

Высадившись в Найроби, я зашел к старым друзьям, чтобы побеседовать с ними. К моему удивлению, я услышал, что в районе Макинду все идет хорошо, несмотря на то, что мы отсутствовали в течение нескольких месяцев. Однако я был уверен, что рано или поздно я здесь еще понадобится. Мы в тот же вечер сели на поезд, направлявшийся на юг. Из окна вагона мы наблюдали стада диких животных на необъятных равнинах, простирившихся сколько видел глаз. Как радовала меня эта картина!

Хотя мы отсутствовали довольно продолжительное время, я даже не побеспокоился известить нашу домашнюю прислугу о своем возвращении. Когда поезд подходил к Макинду, я взял фонарь и просигналил из окна вагона, после чего пошел проследить за выгрузкой

багажа. Едва мы успели снять два ящика, как на станцию прибежал Мулумбе с тремя юношами.

В этот вечер мы сидели на террасе, прислушиваясь к воющему хохоту гиен и доносившимся издали звукам барабанов местных жителей. Мулумбе уже успел послать одну из своих жен предупредить женщин в деревне, чтобы они принесли яиц и молока к рассвету.

Небо было густо усеяно звездами, и запах распускавшихся ночью цветов наполнил воздух. Хильда и я подняли рюмки и провозгласили тост за Африку. Мы вернулись домой!

notes

Примечания

1

Крупная антилопа красноватой окраски с белыми полосами. Водится в лесах Экваториальной Африки.

2

Тропить (охотничье выражение) — идти за зверем по проложенному следу (тропе).

З

Миля (почтовая) = 1,6093 километра. Морская миля = 1852 метра.

4

Фут = 0,3048 метра.

5

Ярд = 0,9144 метра.

6

Акр = 0,405 га.

7

Hunter — охотник (англ.)

8

Приблизительно 6,9 миллиметра.

9

Приблизительно 6,5 миллиметра.

10

Охотничий караван.

11

Птица из семейства Musophagidae.

12

Разновидности больших и малых африканских антилоп.

13

Дюйм = 2.54 сантиметра.

14

Вождь.

15

Кинофильм по одноименному приключенческому роману английского писателя Райдера Хаггарда.

16

Полосатая африканская антилопа.

17

Крупная африканская антилопа с серовато-коричневой спиной и белым брюхом.

18

Цветной платок, сделанный в Индии.

19

Приблизительно 9,15 миллиметра.

20

Приблизительно 7 миллиметров.

21

Примерно 12,1 миллиметра.

Шотландская овчарка.

23

Небольшой африканский грызун, похожий на зайца.

24

Подожди.

25

Примерно 10,5 миллиметра.

Деревня.

27

Бушель = 36,38 литра.

28

Примерно 11,43 миллиметра.

29

Примерно 10,2 миллиметра.

Хорнбиль — крупная птица из семейства
Bucerotidae.

Турако — птица из семейства Musophagidae.

32

Приблизительно 13 миллиметров.

Руфа — птица, питающаяся рыбой. Имеет красивую длинную шею. Вид *Antinga rufa*.

Скрадывать (охотничье выражение) —
подкрадываться, бесшумно приближаться к
преследуемому животному.

35

Калибр 500 = 12,7 миллиметра.

36

Бог.

37

Гран = 0,0648 грамма.

Воды.

39

Африканское жирафоподобное жвачное животное, обитающее в Бельгийском Конго.

Ловля диких зверей при помощи силков, ям, капканов и прочих ловушек.

41

Приблизительно 14,3 и 15,2 миллиметра.

42

Унция = 28,349 грамма

43

Приблизительно 10,3 миллиметра.

44

Машина, применяемая для обработки древесины.

45

Крупная африканская антилопа из рода кобус, обитающая вблизи водоемов.

46

Африканская антилопа красивой темно-коричневой окраски.